

Дата выхода: 31.05.2018 г.

Студенческий электронный журнал «СтРИЖ»

№ 3(20) 2018

**Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»**

ISSN: 2587-7658

Редакционная коллегия:
Бородина Т.С. – главный редактор
Путило А.О. – ответственный секретарь
Караваева А.С. – редактор
Спиридонова О.И. – дизайнер

strizh@vspu.ru
8 (8442) 60-28-88

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы отечественной истории

АСКОЛЬСКИЙ М.А. Зубатовщина и ее влияние на генезис первой русской революции 1905–1907 гг.	5
БАГАЕВА З.Г. Деятельность Сталинградских театров в 30-е гг. XX в. (на материалах периодической печати)	9
БАГЛАЙ С.В. Национальная политика Александра I.	14
БАХМУТОВА С.Р. Елизавета Петровна: портрет императрицы в исторической литературе XIX века.	18
БАХМУТОВА С.Р. Эстоноцентризм и его влияние на русско-эстонские отношения.	23
БЕККЕР С.А. «Жилищная революция» в СССР во второй пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.: значение и итоги.	26
БЕССАРАБОВ Ю.А. Политический портрет Б.В. Савинкова.	30
БИТЮШКОВА А.А. Звериный стиль в культуре сарматов: историографический обзор.	34
БОЛГАНОВА Т.А. Проблемы поддержки инициативы и внедрения опыта рационализаторов и новаторов в Сталинграде (Волгограде) и области в к. 1950-х-нач.1960-х гг.	38
ВОЙТЕНКО А.С. Керамический материал поселений эпохи поздней бронзы, по материалам разведок 2006–2017 гг., проведенных в Дубовском районе Волгоградской области	43
ДЕМЯНОВСКАЯ А.С. Борис Годунов. Путь к трону.	47
ДОЛГОПОЛОВ Д.В. Восстановление народного хозяйства в Ворошиловском районе Сталинградской области в 1943–1945 гг.	51
ДУБЦОВА С.А. Об изменениях правил поступления в высшие учебные заведения СССР в 50-е гг. XX в.	57
ДУКОВА И.В. Образ советской женщины в плакатах 1920-х годов.	62
ЖИТЕНЕВ А.В. Общественно-политические движения в Царицыне в 1917-1918 гг.	68
ЗАХАРОВ К.В. Материально-техническое состояние театров Волгограда в 1990-е гг. (на примере Нового экспериментального театра)	72
ИВАНОВ А.В. Установление дипломатических отношений между СССР и Китаем.	76

КАРТАШОВ И.А. Развитие Аляски в конце XVIII – середины XIX вв.	80
КАРЯКИНА А.Е. Вклад ученых XVIII века в развитие археологической науки в России.	85
КИЙКОВА А.А. Государственная политика в сфере сельского хозяйства во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов.	88
КНЯЗЕВА О.В. Сохранение историко-культурной памяти о Т.П. Карсавиной	91
КОЗЮБЕРДА А.А. Историзм и реализм в искусстве передвижников.	97
КОРОТКОВА К.К. Роль местной периодической печати в освещении процесса реализации программы десятой пятилетки развития народного хозяйства в СССР (на примере г. Суровикино и Суровикинского района Волгоградской области)	102
КОРОТКОВА Т.А. Наемные рабочие в России в начале XX в.	106
МАЛАХОВА Ю.М. Формирование приоритетов государственной образовательной политики в советском государстве в 1917-1920-х гг.	109
МАРДАНОВА У.А. Восстановление промышленности Сталинграда в 1943-1950-е гг.: историографический аспект.	114
МОРОЗОВА В.С. Источники личного происхождения: мемуары Г.К. Жукова как источник по изучению Сталинградской битвы.	117
ПИСКОТИНА В.А. Особенности организации всероссийских археологических съездов во второй половине XIX – начала XX вв. (на примере VII–XVI съездов)	120
ПИСЬМАРОВА А.В. Образ дракона в декоре золотоордынских украшений.	124
ПИЮКОВА М.А. Подвиг Сталинграда на страницах периодической печати Волгоградской области середины 60-х гг. XX в.	129
ПОВЕТКИН С.Ю. Историографический аспект исследований истории наградной системы периода Великой Отечественной войны.	131
ПОЛЕТАЕВА Л.Н. Миграционные процессы в современной Европе и Российской Федерации.	137
ПОПОВА Е.И. Современные русско-грузинские отношения: проблемы и перспективы.	140
ПРОЗОРОВ А.А. Нестор Махно и «махновщина» как яркий пример зеленого повстанческого движения.	144
СЕМЕНЦОВА Н.В. Формы организации досуга школьников в Волгограде (1960-е гг.)	149

СЕРЁЖНИКОВ А.А. Я.З. Ерман и А.М. Каледин в истории Царицына.	153
СУВОРОВА О.А. Идеологическая работа учреждений культуры Волгоградской области в 1965–1975 гг.	156
ТОМОВ А.С. Современное положение индейцев США.	160
ТРЕТЬЯК Д.В. Региональная политика в сфере социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны в 1960-е г. (на материалах Волгоградской области)	163
УРАЗГАЛИЕВ Р.М. Протестанты Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.	167
ФОКИН А.Ю. Законодательство 1861 г. и реакция крестьян Саратовской губернии.	172
ХОМИЦЕВИЧ И.А. Изображения на монетах золотой орды: государственный символ или атрибут магических верований?	176
ХРИЩАТЫЙ В.С. Первая чеченская кампания 90-х годов и СМИ.	180
ШОМАХОВА А.А. Мусульмане российской империи в годы первой мировой войны.	183

УДК 93/94

М.А. АСКОЛЬСКИЙ
(user2593@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**«ЗУБАТОВЩИНА» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ГЕНЕЗИС
ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.***

Рассматривается «зубатовщина», явление в борьбе с рабочим движением начала XX в., и ее влияние на события 9 января 1905 г. Уделяется внимание деятельности гапоновских организаций, как детищу С.В. Зубатова.

Ключевые слова: «зубатовщина», рабочее движение, Георгий Гапон, Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга.

История создания и деятельности легальной и самой крупной рабочей организации начала XX в. – Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга – имеет исключительную важность для понимания генезиса Первой русской революции, а именно событий 9 января 1905 г.

Конец XIX в. в Москве характеризуется промышленным подъемом, данное обстоятельство обусловило рост активности рабочего движения. Все чаще стали проходить стачки и забастовки, что не могло не волновать власть. Государственные органы в борьбе со стачечным движением стали применять так называемый метод «зубатовщины».

В отечественной науке под термином «зубатовщина» или «полицейский социализм» принято понимать политику царского правительства в рабочем вопросе начала XX в., которая названа по имени ее создателя – чиновника Департамента полиции Российской империи С.В. Зубатова, развивавшего идеи «полицейского социализма», опираясь на экономизм и легальный марксизм. Предложенная С.В. Зубатовым концепция выражалась в создании легальных рабочих организаций, действовавших под тайным надзором полиции. Суть «попечительной» политики правительства – обещание реформ при условии отказа пролетариата от революционного движения [5, с. 194].

Характеризуя С.В. Зубатова, стоит отметить, что он был личностью неординарной. В свои молодые годы он увлекался революционными идеями, однако со временем разочаровался в них и стал придерживаться монархических взглядов. Данные метаморфозы однозначно оказали влияние на мировоззрение деятеля.

Приверженцы монархической России, к которым относился С.В. Зубатов, еще задолго до событий 1905 г. понимали всю опасность рабочего движения для самодержавия. Со временем рабочее движение в Российской империи разрасталось, охватывало все новые группы трудящихся. Положение этого класса населения было весьма сложным, это обусловлено тем, что рабочие, в отличие от крестьян, оседали группами вблизи предприятий и промышленных центров. Власть не интересовала проблемы и нужды рабочего класса, в этой связи данная категория населения радикализировалась. Рабочие массы могли привести к концу империи и С.В. Зубатов это понимал. Он предложил создавать легальные союзы рабочих, подконтрольные властям.

В.П. Дмитриенко справедливо отмечает, что идея С.В. Зубатова предполагала, что государь находился вне партий, был главой всего русского народа и ратовал за каждого подданного вне зависимости от классовой принадлежности. Бедственное положение рабочего класса не могло оставаться без внимания властей и царя.

Идея создания контролируемых властью рабочих союзов была поддержана высшими чиновниками, в том числе и дядей императора Николая II, московским генерал-губернатором, великим князем Сергеем Александровичем. В феврале 1902 г. князь Сергей писал своему брату Павлу: «Сегодня

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

у меня были приятные минуты: я принимал депутацию рабочих со всех механических заводов и мастерских Москвы, которым я устроил и провел устав общества самопомощи. Дело очень интересное, серьезное, даже скажу опасное – обоюдоострое, но, по моему крайнему разумению, необходимое по теперешним временам» [1, с. 24].

В Москве «зубатовщина» зарекомендовала себя как действенный инструмент в борьбе с революционным движением. «Полицейский социализм» перебрался на другие промышленные города России, в частности Одессу, Минск и Санкт-Петербург, который и становится основным театром действий Первой русской революции.

В 1902 г. С.В. Зубатов за проявленные успехи в борьбе с рабочим движением назначен заведующим особым отделом полиции и переведен на службу в Петербург, где планировал распространить опыт легальных рабочих организаций «полицейского социализма» по образцу московских организаций. Была начата деятельность по осуществлению задуманного, однако популярности данные организации среди рабочих Петербурга не приобрели. В первую очередь это обусловлено когнитивными способностями Петербургских рабочих, которые были, безусловно, более развиты и продвинуты, нежели Московские.

«Зубатовцы» устраивали собрания рабочих, на которых старались популяризировать идеи своего лидера. В 1902 г. на собраниях стал появляться молодой священник Г.А. Гапон, который устанавливал с рабочими доверительные отношения, интересовался подробностями их жизни, посещал на дому, вел активную социальную проповедническую деятельность. Вследствие своего отношения к рабочим людям Гапон становится значимой и популярной личностью среди них.

С.В. Зубатов скрупулёзно анализировал деятельность созданной им рабочей организации, в какой-то момент в его поле зрения попал Г. Гапон. С.В. Зубатов сделал ставку на Г. Гапона, а именно он решил воспользоваться им и его авторитетом для популяризации рабочей организации в Петербурге. В 1902 г. С.В. Зубатов знакомится с Г. Гапоном и берет его под свой протекторат. Стоит отметить, что Георгий Гапон был человеком далеким от политики, кроме того он был мало знаком с рабочим вопросом. С.В. Зубатов всячески стимулировал священника к развитию интереса к обозначенным темам, снабжал его литературой, помогал финансово. Между ними установились близкие, дружеские отношения. С.В. Зубатов познакомил Гапона с рядом полицейских и государственных чиновников, стал выплачивать ему от департамента полиции по 100 рублей ежемесячно за деятельность в интересах монархии.

В 1903 г. С.В. Зубатов был уволен из департамента полиции, однако Г. Гапон нашел себе нового влиятельного покровителя в лице В.К. Плеве. После смены протектора Г. Гапон решает развернуть по всей империи сеть организаций «полицейского социализма».

В феврале 1904 г. утверждается устав Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Данное явление породило новый виток «зубатовщины» – «гапоновщину».

В архивных документах содержатся записи о том, что уже к концу 1904 г. гапоновская организация расширилась, открылось семнадцать отделений, в каждом из районов Санкт-Петербурга. Своей основной задачей общество ставило трезвое и разумное времяпрепровождение, развитие и укрепление русского самосознания, правовое просвещение членов общества. Члены гапоновского общества платили членские взносы, однако для них был открыт ряд привилегий, а именно они могли пользоваться библиотекой, посещать лекции, концерты, им оказывалась бесплатная юридическая помощь. Место для собраний служили клубы или чайные. На собраниях присутствовали тысячи человек. Перед членами общества выступал сам Г. Гапон, который в своих выступлениях поносил господ, рисовал мрачные картины общественной и социальной несправедливости. Речи батюшки находили живой отклик у присутствующих, спустя короткое время Г. Гапона стали называть радетелем за «народное дело» [4, с. 288].

По мнению Н.С. Трусовой, положение рабочего класса ухудшалось, в этой связи отмечался рост оппозиционных настроений среди членов гапоновской организации и Г. Гапон поддавался их влиянию.

Он стал высказывать мысли о необходимости подачи императору петиции, в которой нужно отразить надежды и чаяния народа [7, с. 111].

Конец декабря 1904 г. ознаменовало событие, которое побудило гапоновцев начать действовать. На Путиловском заводе гапоновцы имели большое влияние и поддержку, кроме того многие рабочие завода являлись членами Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Н.А. Бухбиндер отмечает, что руководство Путиловского завода настороженно относилось к гапоновскими организациям. В этой связи, с целью уменьшения увлеченности идеями Г. Гапона среди рабочих, администрация завода принимает решение уволить четырех заводчан за их принадлежность к Собранию русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Вследствие данного решения, возникла волна возмущения среди работников завода, а Г. Гапон принял данное известие как личный вызов Собранию русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Было создано собрание гапоновской организации, на которой принято решение просить начальника Путиловского завода и фабричного инспектора о восстановлении уволенных рабочих. Однако должного эффекта отправленная депутация не возымела. Тогда Георгий Гапон под влиянием народных масс призывает рабочих к забастовке, которая начинается 3 января на Путиловском заводе, а уже к 7 января 1905 г. бастовать стали все предприятия Петербурга.

В этот период Г. Гапон пропагандирует среди народа идею идти к императору с петицией для того, чтобы искать у него помощи и защиты. Стоит отметить, что петиция была составлена малой группой уполномоченных рабочих под председательством Г. Гапона, и рабочие с полным перечнем требований, содержащимся в документе, ознакомлены не были. Рабочие лишь знали, что идут к «царю-батюшке» просить помощи для народа. В своей работе Н.А. Бухбиндер, основываясь на воспоминаниях современников, отмечает, что петиция носила революционный характер, помимо экономических требований, в петицию был внесен ряд политических требований, среди которых были созыв народного представительства, политическая свобода, передача земли народу. Требования, указанные в петиции, подрывали устои государственности и по сути своей были провокационными [2, с. 40].

Идея о мирном шествии к царю была воспринята народом с воодушевлением и соответствовала его настроениям. Именно поэтому Г. Гапоном было принято решение осуществить задуманное.

9 января 1905 г. многотысячные народные массы организованно двинулись по направлению к Зимнему дворцу. Шествие возглавлял Георгий Гапон. Демонстрация имела характер крестного хода, впереди шествия несли иконы, портреты царя. Санкт-Петербург в тот день имел вид военного лагеря. В город были введены войска. Офицерам властями был дан приказ открывать огонь. Началась стрельба, народ был в смятении и растерянности.

«Кровавое воскресенье» произошло. Безусловно, что роль Георгия Гапона и его организации внесла большую лепту в генезис Первой русской революции. Г. Гапон, являясь детищем «зубатовщины», воспользовался оказанным им доверием. Что двигало им в тот момент сейчас сказать сложно, однако можно сказать точно: Собрание русских фабрично-заводских рабочих сыграло существенную роль в возникновении забастовки в январе 1905 г. В кругах рабочего класса организация Г. Гапона подготовила сознательное недовольство текущим положением дел и поддержала радикальный путь перемен.

Радикалы после событий 9 января активизировались, поскольку теперь у них появилась «козырная карта», которую они и решили разыграть. Началась Первая русская революция.

Литература

1. Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитриенко В.П. История России XX века. М: АСТ, 1999.
2. Бухбиндер Н.А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М.: Всесоюз. общ-во политкаторжан и поселенцев, 1926.
3. Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960.
4. К истории «Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга». Архивные документы // Красная летопись. Л., 1922. № 1.
5. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М: Проспект, 2012.
6. Сахаров А.Н. Исторические портреты. Романовы: в 2 т. М: Армада, 1997. Т. 2.
7. Трусова Н.С. Начало Первой русской революции. Январь – март 1905 г. М: Академия наук СССР, 1995.

MSTISLAV ASKOLSKIY

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**“ZUBATOVSHINA” AND ITS INFLUENCE ON THE GENESIS
OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION OF 1905–1907S**

The article deals with the phenomenon of “zubatovshina”, taking place in the struggle against the labor movement of the early 20th century, and its influence on the events of the 9th of January in 1905. The activities of Gapon organizations as the offspring of S.V. Zubatov are under consideration.

Key words: “zubatovshina”, labour movement, Georgiy Gapon,
Assembly of Russian Factory Workers of St. Petersburg.

УДК 94(47).084.6

З.Г. БАГАЕВА

(bagaeva-zarina@rambler.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКИХ ТЕАТРОВ В 30-Е ГГ. XX В.
(на материалах периодической печати)***

Рассматривается театральная жизнь Сталинграда в 1930-е гг. Освещаются газетные статьи, затрагивающие деятельность сталинградских театров в указанный период. Особое внимание уделяется репертуарам театров, приводятся данные о посещаемости, выделяются общие проблемы развития.

Ключевые слова: театр, Сталинград, учреждения культуры, культурная жизнь, культурная политика.

Конец 1920-х и 1930-е гг. – это время масштабной социально-экономической модернизации по всему Советскому Союзу, которая получила название «социалистическая». Появляются пятилетние планы, направленные на качественное и количественное изменение основных показателей народного хозяйства и культурного строительства. Под преобразованиями в рамках социалистической модернизации партийное руководство, прежде всего, понимало индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. Последняя подразумевала повышение уровня образования и культуры населения, а также воспитание трудящихся масс в духе новой идеологии. Этому способствовала деятельность учреждений культуры, сеть которых расширялась по всей стране. Так было и в Сталинграде, культурная жизнь которого приобретает активное становление и развитие в эти годы. Особую роль в осуществлении просветительской работы играли театры города. Об их масштабной деятельности можно судить по документам, сохранившимся в фондах государственного архива Волгоградской области, и материалам газеты «Сталинградская правда». Проблема освещалась также и в исследованиях краеведов. О развитии театров в обозначенный период писали Г.Н. Андрианова в работах «Из театрального прошлого» [1], «Художественный облик Царицына-Сталинграда-Волгограда» [2], «Это было в нашей истории...» [3]; М.А. Водолагин в монографии «Очерки истории Волгограда» [4]; В.А. Лазарев в коллективном труде «Царицын-Сталинград» [22]. Раскрытие данной проблемы в обозначенной краеведческой литературе носит фрагментарный характер и не содержит указания на источниковую базу, что определяет собой актуальность исследования.

В 1930-е гг. и до начала войны в Сталинграде функционировало четыре театра: областной драматический театр им. М. Горького; музыкальной комедии; юного зрителя и кукольный [15, с. 205]. Все театры «в целях упорядочения руководства театральным делом в крае» были переданы в 1934 г. постановлением бюро крайкома ВКП(б) в подчинение специально созданному при крайоно краевому управлению театральными и зрелищными предприятиями (край УТЗП) [6, с. 258]. Управление руководило вопросами развития и функционирования театров, составляло репертуар, который должен был правильно отражать революционное преобразование страны.

Для театров того времени, в том числе и для сталинградских, были характерны общие тенденции и проблемы. С одной стороны, классические постановки (как отечественные, так и зарубежные) продолжали ставиться в советском театре, но, с другой стороны, в репертуаре шел все больший поворот в сторону соцреализма, что делало театр средством агитации и пропаганды. Часто театрам отдавали помещения, не соответствующие запросам населения: не было достаточно посадочных мест, давно не проводились ремонтные работы – все это отражало их тяжелое финансово-хозяйственное состояние. Актеры не были обеспечены жильем, плохие бытовые условия вызывали утечку кадров в театры других городов и становилось невозможным стационарирование местных театров.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Об успехе театра в Сталинграде в начале 30-х гг. XX в. было сложно сказать. Трудности испытывали все театры без исключения, в том числе, образованный еще в 1920-е годы, музыкально-драматический. Его главный режиссер А.А. Сумароков в конце сезона 1932–1933 гг. признавал, что «театр драмы переживает кризис» [1, с. 101]. Причина была не в художественной неполноценности театра, потому как многие спектакли ставились неоднократно и актеры имели успех. Проблема была в том, что в городе рабочий зритель не был организован. Рабочий класс не привык ходить в театры, а старая интеллигенция бойкотировала советский репертуар. Иной стала ситуация на сезон 1933–1934 гг.: оформилась постоянная труппа и утвердилось художественное руководство. В это время драматический театр становится одним из ведущих в стране и получает имя М. Горького в память о приезде в Сталинград известного советского писателя.

С 1935 г. начинается подъем драмтеатра им. Горького, когда первым секретарем Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) И.М. Варейкисом из воронежского театра был приглашен режиссер В.М. Энгель-Крон. Он устроил конференцию, на которой вместе с рабочими обсудил репертуар, что значительно увеличило уровень посещаемости. За зимний сезон 1936–1937 гг. «театр дал 9 новых постановок и возобновил три прошлогодние, за это время прошло 272 спектакля, которые посетило 219 тысяч зрителей» [17, с. 4]. В репертуаре театра были классические пьесы отечественных и зарубежных драматургов: «Горе от ума» А.С. Грибоедова; «Гроза», «Без вины виноватые» А.Н. Островского; «Анна Каренина» по инсценировке С. Свэнова и Б. Дьякова; «Дети солнца» М. Горького; «Коварство и любовь» Ф. Шиллера; «Похищение Елены» Л. Вернейля и др. [20, с. 4]. В следующем сезоне репертуар пополнился постановками, которые имели политико-пропагандистскую направленность: пьесой Шейнина и братьев Тур «Очная ставка», рассказывающей о подрывной работе фашистских шпионов и их разоблачении, и пьесой Вишневского «Первая конная», приуроченной к 20-ой годовщине Великой Октябрьской революции, в которой отражается героическая оборона Царицына в 1918–1919 гг. [16, с. 4]. В рамках празднования этой знаменательной даты работники драматического театра обратились с призывом ко всем работникам других театров Сталинградского края отметить 20-ю годовщину Октября спектаклями, в которых зритель смог бы почувствовать масштаб происшедшего события [9, с. 4]. Так, коллектив областного театра им. Горького вступил в соревнование с Астраханским драматическим театром. В этом же сезоне к 20-летию Красной Армии и Военно-морского флота театр поставил пьесу И. Прутта «Дорога на юг», которая рассказывает об одном из этапов Гражданской войны на юге страны. Для консультации были привлечены работники Музея обороны Царицына [21, с. 4].

В результате ненадлежащего руководства зрелищными учреждениями со стороны отдела искусств городского совета и Облисполкома театр в 1938 г. оказался в тяжелом финансово-хозяйственном состоянии: не было средств на ремонт, не были созданы комфортные квартирные условия. В это же время областной драматический театр им. Горького лишается своего художественного руководителя. Изменения в его деятельности происходят в связи с выходом в апреле 1938 г. приказа ВКИ при СНК СССР № 221 «О порядке формирования театральных трупп», который предполагал стационарирование театров и актерского состава [11, с. 4]. Были приглашены новый художественный руководитель Н.А. Медведев, режиссеры-постановщики Ю.Д. Ерофеев, Л.С. Фатин.

В сезоне 1938–1939 гг. в репертуаре появляется пьеса местного молодого драматурга Б. Дьякова «Любовь и ненависть», что являлось практически уникальным явлением для театральной жизни города [8, с. 4]. Коллектив театра оказал автору большую помощь в работе над постановкой. Спектакль нашел отклик среди сталинградских зрителей. Масштабная работа была проделана по окончанию зимнего сезона в организации гастролей. Театр дал с 8 июня 1939 г. до конца июля 76 спектаклей на заводах: СТЗ, «Баррикадах», «Красном Октябре» [7, с. 4].

Тем не менее, в театре оставалось сложное состояние вопроса утечки кадров и происходила постоянная смена руководства. За прошедший сезон сменилось 4 художественных руководителя, 7 режиссеров, менялась администрация, ушел ряд ведущих актеров, которых не заменили равноценными [12, с. 3]. Был вновь назначен новый художественный руководитель, которым стал заслуженный

деятель искусств Н.В. Ладыгин. Пробыл он на своем посту недолго – уже в мае 1940 г. он покидает Сталинград по неизвестным причинам. При нем были поставлены пьеса Н. Погодина «Человек с ружьем» [12, с. 3], приуроченная к 22-ой годовщине Октябрьской революции, и пьеса «Павел Греков» В. Войтехова и Л. Ленча, которая была представлена на смотре театральной молодежи СССР и являлась первым показом творческих сил молодых актеров драматического театра [10, с. 2]. Приглашаются известные актеры из разных городов Советского Союза, что улучшило творческий состав театра. На предстоящий сезон театр имел множество планов, художественный руководитель Л.С. Фатин усилил состав труппы, подобрал произведения для репертуара, учитывая разнообразные жанры драматургии. В предвоенный сезон театр вступал в качестве ведущего зрелищного учреждения города, именитые писатели-сценаристы, такие как Н.Ф. Погодин и А.Н. Афиногенов, предлагали свои последние пьесы для премьеры.

Не менее популярным зрелищным учреждением стал 2-ой Государственный Сталинградский рабочий театр, созданный 8 декабря 1931 г. постановлением Нижневолжского крайкома ВКП(б). Уже в 1932 г. он получает наименование Сталинградского краевого театра музыкальной комедии, возглавил его Л.Ю. Сагайдачный [2, с. 112]. В ноябре этого же года в старинном царицынском здании театра «Конкордия» проходит премьерный спектакль «Холопка» Н. Стрельникова. В первом сезоне были поставлены оперетты советских композиторов и классика: «Жрица огня» В. Валентинова, «Сильва» И. Кальмана, «Летучая мышь» И. Штрауса, «Жёлтая кофта» Ф. Легара и др. Большая подготовительная работа позволила сталинградской музкомедии в этом же сезоне представить зрителю 13 премьерных спектаклей и завершить его гастрольями в Москве, Киеве и Харькове. В это время в театр пришли актеры, которые связали с ним свой творческий путь на долгие годы.

Данные о последующих сезонах вплоть до 1936 г. отсутствуют в архивных сведениях, материалах периодической печати и краеведческой литературе. На сезон 1936–1937 гг. было запланировано 14 премьер, в их числе «Капитан Фракас» (по роману Т. Готье), «Джилетта из Норбонны» (переделка новеллы Боккаччио), «Нищий студент» К. Миллекера, «Цыганская любовь» Ф. Легара и «Последний чардаш» И. Кальмана, которые были впервые поставлены в Сталинграде [13, с. 4]. Художественным руководителем театра стал Г.Ф. Энритон, творческий коллектив театра больше, чем наполовину пополнился вновь приглашенными артистами. Руководство театра обратилось и к зрителю, который раньше не участвовал в работе театра. Были проведены конференции на Тракторном заводе и «Красном Октябре», где обсуждалась подготовка к сезону и в завершении выступали солисты театра [Там же].

В мае 1937 г. театр музкомедии выехал на гастроли в г. Горький, которые продолжались до августа. В последний месяц лета и в сентябре по приглашению гастрольного бюро Всесоюзного комитета по делам искусств театр играл на курортах Советского Союза: Кисловодске, Железноводске, Ессентуках, Ялте, Алушке и Сочи [5, с. 4].

В следующем сезоне 1937–1938 гг. репертуар был значительно расширен, но большинство пьес, таких как «Катя-танцовщица» Ж. Жильбера, «Золотая долина» И.О. Дунаевского, оказалось провальным [2, с. 114]. Множество мест в зале театра пустовало и лишь «Свадьба в Малиновке» Б.А. Александрова имела успех. Об этом сезоне можно судить по письму актрисы театра В. Блан, опубликованному в газете «Сталинградская правда», которое называется «Что происходит в театре музыкальной комедии» [23, с. 4]. Она пишет о том, что сезон был открыт без художественного руководителя; состав труппы не имел постоянной основы, он менялся от сезона к сезону; для сотрудников не создавались надлежащие бытовые условия; артистов не посвящали в репертуарный план.

Ситуация изменяется с началом нового сезона и приглашением Ю.Д. Ерофеева в качестве художественного руководителя театра и режиссера-постановщика. С его приходом были решены хозяйственные вопросы, касающиеся ремонта здания, значительно укреплены хор, балет и оркестр, театр стал работать с местными авторами и композиторами и, не изменяя основной состав труппы, он пополнил ее ведущими творческими работниками. Большая часть спектаклей, поставленных в сезон 1939–1940 гг., была положительно оценена критиками и получила зрительское признание.

Открытие третьего театра Сталинграда состоялось 18 октября 1933 г. с премьерным показом спектакля «Принцесса Турандот» К. Гоцци. Им стал Театр юного зрителя (ТЮЗ), первым режиссером которого стал П.К. Каюров. Для представлений ему был предоставлен кинотеатр «Красноармеец».

Как и в других театрах города, в ТЮЗе постоянно менялся актерский состав, художественные руководители, режиссеры. В 1936 г. в театр были приглашены 25 молодых актеров из ленинградских театров драмы и юного зрителя, из прежней труппы осталось всего 3 артиста [19, с. 4]. Художественным руководителем и директором стал А.С. Николаев, в прошлом руководивший архангельским детским театром и позднее работавший режиссером ленинградского ТЮЗа. Под его управлением меняется репертуар театра, ставятся современные пьесы на советскую тематику: «Музыкантская команда» Д. Дзю, «Брат и сестра» Е. Шварца, «Сережа Стрельцов» В. Любимовой и «Гимназисты» К. Тренева [19, с. 4]. Однако, в репертуаре театра, помимо детских пьес и сказок, было много спектаклей по русской и зарубежной классике, которые пользовались успехом и у взрослого населения. По просьбам профсоюзов и студентов было решено организовать вечерние спектакли для взрослых в выходные дни [14, с. 4].

В 1938 г. меняется художественный руководитель, им становится В.И. Раскольников, приглашенный из Крымского республиканского ТЮЗа. Под его руководством в ознаменование двадцатилетия комсомола театр поставил инсценировку «Как закалялась сталь» по роману Н. Островского. При нем была организована детская балетная студия, располагавшаяся также в здании театра. Уже в 1939 г. участники балетной студии ко дню Сталинской Конституции представили балет «Лебединое озеро». Сталинградский ТЮЗ в 1938 г. был посещен 133 тысячами человек [6, с. 310].

В 1939 г. появился четвертый театр города – кукольный, спектакли которого проводились на сцене ТЮЗа. Его режиссером являлся А.А. Хмелев. Труппа театра состояла из 9 человек. В репертуаре были пьесы «Красная Шапочка», «Золотой петушок», «Кот в сапогах», «Красный флаг» Матвеева с остросоциальным сюжетом [2, с. 121–122]. В мае 1939 г. областной театр кукол Сталинградского ТЮЗа впервые выступил по радио со сказкой «По щучьему велению». Это оказалось удачным опытом, и было принято решение проводить выступление театра ежемесячно [18, с. 4].

Таким образом, благодаря театрам в Сталинграде оживилась культурная жизнь. На них была возложена функция по воспитанию у трудящихся масс эстетических и гражданских чувств. С выполнением поставленных партийно-государственных задач театры справлялись в определенные сезоны по-разному. Если в начале и до середины 1930-х гг. театры испытывали трудности с привлечением публики, то благодаря грамотному подбору репертуара, взаимодействия со зрителем путем организации встреч с ним руководством театра, посещаемость этих зрелищных учреждений возрастает. Под конец 30-х гг. XX в. число театров в Сталинграде увеличивается. В городе были представлены все виды профессиональных театров: музыкальный, драматический, детский. В этот период качество организации самих постановок становится выше, выбор репертуара значительно расширяется, ремонтные и реконструкционные работы улучшают условия как для актеров, так и для посетителей. В условиях жесткой цензуры практически все постановки были выдержаны в обозначенном партийным руководством методе соцреализма, но при этом театр сохранил и классические традиции в спектаклях.

Литература

1. Андрианова Г.Н. Из театрального прошлого. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985.
2. Андрианова Г.Н. Художественный облик Царицына–Сталинграда. Волгоград: Универсал, 1991.
3. Андрианова Г.Н. Это было в нашей истории: сб. Волгоград: Панорама, 2013.
4. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968.
5. Гастроли театра музкомедии // Сталинградская правда. 1937. 29 апр.
6. Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: сб. документов и материалов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. Т. 1.
7. Летние гастроли театра им. Горького // Сталинградская правда. 1939. 5 июня.
8. Любовь и ненависть // Сталинградская правда. 1938. 3 нояб.
9. Навстречу XX годовщине Октября. Соревнование театров // Сталинградская правда. 1937. 26 сент.

10. Наша премьера // Сталинградская правда. 1939. 14 окт.
11. Областной театр им. М. Горького накануне зимнего сезона // Сталинградская правда. 1938. 22 авг.
12. О театре и любви к нему // Сталинградская правда. 1939. 23 июля.
13. Перед открытием театра музыкальной комедии // Сталинградская правда. 1936. 15 окт.
14. Спектакли ТЮЗа для взрослых // Сталинградская правда. 1938. 8 апр.
15. Сталинградская область. Сталинград: Обл. кн. изд-во, 1940.
16. Театр драмы за прошедший сезон // Сталинградская правда. 1937. 6 июля.
17. Театр им. Горького в предстоящем сезоне // Сталинградская правда. 1937. 2 сент.
18. Театр кукол у микрофона // Сталинградская правда. 1939. 15 мая.
19. Театр юного зрителя в новом сезоне // Сталинградская правда. 1936. 12 окт.
20. Театры в будущем сезоне // Сталинградская правда. 1937. 11 авг.
21. Театры и клубы – к годовщине Красной Армии и Военно-морского флота. «Дорога на юг» // Сталинградская правда. 1938. 3 февр.
22. Царицын-Сталинград. Сталинград: Кн. изд-во, 1954.
23. Что происходит в театре музыкальной комедии // Сталинградская правда. 1938. 15 мая.

ZARINA BAGAEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE ACTIVITIES OF STALINGRAD THEATERS IN THE 1930S
(based on the materials of the periodical press)**

The article deals with the theatrical life of Stalingrad in the 1930s. The newspaper articles covering the activities of the Stalingrad theaters in the specified period are described. The issue of the theaters' repertoire is under consideration. The information of attendance is given and the general problems of development are singled out.

Key words: *theater, Stalingrad, cultural institutions, cultural life, cultural politics.*

УДК 93(47).072

С.В. БАГЛАЙ

(baglaj1999s@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА I*

Изучается и анализируется национальная политика Александра I в национальных окраинах Российской империи (Сибирь, Прибалтика). Выявляются особенности политики во вновь присоединённых к России территориях (Польша, Финляндия, Кавказ).

Ключевые слова: Александр I, Российская империя, национальная политика, народы, реформы.

Российская империя начала XIX в. представляла собой многонациональное государство, в котором проживали свыше 100 народов и народностей общей численностью около 40 млн человек. И хотя русские (великоросы, малоросы, белорусы) составляли 80 процентов населения страны, жили и представители других национальностей, люди, которые исповедовали различную религию. Во время правления Александра I в состав России были включены новые земли. Помимо польских территорий, были присоединены земли, населённые финнами и шведами. Особый статус имела Прибалтика, находившаяся в составе страны с XVIII в. В течение всего XIX столетия Россия продвигалась на Кавказ, принимая власть над его многочисленными народами. Для поддержания порядка и недопущения межнациональных конфликтов внутри страны император должен был проводить грамотную национальную политику с учётом нравов всех подвластных ему народов.

В 1815 г. по решению Венского конгресса с условием, что Великое Герцогство Варшавское получит конституционное устройство, оно присоединилось к России. Поляки стали третьим по численности народом страны (после русских и украинцев). Царство Польское, так оно теперь называлось, имело значительную самостоятельность.

Конституция 1815 г. была разработана Чарторыйским и другими выдающимися польскими деятелями, такими как Матушевич, Плятер, Вавжецкий, Литовский. Редакция была поручена Станиславу Потоцкому. Окончательные же поправки были сделаны Новосильцевым и самим Александром I, который становился монархом Польши.

Вопросы о войне и мире решал монарх, по усмотрению которого могла быть использована польская армия, но только в пределах Европы. Армия была вверена Великому Князю Константину – главному начальнику польской армии. Это было прямым нарушением конституции, т. к. существовала должность военного министра и именно он должен был руководить армией. Александр доверил армию Константину, скорее всего, из соображения безопасности.

Сейм по конституции собирался каждые два года на тридцать дней. Он не имел права инициативы, а только являлся своеобразным критиком законов. Состоял сейм из двух палат. В начале заседания сейма были гласными, но из-за оппозиционных речей Александр настоял на ограничении гласностей прений [1, с. 31].

Управление страной находилось в руках наместника, государственного совета и состоящего при наместнике административного совета. Государственный Совет при наместнике имел лишь право готовить законодательные проекты, отдавать административные распоряжения и выполнять функции Верховного административного суда.

Из-за неблагонадёжности польских учебников ещё в 1801 г. было решено перевести русские учебники на польский язык. Это должен был исполнить князь Чарторыйский, но он этого не сделал. Сомнясь в обязанности министра иностранных дел, а затем министра и попечителя Виленского учебного округа, его просветительская деятельность сопровождалась значительным успехом. Он возродил

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

в Вильне университет, за что город стал центром польской умственной жизни и успешно соперничал в этом отношении с Варшавой.

Александр I в 1825 г. обещал присоединить к Царству Польскому значительную часть исторической Литвы, но управление Виленским округом было доверено Новосильцеву, который был приверженцем политики объединения и обрусения польских земель с российскими. Он указывал на неблагонадёжность университетских курсов в Вильне. В 1825 г. министерство издало инструкцию, согласно которой национальное образование во всей Российской империи должно было производиться на русском языке, наука должна была быть очищена от излишних «умствований».

Реакционная и русификаторская политика в школьном деле в провинциях исторической Польши раздражала поляков не только в Вильне, но и в Варшаве. Это озлобление, вызванное политикой России в отношении исторических областей Польши, можно считать одной из причин Польского восстания 1830 г.

В 1809 г. по итогам русско-шведской войны Россия присоединила территорию Финляндии. Этот регион под названием Великое княжество Финляндское получило особый статус в составе России. Финляндия была наделена довольно большой самостоятельностью в управлении, имела свой сейм, без согласия которого не мог быть издан, изменён или отменён ни один закон.

Для управления Великим княжеством Финляндским император назначал генерал-губернатора, который возглавлял Комитет главного управления. На шведском языке, как и раньше, велось управление делами. Государственным хозяйством и судом управлял Правительствующий совет, специально для этого созданный. Автономными, без изменений, оставались система местного самоуправления и система образования. Император осуществлял назначения на все высшие должности [4].

Такая политика властей позволяла обеспечить относительно спокойное развитие Финляндии в составе империи.

Реформаторская деятельность императора затронула ещё одну национальную окраину Российской империи – территорию Прибалтики. Прибалтийские народы в начале XIX в. проживали на территории западных губерний России – Эстляндской, Лифляндской (присоединены ещё в 1721 г.) и Курляндской (вошла в состав империи при третьем разделе Речи Посполитой). Крестьянский вопрос здесь был осложнён ярко выраженными национальными противоречиями, т. к. большинство помещиков в Прибалтике имело немецкое происхождение, а крестьянами же были предки современных эстонцев и латышей [6].

Александр I попытался смягчить ситуацию. В 1804 г. по его указу все прибалтийские крестьяне признавались прикреплёнными к земле, а не к помещику, запрещалась их продажа без земли. Крестьяне объявлялись владельцами своих наделов, они могли передавать участки земли по наследству. Был также ослаблен произвол помещиков в отношении земледельцев, по каждому имению были составлены списки повинностей. В сложном положении оказались крестьяне-батраки, не имевшие земли. Всё это было сделано для того, чтобы не допустить народных волнений, которые бы поставили русскую армию в невыгодное положение из-за угрозы с запада – Наполеона, и происходившей в это время войны с Персией.

Но вскоре стало понятно, что этот закон невыгоден для прибалтийских дворян, потерявших часть своих земель, и в 1816–1819 гг. в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях Александр I провёл новую реформу. Здесь была отменена крепостная зависимость крестьян от помещиков – крестьяне получили личную свободу, но теряли все права на свои земельные наделы. Собственниками земли объявлялись помещики, крестьяне же могли лишь арендовать землю у помещиков. Согласно реформе, создавались крестьянские волостные общины и крестьянские суды, контроль за деятельностью которых, однако, осуществляли также помещики.

Численность населения Сибири постепенно росла: если в начале XIX в. здесь проживало около 200 тыс. человек, то к середине века стало уже 600 тыс. Сюда переселялись жители из центральных районов, однако это создавало угрозу утраты местными народами своих самобытных черт.

В 1922 г. был принят официальный акт «Устав об управлении инородцев». Он был разработан известным государственным деятелем М.М. Сперанским, который в то время был генерал-губернатором Сибири. Под понятием «инородцы» в документе подразумевались коренные жители Сибири, которые были разделены на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Это разделение определяло правовой статус разделённых групп населения. Бродячие и кочевые общности были приравнены по вопросу налогообложения с государственными крестьянами, при этом сохраняя свои внутренние порядки в области управления. Оседлые сибиряки полностью приравнивались к государственным крестьянам. Также устав предусматривал постепенный переход бродячих и кочевых крестьян к оседлому образу жизни и, как следствие, уравнивание в правах с русскими крестьянами, кроме военной службы. Сперанский в своём проекте разрешил вмешиваться русским чиновникам в самоуправление инородцев. Планировалось ограничить полномочия представителей местных органов власти с помощью учреждения коллегияльных «степных дум», а также предпринималась попытка упорядочивания взимания податных сборов [7].

Однако у устава были несколько другие последствия. Степные думы, родовые управления использовали аппарат степного управления в корыстных целях, а именно, для обеспечения своих экономических и политических целей.

При всех своих недостатках «Устав об управлении инородцев» сыграл большую роль в жизни аборигенов Сибири и был самым прогрессивным документом того времени, упорядочивающим жизнь коренного населения, аналогичных которому не было.

Карта народов Кавказа была всегда чрезвычайно пёстрой. К началу XIX в. здесь проживало более 50 народов.

Присоединение Кавказа к России заняло большой промежуток времени. Он входил в сферы интересов не только России, но и Турции, и Ирана. Россия не могла допустить вмешательства соперничавших с ней стран в регион, который считала своей неотъемлемой частью.

В 1801 г. Александр I присоединил Грузию к России, а в 1804 г. – Азербайджан. С целью организовать транспортное сообщение с этими регионами в конце 1810-х гг. было решено подчинить Северный Кавказ. В 1817 г. генерал Ермолов начал боевые действия. Война на Северном Кавказе растянулась на полстолетия. Турецкие историки отмечают, что эта война способствовала прекращению междоусобных войн среди горцев, а также их сплочению [5, с. 105].

Организацией власти на Северном Кавказе и в Закавказье, по поручению императора, занималось российское чиновничество различных звеньев управления. Постепенно на территории Кавказа вводилось законодательство и судебные нормы Российской империи. Местные кавказские феодалы привлекались к управлению по месту своего жительства, при этом их уравнивали в правах с российским дворянством. Привилегии мусульманского и христианского духовенства сохранялись. Закавказская Администрация имела военный характер, а военная и гражданская власти были совмещены. На высшем уровне за такое совмещение отвечал Главнокомандующий русскими войсками на Кавказе, а возглавлял военную и гражданскую администрацию наместник или Главноначальствующий кавказской гражданской частью.

Таким образом, национальная политика Александра I играла большую роль в судьбах народов Российской империи. Где-то она имела прогрессивный характер, например, в Сибири. А где-то, откровенно противоречивый, как в Польше.

Литература

1. Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915.
2. Валлоттон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991.
3. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России начала XIX в. М.: Наука, 1989.
4. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов [и др.]. М.: Славянский диалог, 1997.

5. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие / Т.М. Мастюгина, Л.С. Перепелкин, В.Г. Стельмах. М.: ФОРУМ, 2013.
6. Рагимова П.Ф. Национальная политика российского правительства в конце XIX – начале XX // Вестник Самар. гос. ун-та. 2010. № 5(79). С. 92–101.
7. Теплоухова М.В. Этно-национальная политика в Российской империи XIX – начала XX вв. // Окуймена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 139–144.

SERGEY BAGLAI

Volgograd State Socio-Pedagogical University

NATIONAL POLICY OF ALEXANDER I

The article deals with the national policy of Alexander I in the national outskirts of the Russian Empire (Siberia, the Baltic States). The features of policy in the newly annexed territories to Russia (Poland, Finland and the Caucasus) are revealed.

Key words: *Alexander I, the Russian Empire, national policy, nations, reforms.*

УДК 94(47).065

С.Р. БАХМУТОВА

(sveta.bakmutova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА: ПОРТРЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.***

Анализируются работы историков XIX в., в которых освещается деятельность императрицы Елизаветы Петровны. Представлена оценка ее внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: историография, историческая наука XIX в., Елизавета Петровна.

«Дщерь Петрова» – императрица Елизавета – является яркой и неординарной личностью в отечественной истории. Она, тем не менее, не так «популяризована», как её отец Пётр I или как её последовательница Екатерина II. Однако на сегодняшний день существуют работы, носящие лишь общий характер, в которых деятельность императрицы рассматривают вкуче с деятельностью остальных исторических деятелей XVIII в.

Елизавета родилась в с. Коломенском 18 декабря 1709 г. В этот день Пётр I въезжал в Москву, желая отметить свою победу над Карлом XII, за ним везли шведских пленных. Император собирался тотчас же праздновать победу под Полтавой, но при вступлении в столицу его известили о рождении дочери. «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир мою дочь» – сказал Пётр и на радостях устроил пир [7].

Всвязи с тем, что Елизавета и ее сестра Екатерина были рождены до официального заключения брака их родителей, они считались незаконнорожденными. В 1711 г. дочери были привенчаны и получили титулы царевен.

Многие историки отмечают невероятную красоту будущей императрицы. Так, В.О. Ключевский в работе «Исторические портреты» пишет: «Живая и веселая, крупная и стройная, с красивым круглым и цветущим лицом» [8, с. 150]. «Высокая ростом, с прекрасными белокурыми волосами, чудными голубыми глазами и ослепительно белым цветом лица, она считалась при дворе Анны Иоанновны первой красавицей» – сообщает в своей работе М.И. Семевский [11, с. 35].

Петром в 1722 г. принят Закон о престолонаследии, согласно которому государь мог самостоятельно назначать правопреемника, независимо от пола и кровного родства. Однако сам император не оставил никакого завещания, в котором был бы указан законный наследник престола. Екатерина, венчанная императрицей в 1724 г., пришла к власти в ходе действий гвардии. Екатерина перед своей смертью оставила завещание, в котором предусмотрены права Елизаветы и ее потомства на престол после Петра II и Анны Петровны, сестры Елизаветы.

После её смерти следующим правителем Российской империи стал внук Петра – Петр II Алексеевич. При дворе говорили о возможности брака между теткой и племянником, однако этому воспротивился Меншиков, желавший выдать за императора собственную дочь.

При воцарении Анны Иоанновны в 1730 г. Елизавета не предприняла никаких попыток занять престол, хоть, по мнению многих, она имела на это больше прав, чем коронованная Анна.

Анну Леопольдовну, ставшую императрицей после Анны Иоанновны, не раз предупреждали о том, что Елизавета не упустит возможности для переворота. Императрица хотела выдать ее замуж за брата Антона-Ульриха, что вызвало протест со стороны дочери Петра.

Впервые предложение о перевороте прозвучало от французского посланника Шетарди, который писал своему монарху: «Гвардейские офицеры встретили ее [Елизавету] в летнем саду и сказа-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ли ей: “матушка, мы все готовы и только ждем твоих приказаний, что, наконец, велишь нам?”. “Ради Господа, молчите!”, отвечала она, “Разойдитесь и ведите себя смирно. Я вас велю предупредить [когда придет время для действий]”» [14, с. 202].

В ночь с 24 на 25 ноября Елизавета, переодевшаяся в мужские одежды, в сопровождении Лестока и Воронцова прибыла в казармы Преображенского полка для призвания солдат к вооруженным действиям. Процессия направилась к Зимнему дворцу. Анна Леопольдовна была застигнута врасплох, когда в ее покоях появились гвардейцы с оружием, она стала просить Елизавету «не причинять зла ей и ее детям». Елизавета Петровна была провозглашена императрицей.

Мнения исследователей о значимости переворота разнятся. Так, пишет о перевороте Н.М. Карамзин «Записка о древней и новой России»: «Лекарь француз и несколько пьяных гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире с восклицаниями: “гибель иноземцам! честь россиянам!”» [5, с. 41]. Многие отмечают, что Елизавета была не готова к приходу к власти, к примеру, С.В. Ешевский пишет, что «нет оснований говорить, что у Елизаветы Петровны был какой-либо план развития страны» [4, с. 307].

Елизавета заботилась о законности своего пребывания на престоле. Поэтому первым делом она взялась за устройство органов управления государством.

12 декабря 1741 г. был издан именной указ «О восстановлении власти Сената в правлении государственных дел», содержащий следующую формулировку: «Правительствующий наш Сенат будет иметь прежде бывшую силу и власть в правлении внутренних всяко звания государственных дел...» [10].

Верховная власть осуществлялась в следующем порядке: Елизавета Петровна извещала о своем намерении главу личной канцелярии И.А. Черкасова, который готовил текст законодательного акта и передавал его на личную подпись императрице.

Сенат управлял внутренними делами государства, в его главе стоял генерал-прокурор М.Ю. Трубецкой. За Сенатом закреплялись обширные полномочия: он имел возможность самостоятельно издавать законодательные акты (так называемые Сенатские), назначать воевод и т. д. «В прежние времена», – пишет А.Д. Градовский, – «важнейшие указы объявлялись из кабинетов или посторонними для Сената лицами. Теперь же только лица, принадлежащие к Сенату, имеют право объявлять высочайшие указы» [2, с. 168].

Многие исследователи говорят о том, что сенаторы пользовались личным доверием императрицы. Градовский отмечает, что «правление Елизаветы Петровны можно назвать управлением важнейших сановников, собранных в Сенате», – почти все «любимцы» императрицы, как называет их автор, занимали важнейшие места в правительстве: так, Шувалов занимал должность сенатора, Разумовский был назначен гетманом Малороссии [Там же, с. 167].

Давая оценку системе управления, исследователь И.И. Дитятин пишет: «Несмотря на все усилия правительства, как Московского государства, так и XVIII столетия, начало законности в управлении государством проявлялось лишь в идее, в жизни же не имело никакого места» [3, с. 4].

Существуют различные точки зрения на проводимую императрицей внутреннюю политику. Так, С.В. Ешевский пишет, что «за двадцать лет правления не произошло каких-либо важных изменений в государственной системе управления» [4, с. 310]. «Первые времена ее царствования», – сообщает В.О. Ключевский, – «ознаменовались нахальством славной лейб-компании <...>, несмотря на то, россияне хвалили ее царствование: она изъявляла к ним более доверенности, чем к немцам; восстановила власть Сената, отменила смертную казнь, имела любовников добродушных, страсть к весельям и нежным стихам» [6, с. 193]. И тут же дополняет: «царствование Елизаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного» [6, с. 193].

М.И. Семевский придерживается подобной оценки: «Императрица обладала ужасным характером, совсем не подходящим для управления государством; была беспечной и легкомысленной» [12, с. 44]. По мнению историка, политика того периода представляла собой «борьбу честолюбцев», что негатив-

но сказывалось на положении страны. Б.-Хр. Миних в своих «Записках» так оценивает правление Елизаветы Петровны: «Императрица не управляла ничем, и формою государственного управления при ней был произвол ее фаворитов» [8, с. 251].

Оценку С.М. Соловьева можно считать положительной – он отмечает благоприятные явления в экономике, такие как отмена внутренних таможен и открытие банков, а также достижения в сфере духовной [13, с. 126].

Таким образом, давая оценку внутренней политике Елизаветы Петровны, исследователи XIX в. отмечали, прежде всего, успехи в области системы управления государством, действенные решения в экономической и духовной сферах.

Историками XIX в. предприняты шаги по изучению ключевых событий внешней политики Елизаветы Петровны. Почти сразу же после вступления на престол Елизавете пришлось вести войну со Швецией, которую начали еще при Анне Леопольдовне.

Еще в феврале 1724 г. две державы заключили союз на 12 лет с возможностью продления его действия. По его истечению в 1735 г. графом Бестужевым подана «формальная мемория» о возобновлении союза. Однако решение о продлении вызвало сопротивление со стороны Франции – посланник Кастея требовал его отозвания. Тем не менее, в том же году был заключен новый трактат.

В 1738 г. к власти в Швеции пришла партия «шляп», решительно настроенная на войну с Россией. Она завоевала поддержку Франции, целью которой было ожидание смерти австрийского императора Карла VI и последующей борьбы за раздел австрийского наследства, поэтому она старалась навязать России войну на Севере. Швеция и Франция через своих послов в Петербурге Э.М. фон Нолькена и маркиза де ла Шетарди старались подготовиться к удачному завершению планируемой войны через дружественные отношения с Елизаветой.

28 июля к Бестужеву явился надворный канцлер и сообщил, что шведский король объявляет войну России. Военные действия начались только в августе. С.М. Соловьев пишет, что штурм Вильманстранда «был единственным значительным делом в кампании 1741 года» [Там же, с. 128]. В результате боя шведы были разбиты.

В январе 1743 г. в г. Або, находившимся под властью русских войск, начинаются переговоры о мире. По итогам переговоров 17 июня 1743 г. подписан «Уверительный акт». Елизавета Петровна подписала мирный договор в июне, после вступления на шведский престол Адольфа Фридриха. Обе стороны шли на взаимные уступки.

М.И. Семевский пишет, что это были «почти единственные полезные по результатам успехи русского оружия в царствование Елизаветы Петровны». По мнению В.О. Ключевского, в правлении Елизаветы произошло «несколько побед, одержанных более стойкостью воинов, нежели дарованием военачальников» [6, с. 191].

Многие историки в своих работах обходят эту войну стороной. Поэтому в данном случае нам сложно делать вывод об успешности или неуспешности русско-шведской войны с опорой на оценки историков России XIX в.

Семилетняя война 1756–1763 гг. является одним из крупнейших военных конфликтов Нового времени. По количеству участвовавших государств ее иногда называют Первой мировой войной: в ней принимали участие страны Европы, а также английские колонии в Америке, Индия, Филиппины и государства Карибского бассейна.

Семилетней войне предшествовала активная политика по перегруппировке сил. Англия, которая стремилась к полной изоляции Франции, заключает в 1756 г. союз с Пруссией о взаимопомощи в начинающейся войне. Перед российским правительством встал вопрос об определении отношений с двумя конфликтующими державами. Существовали две линии: одна из них направлена на русско-австро-французский союз (по идее вице-канцлера М.И. Воронцова), вторая – на русско-англо-австрийское сотрудничество (Бестужев). В итоге линия Воронцова одержала верх, сложилась коалиция Австрии, Франции и России, впоследствии дополненная Швецией и Саксонией.

В 1759 г. произошло два значимых сражения этой войны – битва при Пальциге и при Кунесдорфе. Оба сражения принесли победу России и подняли дух в армии.

В 1761 г. предпринята третья попытка русских войск взять город Кольберг. Корпусом руководил П. Румянцев – участник сражений под Гросс-Егерсдорфом и Кунесдорфом. Пехотные силы русских на море поддерживались действиями Балтийского флота вице-адмирала Полянского. Осада города продолжалась 4 месяца. 5 декабря крепость капитулировала.

Сложно предположить дальнейший исход войны для России, если бы не одно обстоятельство – 25 декабря в Санкт-Петербурге от тяжелой болезни умирает императрица Всероссийская Елизавета Петровна. Вступивший на престол Петр III, будучи «фанатом» прусского короля Фридриха, в первый же день своего царствования направляет ему грамоту в намерении установить с ним «вечную дружбу». В апреле 1762 г. был подписан мирный договор с Пруссией – Россия вышла из Семилетней войны. Новый император разорвал военный союз с Австрией, прекратил военные действия против Пруссии, вернул Фридриху Восточную Пруссию и даже предложил ему военную помощь. Это – краткое описание хода войны.

М.И. Семевский рассуждает о причинах участия России в Семилетней войне: «Императрица была лично не расположена к прусскому королю за его свободомыслие и нелестные отзывы, приняла участие в семилетней войне, желая положить конец его честолюбивым стремлениям» [12, с. 302]. С.М. Соловьев считает, что причиной вступления России в войну стала «личная неприязнь Елизаветы к Фридриху», она считала его «самым опасным врагом» страны; «эта война», – сообщает исследователь, – «была школой, из которой вышли русские полководцы, сделавшие царствование Екатерины II столь блестящим в военном отношении» [13, с. 996]. Н.М. Карамзин пишет, что Елизавета, «вопреки своему человеколюбию», «вмешалась в войну кровопролитную и бесполезную» [5, с. 40]. К сожалению, найти подобные мнения в работах других историков XIX в. нам не представилось возможным.

Таким образом, в историографии XIX в. были заложены основы изучения внутренней и внешней политики Елизаветы Петровны, была признана значимость периода правления Елизаветы как связующего исторические «эпохи» Петра I и Екатерины II. Однако многие аспекты деятельности императрицы не получили всестороннего изучения и стали предметом исследования историков следующих поколений.

Литература

1. Вейдемейер А.И. Царствование Елизаветы Петровны: в 2-х т. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1834.
2. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб.: Типография И. Бочкарева, 1866.
3. Дитятин И.И. Верховная власть в России XVIII столетия // Русская мысль. 1881. № 4.
4. Ешевский С.В. Сочинения по русской истории. М.: Издание М. и С. Сабашниковых. 1900.
5. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
6. Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Эксмо, 2008.
7. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей [Электронный ресурс] // ГПНТБ СО РАН URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostlec.htm> (дата обращения: 31.03.2018).
8. Миних Б.Хр. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Я.А. Исаков, 1874.
9. Неплюев И.И. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева (им самим писанная). М.: Тип. Грачева и К°, 1870.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения: 31.03.2018).
11. Семевский М.И. Русские деятели в портретах. Пятое собрание. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1882.
12. Семевский М.И. Царствование Елизаветы Петровны. 1743. // Русское слово. 1860. Кн. 1.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 5. Том XXI–XXV. СПб.: Товарищество «Общественная польза». 1851–1879.
14. Шетарди Ж.-И. Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 гг. Делеши французского посольства в Петербурге / пер. П.П. Пекарского. М., 1862.

SVETLANA BAKHMUTOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ELIZAVETA PETROVNA: THE PORTRAIT OF THE EMPRESS
IN HISTORICAL LITERATURE OF THE XIX CENTURY**

The article deals with the analysis of the works of the historians of the XIX century, which highlight the activities of Elizaveta Petrovna. The assessment of her domestic and foreign policies is presented.

Key words: *historiography, historical science of the XIX century, Elizaveta Petrovna.*

УДК 94(474.2)

С.Р. БАХМУТОВА

(sveta.bakhmutova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЭСТОНОЦЕНТРИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РУССКО-ЭСТОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ*

Рассматривается феномен эстоноцентризма как влияющего фактора на развитие русско-эстонских отношений. Представлен прогноз на будущее развитие связей между странами.

Анализируются этнические предубеждения, стереотипы и предрассудки русских и эстонцев.

Ключевые слова: этноцентризм, эстоноцентризм, русско-эстонские отношения, стереотипы, предубеждения.

Эстония имеет очень насыщенную событиями историю. Долгое время она находилась то под управлением Ливонского ордена, то под властью Дании, а в результате Ливонской войны в XVI в. территория Эстонии была поделена между Речью Посполитой (южная часть), Швецией (северная часть) и Данией (остров Сааремаа). К середине XVII в. Эстония отошла к Швеции.

В ходе Северной войны 1700–1721 гг. Эстония вошла в состав России. Северная Эстония образовала Эстляндскую губернию, южная вошла в состав Лифляндской губернии. После Октябрьской революции в феврале 1918 г. была провозглашена независимая Эстонская республика, оккупированная затем немцами (до ноября 1918 г.). С конца ноября 1918 г. по январь 1919 г. на части территории Эстонии существовала провозглашённая большевиками Эстонская Советская Республика. В 1940 г. Эстонская Республика была включена в состав СССР. В 1991 г. Эстония стала независимой.

В современной эстонской концепции образования формулируется одна из важнейших исторических идеологем – эстоноцентризм, как частный случай этноцентризма.

Эстоноцентризм – «это комплексная политико-идеологическая характеристика, часто используемая для описания интегративных процессов в современном эстонском обществе» [2]. В частности, в преподавании истории эстоноцентризм выражается в том, что история Эстонии становится основой для изучения всемирной истории.

Множество эстоноцентристских тенденций можно обнаружить в школьных учебниках истории. Так, события XVII в., когда Эстония являлась частью Швеции, имеют положительную оценку: в это время происходит улучшение экономического развития и расцвет культуры. Северная война же описывается как «ужасное бедствие», а само присоединение страны к России считается едва ли не трагедией для нации [6, с. 78].

Преобразования Петра сводятся к Северной войне, в основном к военным действиям в Лифляндии и Эстляндии, а также к итогам войны с гарантиями особого Балтийского порядка. В истории Второй мировой войны преобладает тема советско-германского пакта о ненападении и секретного протокола к нему, а также сражения немецкой армии с участием «Эстонского легиона» – *особого батальона СС «Нарва»* – зимой и летом 1944 г. в Эстонии [3]. Остальное изложение событий Второй мировой войны дается эпизодически и не всегда упоминается, чьими же войсками взят Берлин в 1945 г. В период так называемой «советской оккупации» Эстонская ССР испытывала мучения: «были построены многочисленные крупные заводы, шахты и электростанции, абсолютно не нужные для самой Эстонии» [6, с. 81].

Таким образом, многие важнейшие исторические события, непосредственно затронувшие Эстонию, рассматриваются чаще всего с позиции степени участия эстонцев к рассматриваемым событиям и успешности их действий, из чего и делается вывод о важности того или иного события [1].

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Обретение Эстонией независимости в 1990 г. рассматривается с двух точек зрения: и как своего рода «чудо» (случайное, уникальное сочетание исторических условий и предпосылок), и как предустановленный процесс, укладывающийся в схему: утрата независимости, выживание под иноземным господством, формирование современной европейской нации, увенчавшийся собственной государственностью. Впервые целенаправленность этноцентричной истории сформулировал эстонский просветитель Карл Роберт Якобсон (1841–1882 гг.) в знаменитых *«трех патриотических речах»*. Он разделил эстонскую историю на три этапа: от *«периода света»* через *«время мрака и тьмы»* к *«утренней заре»* [2].

Поэтому у современных эстонцев сложился ряд стереотипов и предубеждений относительно русских. Одними из ведущих можно выделить следующие:

1. *«Русские – оккупанты»*

Присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР в 1940 г. часть их населения восприняла как аннексию. Они прекрасно помнят, как их насильно «загнали в Советский Союз». В 80-е гг. произошел следующий случай. В купе поезда, следовавшего по территории Латвии, молодая женщина, державшая в руках торт, спросила по-русски у пожилой латышки, на какой станции ей следует выходить. Та ответила на чистейшем русском: «Я с оккупантами не разговариваю». Доехав до нужной станции, русская на прощание запустила тортом латышке в лицо.

2. *«Русские – потребители»*

В советскую эпоху Латвия, Литва и Эстония жили куда лучше других республик. Например, там в магазинах крупных городов можно было купить дефицитные в Союзе продукты, одежду, обувь, косметику и парфюмерию, что привлекало в страны русских туристов. Такое отношение вызывало возмущение у местных жителей: «Оккупанты, да еще и пользуются чужими ресурсами!».

3. *«Русские – некультурные»*

Курляндия, Лифляндия и Эстляндия долго находилась под влиянием Швеции и Германии, что, в свою очередь, повлияло на культуру народов. После присоединения к Советскому Союзу было объявлено, что все граждане равны. Бывшие батраки стали учиться в школах, институтах, делать карьеру. Вместе с тем русские начальники выглядели далеко не так презентабельно, как немецкие бароны. Например, в Эстонии жены командиров Красной Армии покупали себе ночные рубашки и по незнанию носили их как вечерние платья, за что эстонки над ними смеялись. Это дало основания считать русских людьми, не умеющими себя вести в приличном обществе. Курьезная ситуация сохранилась не только в анекдотах, но и проецируется на современность. В одном из учебников истории для школьников можно найти следующее мнение: «Отчего же Запад не осуществил масштабный крестовый поход на Русь? К 1240 г. время было упущено» [4].

В современных отношениях двух стран исследователи выделяют два типа политических конфликтов: конфликт политических культур и этнический конфликт. На данный момент в Эстонии сохранилось негласное деление жителей республики на граждан и «не граждан», на эстонцев и «не эстонцев» (этнический конфликт). При этом, в большинстве случаев, «не гражданами» являются именно граждане РФ, проживающие в Эстонии и весьма ограниченные в своих политических правах. Конфликт политических культур выражается в том, что политика России по отношению к Эстонии (*по мнению самой Эстонии*) сводилась к завоеванию и покорению республики, отнятия у нее независимости, что несомненно приводило к возникновению новых политических конфликтов [5].

Как видно, в отношениях России и Эстонии существует множество нерешённых вопросов, для разрешения которых обеим сторонам необходимо прийти к согласию. Однако это будет не так просто, учитывая позицию эстонских властей к национальной истории.

Литература

1. Каракулов М. Как переписывают историю в школьных учебниках народов бывшего СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/history-and-geopolitics/-b712be8d36cd> (дата обращения: 02.04.2018).
2. Никифоров И. Этноцентризм в изучении истории России [Электронный ресурс]. URL: <http://ilja-nikiforov.livejournal.com/77828.html> (дата обращения: 02.04.2018).
3. Поньрко В.А. Школьный учебник истории на постсоветском пространстве как инструмент формирования коллективной памяти [Электронный ресурс] // Интерактивное образование. 2011. № 34. URL: <http://io2.nios.ru/index.php?art=1205&point=23&rel=34#click> (дата обращения: 02.04.2018).
4. Что прибалты думают о русских [Электронный ресурс] // Кириллица. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/50952-chto-pribalty-dumayut-o-russkikh.html> (дата обращения: 02.04.2018).
5. Широков А. Школа ненависти: как учебники истории в бывшем СССР учат относиться к России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rubaltic.ru/blogpost/14062016-shkola-nenavisti-istoriya-sssr/> (дата обращения: 02.04.2018).
6. Arutyunyan D. Kooliõpikud kui erineva maalimavaate kujundajad: eesti ajaloo gümnaasiumiõpikute näitel (1991–2012). Tallinn, 2014.

SVETLANA BAKHMUTOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ESTONOCENTRISM AND ITS INFLUENCE ON RUSSIAN-ESTONIAN RELATIONS

The article deals with the phenomenon of estonocentrism as an influential factor on the development of Russian-Estonian relations. The forecast for the future development of contacts between the two countries is presented. The ethnic prejudices, stereotypes and preconceptions of Russians and Estonians are analyzed.

Key words: *ethnocentrism, estonocentrism, Russian-Estonian relations, stereotypes, prejudices.*

УДК 94(47).084.9

С.А. БЕККЕР

(s.bekker95@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**«ЖИЛИЩНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х –
НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.: ЗНАЧЕНИЕ И ИТОГИ***

Рассматриваются условия и механизм реализации плана массового и типового жилищного строительства в период хрущевской «оттепели», который стал частью как процесса «десталинизации» советского общества, так и коммунистического строительства.

Ключевые слова: СССР, «оттепель», «хрущевки», жилищное строительство, коммунистическое строительство, дом, квартира.

В период хрущевской «оттепели» (1953–1964 гг.) довольно существенно поменялись реалии повседневности советских людей. Это было связано с трансформацией экономики, социальных норм, общественно-политического климата и уровня развития культуры, а также, в особенности, с развитием техники.

Одна из устойчивых ассоциаций с переменами времён Н.С. Хрущёва – это прорыв в жилищной сфере во второй половине 1950-х гг., когда в стране массово началось строительство «хрущёвок».

В послевоенное время население проживало в основном в подвалах, землянках и бараках, и в связи с этим у правительства стояла задача «перевести» народ из таких условий в более комфортабельные. Основной целью государства было строительство, главным образом, доступного, простого и улучшенного жилья, что показало бы успехи советской власти в социалистическом строительстве.

Официально новшества в области жилищной сферы вводились в 1954 г. под знаком борьбы с «имперским наследием» И. Сталина. В области строительства и архитектуры лозунги нацеливали на искоренение излишеств в городском строительстве. В постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» указывается, что «значительная часть жилых, гражданских зданий и большая часть промышленных зданий строятся все еще по индивидуальным проектам, что является одной из главных причин, порождающих излишества» [13].

Позже, уже в 1956 г., приняли серию решений, которые были направлены на внедрение типового строительства домов: «В целях осуществления жилищно-гражданского строительства по высококачественным типовым проектам, обеспечивающим резкое удешевление строительства и улучшение бытовых условий населения, считать необходимым, разработать к 1 сентября 1956 г. новые типовые проекты жилых домов в 2, 3, 4 и 5 этажей» [Там же]. Основной идеей была постройка жилищных комплексов по единому типу со стандартной планировкой, а дополнительные помещения, такие как кухня, коридор и ванные комнаты, сократили до физиологического минимума. Удорожающие факторы – мусоропроводы, кладовки и лифты полностью ликвидировали. После принятия таких мер трудоемкость строительства снизилась в 4 раза, его стоимость упала на 25%, а сроки сдачи били рекорды – 1 месяц! [6]. Н.С. Хрущёв в своих воспоминаниях писал о том, что в то время была «невероятная нужда в жилье», из-за чего «вынуждены были вжимать всё лишнее. Возник вопрос этажности и высоты комнат в ущерб некоторым удобствам» [16].

После XX съезда КПСС (1956 г.) начался жилищный бум по всей стране. В большом количестве начали строить дома, возводить целые жилищные комплексы, превращающиеся в новые жилые районы крупных городов. В 1956 г. и на протяжении последующих 8 лет (вплоть до 1965 г.) в 2 раза

* Работа выполнена под руководством Липатова А.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

увеличился жилищный фонд РСФСР (с 640 млн м² до 1184), новоселье отпраздновала 1/4 населения страны (свыше 50 млн человек). Только в Москве было в 1961 г. построено больше 3,5 тыс. м² жилья, против 500 тыс. м² [3].

Говоря о механизме распределения квартир, необходимо отметить, что государство учитывало качества советского гражданина: общественное поведение, профессиональный стаж и в целом его послужной список. При этом жилая площадь распределялась в порядке «живой очереди». Но стоило совершить проступок, действие, которое не вписывалось в нормы общества, очередник мог в момент лишиться не только занимаемого места и отправиться в конец списка, но и вовсе потерять шанс на получение жилья от государства [7]. С начала 1960-х гг. были учреждены спецслужбы для проверки распределения жилья, а в 1963 г. было обнародовано постановление Совета Министров РСФСР «Об упорядочении распределения жилой площади и учета граждан, нуждающихся в жилье», данное постановление предполагало проверку распределённого жилья [5].

РСФСР по темпу строительства и масштабу возводимой жилплощади вышла в мире на первое место [15]. При этом строительство шло не только для рядовых граждан, но и возводились новые учреждения образования, культуры и спорта, что положительно сказывалось на досуге населения [10], его здоровье и психологическом состоянии, в целом улучшилось культурное обслуживание населения.

Однако, несмотря на положительные сдвиги, жилищный кризис преодолеть не удалось.

За почти десять лет массового строительства в городах удалось практически на 100% отказаться от возведения коммуналок и расселения горожан в бараках. Но пришлось в этой спешке пожертвовать качеством новостроек. Во-первых, из-за экономии на стенах увеличилась затрата электроэнергии на отопление, во-вторых, к этому была минимальна звукоизоляция. Также из-за незамысловатого дизайна построек новые жилищные комплексы стали носить прозвище «хрущобы». Но люди, не зная до этого такого спектра удобств как горячая и холодная вода, центральное отопление, канализация и электрические или газовые плиты, были удовлетворены и тем, что «подарило» им государство.

Профессор Гарвардского Университета, американский славист Светлана Бойм пришла к следующему выводу: в конце 1950-х г. «произошла новая революция в советской повседневной жизни, заключающаяся в переселении из коммунальных квартир в отдельные, принадлежащие государству, квартиры» [2].

В 50–60-е гг. шел процесс перестройки общественного сознания от коллективной формы жизни в коммунальных квартирах к индивидуализации – люди повышали уровень значимости своей собственной личной жизни, которая теперь не зависела от настроения соседей по коммуналке или тяжелого быта домов барачного типа.

«Жилищная революция», проведённая «сверху» Советским государством и КПСС, кардинально изменила представление людей о комфорте и о жизненных ценностях, сменила в целом эстетические и моральные идеалы. Также постепенно стала преобладать личностная ориентация активности, ориентация на самореализацию в частной жизни. Культуролог, Л. Б. Брусиловская, считает, что «именно «хрущёвки» стали рассадниками диссидентства, потому что «у людей появилась возможность вести разговоры на любую тему с людьми, которых они сами хотели видеть у себя в доме» [4].

Социокультурные перемены реализовывались первостепенно в отношении людей к существованию повседневному, к своим вещам и жилью. Решение проблем с жильем усиливало тягу к семье, укрепляло узы семьи. Значимость семьи повышало и проживание в изолированных квартирах, соответственно улучшение материального положения создало предпосылки для выполнения демографической функции с учетом интересов семьи и общества в целом. Иначе говоря, страна постепенно переходила на заселение поквартирное, и это понесло качественный скачок в нормализации демографии.

В 1950-х гг. отмечалось увеличение продолжительности жизни: на один год за год. Если в 1920-х гг. в среднем советский человек проживал 44 года, то уже в 1960-х гг. – 70 лет, что говорит о повышении

индекса развития человеческого потенциала. К концу 1960-х гг. смертность населения в СССР достигла низких показателей (меньше 7 на 1000 человек) [12]. На это повлияли следующие факторы:

- 1) улучшение жилищных условий;
- 2) возрастная структура населения;
- 3) повышение уровня культуры населения;
- 4) повышение уровня гигиены населения в целом и пр.

Всё это гораздо лучше сказывалось на поведении человека в семье, чем на расширении товарного ряда в магазинах, развитие инфраструктуры или же повышение заработной платы. Важным и приоритетным вопросом так и оставалось улучшение жилищных условий.

Пространство квартиры постепенно трансформировалось в своеобразный «полнос» деятельности в сфере досуга посредством фактора технизации, что способствовало увеличению функциональной нагрузки жилья и его социальной значимости. Жилище становилось одним из важнейших информационных центров в жизни человека в связи с тем, что нарастал все больше и больше поток информации и постепенно развивалась электроника. Также квартиры стали источником получения культурных благ, благодаря оснащению теле- и радиоаппаратурой, музыкальными инструментами.

К 1964 г. были скорректированы проектные нормы, разработаны строительные проекты «второго поколения», в которых была предусмотрена улучшенная планировка квартир. Во-первых, увеличили общую площадь жилища; во-вторых, добавили «роскошные», по тем временам, кладовые и разделенный санузел; в-третьих, стали появляться непроходные комнаты. Разработали в общей сложности шесть типов новых в планировке квартир [8].

Также одним из проявлений в то время «демократизации» в жилищном вопросе в 50–60-х гг. было возобновление кооперативного строительства. В это же время стали появляться кредиты застройщикам индивидуальных домов, при этом нужно было внести сумму, составлявшую от 15% до 30% стоимости жилища, а после вселения люди выплачивали оставшуюся часть при ставке в 0,5%. Благодаря кооперативным застройкам удалось улучшить жилищное положение даже в сельской местности. С 1960-х гг. государство активно решало жилищный вопрос за счет средств населения. Уже в середине десятилетия из каждых 100 новых квартир 1/3 строилась кооперативами [1].

Таким образом, «жилищная революция» в период хрущевской «оттепели» представляется нам как комплекс государственно-практических мер в области социальной политики, направленных на повышение качества жизни советского человека и его социально-бытовых условий. Возведение новых домов напрямую повлияло на уровень жизни советских людей: появилась возможность слушать стационарный радиоприемник и прослушивать грамзаписи, формировать домашнюю библиотеку, обустроить кухонный и спальный быт, создавать условия для расширения гардероба и пространства коридора.

Подчеркивая значение строительства «хрущевок» стоит отметить, что собственное жильё, индивидуальная квартира, стала неким атрибутом успешности тех людей, которые их получали. Понимание того, что человек живет не в коммунальных условиях, а в отдельной квартире, стимулировало людей на покупку бытовой техники, мебели, посуды и других предметов быта и комфортное обустройство своего жизненного пространства. Несомненно, и то, что собственное жильё также служило фактором сплочения семьи, укрепления семейно-брачных отношений и родственных уз.

Литература

1. Арбузов В.А. Как осуществляется право граждан на жилище. Л: Лениздат, 1987.
2. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М: Новое лит. бозрение, 2002.
3. Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР (1950–1965) [Электронный ресурс] // Белорусская цифровая библиотека. URL: http://library.by/portalus/modules/beleconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1474107127&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 13.02.2018).
4. Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфозы стиля) [Электронный ресурс] // Общественные науки и современность. 2000. № 1. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/879/561/1216/017bRUSILOWSKAQ.pdf> (дата обращения: 12.02.2018.).

5. Верт Н. История советского государства. 1990–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alleng.ru/d/hist/hist192.htm> (дата обращения: 13.02.2018).
6. Горлов В.Н. Жилищное строительство в СССР: достижение советского народа исторического масштаба [Электронный ресурс]. URL: <http://engels.bezformata.ru/listnews/zhilishnoe-stroitelstvo-v-sssr-dostizhenie/1007793/> (дата обращения: 13.02.2018).
7. Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «оттепели» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-zhilishnoy-problemy-sovetskih-grazhdan-v-gody-ottepeli> (дата обращения: 14.02.2018).
8. Курбатов В.В. Советская архитектура: кн. для учителя. М: Просвещение, 1988.
9. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб: Книга; Победа, 2015.
10. Липатов А.В. Развитие материально-технической базы учреждений культуры Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории практики: в 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2012. Ч. II. № 5(19). С. 96–100.
11. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России: учебник для вузов. М: Инфра М; Норма, 1997.
12. Народное хозяйство СССР в 1964 году (Статистический ежегодник) [Электронный ресурс] // ИСТОрические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/26740> (дата обращения: 18.02.2018.).
13. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [Электронный ресурс] // СОВАРХ. URL: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/> (дата обращения: 17.02.2018.).
14. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31.07.1957 № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (дата обращения: 18.02.2018.).
15. Соколов А.К., Тяжельников В.С. Курс советской истории, 1941–1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/219/42219/files/index.html> (дата обращения: 15.02.2018).
16. Хрущев Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М, 1997.

SOFIA BECKER

Volgograd State Socio-Pedagogical University

“HOUSING REVOLUTION” IN THE USSR IN THE SECOND HALF OF 1950S – THE BEGINNING OF 1960S: IMPORTANCE AND RESULTS

The article deals with the conditions and mechanism of the implementation of the plan for mass and standard housing development during the Khrushchev “thaw” which became the part of the process of “de-Stalinization” of the Soviet society and communist construction.

Key words: *USSR, “thaw”, Khrushchev-era apartments, housing development, communist construction, house, apartment.*

УДК 94(47)

Ю.А. БЕССАРАБОВ

(yura.bessarabov.96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ Б.В. САВИНКОВА*

Анализируется участие Б.В. Савинкова в антибольшевистском движении. Выявляется роль созданной им организации «Народный союз защиты Родины и Свободы» с целью проведения подрывных акций и формирования подпольных ячеек на территории РСФСР.

Ключевые слова: *Борис Савинков, антибольшевистское движение, Народный союз защиты Родины и Свободы.*

Выбор данной темы можно объяснить повышенным вниманием специалистов, которое вызывают история России и в этой связи личность Бориса Викторовича Савинкова. Его жизнь, насыщенная яркими политическими событиями, его идеологические метания и психологические загадки воплощаются в историю России XX в. Кроме того, сама личность и его политическая деятельность символизируют преломление особенностей, характерных для старого и нового времени в истории России.

Отечественные исследователи уделяют внимание различным аспектам деятельности Б.В. Савинкова. Так, С.В. Неснов в своем диссертационном исследовании рассматривает его политическую деятельность с 1917 по 1925 г. [11]. Е.И. Гончарова анализирует прозу Б.В. Савинкова в общественно-политическом и литературном контексте эпохи [7].

Цель статьи – охарактеризовать послереволюционный период деятельности Б.В. Савинкова, а именно показать его участие в антисоветском движении на основе анализа ряда источников.

25 октября 1917 г. отмечен началом нового, драматического периода в судьбе Савинкова. Данный этап точно охарактеризован А.В. Луначарским в очерке «Артист авантюры» [Там же, с. 189]. «Я – революционер. А это значит, что я не только признаю все средства борьбы вплоть до террористических актов, но и борюсь до конца, до той последней минуты, когда либо погибаю, либо совершенно убеждаюсь в своей ошибке» – заявлял Б.В. Савинков во время допросов [3, с. 401].

В октябре 1917 г. Б.В. Савинков встречается с А.Ф. Керенским. Борис Викторович пытается убедить казаков защитить Зимний дворец, который на тот момент покинул министр-председатель. Казаки ответили отказом выступить на защиту А.Ф. Керенского. После падения Временного правительства Б.В. Савинков направляется в Царское Село и в Гатчину, где осуществляет попытку организации сопротивления большевикам при поддержке А.Ф. Керенского и генерала П.Н. Краснова. Однако его казаки капитулировали, получив взамен разрешение уйти с оружием на Дон. Б.В. Савинков не встречает поддержки для борьбы с большевиками под знаменем Временного правительства ни в Луге, ни в Пскове.

Конец ноября ознаменован началом формирования Добровольческой армии на Дону, куда и прибывает Б.В. Савинков. Генералы М.В. Алексеев, А.М. Каледин и А.И. Деникин не проявили особого энтузиазма при встрече с ним. Впоследствии во время допросов в Государственном политическом управлении (ГПУ), при объяснении своего решения поехать в Новочеркасск, Б.В. Савинков заявлял: «Что же мне было делать: один бороться я не могу. <...> А кто боролся? Да один Корнилов! И я пошел к нему!» [12, с. 307]. Когда формировался «Донской гражданский совет» Б.В. Савинков требовал, чтобы он и другие социалисты были включены в его члены. Борис Викторович пытался доказать, что «отмежевание от демократии составляет политическую ошибку», что «в состав Совета необходимо включить представителей демократии, что такой состав Совета снимет с него обвинение в скрытой реакционности и привлечет на его сторону солдат и казачество», – из воспоминаний А.И. Деникина [Там же, с. 298]. Б.В. Савинкову и его группе не удалось получить для армии ни солдат, ни де-

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

нег; его усилия сопровождались только недоумением среди офицеров, поэтому в январе 1918 г. Он был вынужден покинуть Дон.

Борис Викторович был уверен, что необходимо создать в Москве «Союз защиты Родины и Свободы» для боевого подспорья Добровольческой армии. Как он считал, данный Союз придерживался идеологии «Донского гражданского совета» – «отечество, верность союзникам, Учредительное собрание, земля народу» [4, с. 26]. Данная организация была сугубо военной, соблюдающей строгую конспирацию, имеющей в составе примерно пять тысяч человек. Планировалось убийство Ленина и Троцкого в Москве. С этой целью за ними велось наблюдение. «Одно время оно давало блестящие результаты», – можно прочесть в воспоминаниях Б.В. Савинкова, который скучал по дореволюционной «боевой работе» [3, с. 467]. В его воспоминаниях относительно антибольшевистских заслуг сообщалось: «Я был также в связи с террористической группой, которая произвела покушение на Ленина» [5, с. 29]. В то же время в августе 1924 г., по его личному признанию, Б.В. Савинков несколько приукрасил подробности своего участия в покушении [4, с. 109].

Летом 1918 г. Борисом Викторовичем и Союзом были организованы восстания в Рыбинске, Муроме и Ярославле, которые большевики быстро подавили. Несмотря на такой исход, Б.В. Савинков был уверен, что эти восстания принесли определенную пользу: «Впервые <...> в самой России <...> русские люди восстали против большевиков и тем доказали, что не все склоняются перед террором большевиков» [10, с. 40]. После указанных событий он направляется в Казань с фальшивым большевистским паспортом, где власть захватили эсеры, получившие поддержку со стороны чехословацких войск. В сентябре 1918 г. происходит падение Казани и ликвидация Волжского фронта Красной армией. В это время Б.В. Савинков направляется в Уфу, где организуется Директория, которую возглавил правый эсер Н.Д. Авксентьев.

Борис Викторович едет в Париж как руководитель военной миссии Директории, чтобы поддержать антибольшевистские силы со стороны стран-союзников.

В январе 1920 г. Б.В. Савинков получает предложение Юзефа Пилсудского, своего школьного товарища, о переезде в Варшаву. Он отвечает согласием, объясняя это предчувствием скорой войны между Польшей и Советской Россией и надеждой на сплочение тех, кто стремится противостоять большевикам.

Савинков направляет свои усилия на создание Русского политического комитета и организацию «Русской Народной Армии», которая поддерживалась формированиями генерала С.Н. Булах-Булаховича и интернированными частями 3-й армии генерала А.И. Деникина.

В начале Б.В. Савинков смутился по поводу «материала» для борьбы за свободу. Но сомнения были развеяны французскими и польскими генералами и маршалом Ю. Пилсудским, который видел в С.Н. Булах-Булаховиче бандита: «Да, бандит. <...> Но <...> он воюет с большевиками, поэтому мы его поддерживаем» [1, с. 33]. Вскоре и Б.В. Савинков проявил «прагматичность», дополнив свой идеологический арсенал лозунгом: «Хоть с чертом, но против большевиков!» [Там же].

В Варшаве Борис Викторович стал тесно сотрудничать с известным литературным критиком и публицистом Д.В. Filosoфoвым, который был близким другом и единомышленником З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского.

Д.В. Filosoфoв был редактором в газете, которую издавал Б.В. Савинков, выступал в качестве его заместителя в Эвакуационном комитете и других организациях. З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский сначала тоже подключились к общественной деятельности, но вскоре испытали разочарование от сотрудничества с Б.В. Савинковым, т. к. ему были «нужны не помощники, а исполнители». В марте 1921 г. З.Н. Гиппиус писала о своем разрыве с Б.В. Савинковым: «Я перестала верить в успешность дела именно с Савинковым, благодаря многим его свойствам, которые прежде ускользали из моего поля зрения» [6, с. 348].

В январе 1921 г. Б.В. Савинков создал «Информационное бюро» с целью сбора военных сведений, главой был назначен его брат, Виктор Савинков, который бежал из Красной армии. Летом 1921 г. был учрежден «Народный Союз защиты Родины и Свободы». Главным направлением работы данной ор-

ганизации планировались вторжение в РСФСР вооруженных отрядов, заброска диверсантов, подпольные ячейки Союза, шпионаж.

Переехав в Париж, Б.В. Савинков снова прилагает усилия по организации борьбы с большевиками. На тот момент западные государства уже не оказывали ему серьезной поддержки, т. к. РСФСР начала завоевывать дипломатическое признание.

Снова Савинкову, разочарованному в «работе» и почти потерявшему веру в себя, пришел на помощь В. Ропшин. В Париже в 1923 г. была опубликована повесть «Конь вороной». Автор намеренно провел параллель с повестью «Конь бледный», написанной намного раньше. Были отмечены сходство заимствований из Евангелия, текста в виде заметок в дневнике и главного героя – полковника Юрия Николаевича, в котором читатель заметил сходство с Б.В. Савинковым.

В «Коне бледном» – опустошенность человека, живущего только убийством под видом революционного террора, в «Коне вороном» — распад и деградация личности, вовлеченной в безумную бойню гражданской войны, в террор под классовыми и политическими лозунгами. И вновь дьявольский маскарад, люди-марионетки, полная безнадежность. Круг смыкался [12, с. 302].

Для того чтобы арестовать Б.В. Савинкова была организована операция «Синдикат-2», в итоге увенчавшаяся успехом. Борис Викторович и его спутники были арестованы 15 августа 1924 г. в Минске на советско-польской границе.

Данное событие, а также дальнейшее поведение заключенного потрясли русскую эмиграцию.

23 августа Б.В. Савинкову было вручено обвинительное заключение, а спустя три дня начался процесс под председательством В.В. Ульриха. 29 августа Военной коллегией Верховного Суда СССР был вынесен приговор о смертной казни, после чего сразу поступило обращение в ЦИК СССР с ходатайством о смягчении наказания, и расстрел был заменен на десять лет тюрьмы в тот же день. Следом было опубликовано открытое письмо Б.В. Савинкова «Почему я признал Советскую власть» и ряд других его обращений к русской эмиграции.

Все публичные заявления Б.В. Савинкова характеризуются стандартным набором аргументов. «Не ваша коммунистическая программа меня смущала. <...> Нет, <...> меня восстанавливало против вас другое», – писал Б.В. Савинков, подчеркивая, что партийные программы и идеологические доктрины не являются для него ключевыми [2, с. 50]. Он придает важную роль психологическим и моральным мотивам: «Кто верит теперь в Учредительное собрание? Кто осуждает заключенный большевиками мир? Кто думает, что октябрьский переворот расчистил дорогу царю? Кто не знает, что расстреливали, убивали и грабили не только большевики, но и мы?». Б.В. Савинков подчеркивает, что режим большевиков является «жизнеспособной и крепкой властью» [Там же]. Он также акцентирует собственную психологию патриота и революционера: «Прав или не прав мой народ, я – только покорный его слуга. Ему служу и ему подчиняюсь. И каждый, кто любит Россию, не может иначе рассуждать» [3, с. 223]. Он производит впечатление, что боится перечеркнуть антибольшевистской борьбой свой путь террориста и революционера.

Ставка делалась на то, что заявления Б.В. Савинкова, как известного борца с большевизмом, окажут пропагандистский эффект на эмиграционные слои. Но в данной схеме не все казалось достоверным и психологически естественным. К примеру, на суде Борис Викторович объяснял свои ошибки отдаленностью от народа: «Я не знал массы, я не знал народа. Я готов был жизнь свою отдать, и отдавал. <...> Боевая организация и эмигрантская жизнь – вот весь мой опыт» [3]. Он заверял, что уже в 1923 г. был готов заявить об отказе от борьбы, но не мог «уйти в отставку» и «спокойно сидеть в Париже» [Там же].

Б.В. Савинков ждет удовлетворения своей просьбы о досрочном освобождении. Он обращается к А.Х. Артузову, начальнику Контрразведывательного отдела, так, будто они уже пришли к соглашению по этому вопросу. Утром 7 мая 1925 года Б.В. Савинков передает письмо Ф.Э. Дзержинскому, не скрывая своего отчаяния и настаивая на немедленном решении. «В искренности моей едва ли остаются сомнения», а «преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, исправлять же меня не нужно – меня исправила жизнь», – писал Б.В. Савинков [12, с. 67]. Успел ли он получить

ответ, неизвестно. Вернувшись около 11 часов вечера с прогулки, Б.В. Савинков в ожидании конвоя беседует с чекистами в кабинете № 192, вспоминая вологодскую ссылку. И вдруг вскакивает на невысокий подоконник и выбрасывается вниз головой с пятого этажа. Что же произошло? Видимо, полной ясности не может внести даже обнародование документов ГПУ, а также никогда не публиковавшиеся материалы о служебном расследовании его гибели. К тому же мифы о Савинкове-Ропшине уже давно стали неотъемлемой частью его образа [9, с. 57].

В заключение отметим, что Б.В. Савинков является сложной и неоднозначной фигурой на российской политической сцене начала XX в. В данной работе мы обратились к отдельным моментам деятельности Б.В. Савинкова в послереволюционный период. После падения монархии Б.В. Савинков возвратился в Россию и вновь начал заниматься политикой. Он пытался наладить сотрудничество с Временным правительством. После поражения выступлений генерала Л.Г. Корнилова, а затем и свержения Временного правительства Б.В. Савинков пытался противостоять большевикам. Он полагал, что возможно использование любых средств и методов для достижения целей. Б.В. Савинков принимал участие в организации антисоветских восстаний и Белого движения, также представлял Уфимскую директорию во Франции и всячески добивался помощи Белому делу со стороны государств Антанты. Б.В. Савинков сотрудничал со всеми антибольшевистскими силами, считая последней надеждой Зелёное движение. Детальное изучение жизни и деятельности Б.В. Савинкова по-прежнему актуально в связи с исследованием вопросов новейшей истории России, среди которых следует отметить такие, как революции, гражданская война, русская эмиграция, общественно-политические движения и политический терроризм.

Литература

1. Алексеев Д.Ю. Б.В. Савинков и русские вооружённые формирования в Польше в 1920–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
2. Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 / публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. М.: СПб, 1993. Т. 13. С. 72–160.
3. Борис Савинков на Лубянке. Документы / науч. ред. А.Л. Литвин. М.: РОССПЭН, 2001.
4. Борис Савинков перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР: полный отчёт по стенограмме суда / под общ. ред. И. Шубина (Самарина). М.: Издание Литиздата Н.К.И.Д., 1924.
5. Виноградов В., Сафонов В. Борис Савинков противник большевиков // Борис Савинков на Лубянке. Документы / науч. ред. А.Л. Литвин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 3–32.
6. Гиппиус З.Н. Дневники. Кн. 2. М.: Интелвак, 1999.
7. Гончарова Е.И. Проза Бориса Савинкова: Общественно-политический и литературный контекст эпохи: дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2001.
8. Горбунов М. (Е.Е. Колосов) Савинков как мемуарист // Савинков Б. Воспоминания террориста. Л.: Лениздат, 1990.
9. Жуков Д.А. Б. Савинков и В. Ропшин: террорист и писатель // Савинков Б.В. То, чего не было. М.: Современник, 1992.
10. Литвин А., Могильнер М. Борис Савинков в исторической литературе и документах // Борис Савинков на Лубянке. Документы / науч. ред. А.Л. Литвин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 33–52.
11. Неснов С.В. Политическая деятельность Б.В. Савинкова: 1917–1925: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002.
12. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: Новости, 1990.

YURIY BESSARABOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

POLITICAL PORTRAIT OF BORIS SAVINKOV

The article deals with the analysis of Boris Savinkov participation in the anti-Bolshevist movement. The role of "The National Union for the Protection of the Motherland and Freedom" created by him and aimed at the conduction of subversions and the formation of underground organizations at the territory of the Russian SFSR is revealed.

Key words: *Boris Savinkov, anti-Bolshevist movement, "The National Union for the Protection of the Motherland and Freedom".*

УДК 904

А.А. БИТЮШКОВА
(nasta1954@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ В КУЛЬТУРЕ САРМАТОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

Представляется историографический обзор исследований звериного стиля сарматов. Выявляются основные проблемы, выделяемые учеными-археологами в своих работах, которые посвящены изучению сарматской культуры.

Ключевые слова: археологическая наука, сарматы, звериный стиль, историография, скифы, скифский звериный стиль, полихромный звериный стиль, зооморфные изображения.

Художественный стиль, в котором главными мотивами являются изображения животных (домашних, диких, фантастических), известен как «звериный», характерен для духовной культуры ранних кочевников Евразии (VII в. до н. э. – IV в. н. э.) [4, с. 46]. Существуют скифский звериный стиль, савроматский звериный стиль, сарматский звериный стиль, центрально-азиатский звериный стиль и т. д. Но такие названия дают общие представления об его этнокультурной принадлежности и о времени распространения. Каждый термин имеет различные территориальные и хронологические рамки и каждому звериному стилю присущи собственные элементы стилистического свойства и технико-процесса изготовления.

В IV–III вв. до н. э. в Поволжских и Донских степях происходили этнополитические изменения. Первые письменные источники, которые свидетельствуют о появлении сарматов, оставили античные авторы. В IV в. до н. э. появляется этноним «сирматы», которым обозначали население Подонья. Многие исследователи считают, что впервые этот термин появился в перипле псевдо-Скилака, который описывал Европу: «Сирматы (за скифами сирматы) народ и река Танаис (составляют) границу Азии и Европы» [17, с. 241]. Эвдокс Родосский в своем «Землеописании» пишет: «Вблизи Танаиса живут сирматы» [9, с. 273]. С III в. до н. э. в античных письменных источниках появляется понятия «сарматы» и «Сарматия» [10, с. 146].

Сарматы так же, как и их предшественники савроматы, говорили на разных диалектах древнеиранского языка. Сарматская культура была распространена от Западного Казахстана и Южного Приуралья до Северо-Западного Причерноморья. Черты рассматриваемой культуры, связанные с эволюцией савроматской культуры местного варианта, складываются в конце V в. до н. э. в Южном Приуралье. В IV–III вв. до н. э. сарматы начали распространяться в Волго-Донское междуречье и Заволжье. С III–II вв. до н. э. они расширили место своего обитания на территории Северного Причерноморья и вторглись на Северный Кавказ. В начале новой эры (I в. н. э.) ираноязычные аланы усиливаются и начинают подчинять себе племена сарматского круга. В III в. н. э. в Северном Причерноморье начинается готская экспансия, и после их нашествия, во второй половине IV в. н. э., сарматская культура исчезает: она вошла в гуннский союз. Есть сведения, что элементы позднесарматской культуры влились в раннесредневековую культуру евразийских кочевников [1, с. 310].

Пик сарматской культуры приходится на I в. до н. э. – II в. н. э. Сарматы в это время обитали на большой территории от Волги до Дуная. К этому периоду и относится распространение изделий сарматского звериного стиля [3, с. 30–31].

Звериный стиль древних племен привлек внимание исследователей в конце XIX – начале XX вв. Ученых интересовал скифский звериный стиль, его происхождение, эволюция, характерные мотивы и сюжеты, поскольку именно они принесли скифскую триаду: оружие (железный меч акинак), конская

* Работа выполнена под руководством Мамонтова В.И., кандидата исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

сбруя и звериный стиль. В этот период популярность набирали переводы различных древних текстов. Восторженное отношение к классической античности менялось на интерес к древним цивилизациям Востока. Возникла концепция «дуальности»: противопоставление эллинства и иранства. В первых научных работах противопоставляется скифский и сарматский звериный стиль [13, с. 346].

Одним из первых ученых, который стал заниматься изучением сарматского звериного стиля в России, был М.И. Ростовцев. По его предположению скифский звериный стиль в степях Восточной Европы в IV–III вв. до н. э. сменился сарматским. Его носителями, по мнению М.И. Ростовцева, были племена юесжей, которые продвинулись на запад, в причерноморские степи. Возможно, в разграничении стилей двух народов сыграла роль представления М.И. Ростовцева о различиях скифов и сарматов [22, с. 105]. Он строил свои предположения на реконструкции исторической ситуации в степях Евразии, а не на основе археологического материала, которого в тот период времени было немного [13, с. 347].

М.И. Ростовцев называл основной характеристикой сарматского звериного стиля полихромиию, т. е. использование цветных вставок из стекла и камней. Также характерной чертой является определенные позы животных (в основном их тела скручены и переплетены между собой) [23, с. 69].

В начале XX в. в научном обороте появляется ряд работ, многие из которых посвящены звериному стилю сарматов. Эта тема дискутировалась довольно активно. Иногда создавались необычные концепции, например, признание того, что передача звериного стиля заложена на генетическом уровне [14, с. 19]. В основном исследователи рассматривают полихромный сарматский звериный стиль как неотъемлемую часть самой сарматской культуры.

Существует подход, согласно которому звериный стиль народов связан главным образом с кочевым образом жизни, чем с определенной этнической группой. Так, М.И. Ростовцев писал, что носителями полихромного звериного стиля были охотники и кочевники, а не крестьяне с хлебопашцами [23, с. 68]. Связь звериного стиля с кочевым образом жизни отмечали также другие авторы [21].

Сарматский звериный стиль в трудах венгерских и немецких ученых представляет собой последнюю стадию звериного стиля кочевников Евразии, т. е. период его упадка. Он уже перестает быть системой мировоззрения, а становится только маркировкой социального престижа [13, с. 347].

В 40-е годы утвердилось предположение об автохтонном происхождении сарматских культур, в том числе и сарматского звериного стиля. Все приходящие инновации вносили лишь отдельные оттенки в культуру, которая формировалась в основном на местной основе [2, с. 114].

Л.Я. Маликов собрал обширный материал по звериному стилю савромато-сарматского периода и выделила различные этапы культуры (формирование сарматского звериного стиля, распространение, расцвет и упадок). По ее мнению, сарматский полихромный звериный стиль развивался параллельно скифскому. Этот стиль, по мнению ученой, возник на территории Южного Урала и Нижнего Поволжья еще в савроматское время, а в течение IV в. до н. э. – начала III в. до н. э. распространился в раннесарматское общество (прохоровская культура). Расцветом звериного стиля сарматов был период с I в. до н. э. по I в. н. э., а упадок: II–III вв. н. э. [11, с. 189].

К.Ф. Смирнов выделял два основных этапа сарматского звериного стиля: савроматский и период, связанный с военно-политическими союзами сарматов (III в. до н. э. – II в. н. э.). Исследователь отмечал преемственность между звериными стилями савроматского и среднесарматского времени. В прохоровской культуре зооморфные изображения были представлены редко [19, с. 80].

В дальнейшем концепция К.Ф. Смирнова о происхождении звериного стиля в волжско-уральских просторах была пересмотрена в связи с открытиями археологов на Алтае, в Сибири, в Северном Афганистане. В двух первых регионах были находки, которые обозначили отсутствие эволюционной связи между изделиями звериного стиля савроматов в Поволжье и на Урале с находками в сарматских погребениях Нижнего Дона [7, с. 245; 15, с. 68]. В Северном Афганистане были найдены предметы в зверином стиле сарматского периода, что подтолкнуло к возникновению мнения о бактрийском производстве предметов звериного стиля сарматов [16, с. 167]. Предпочтение начали отдавать теории,

в соответствии с которой волны кочевников продвигались на запад с востока и принесли в степи Восточной Европы звериный стиль [8].

Л.Я. Маловицкая и К.Ф. Смирнов в своих работах отмечали специфические черты звериного стиля сарматов. Также они отмечали и заимствование сарматами различных традиций культур других народов, но упор в основном в их трудах делается на творческое начало местных мастеров. К.Ф. Смирнов писал, что сарматы добились высокого мастерства в торевтике и ювелирном деле на основании опыта народов Средней Азии, Боспорского царства и Кубани [19, с. 85]. Исходя из трудов вышеописанных авторов, можно сделать вывод, что сарматский полихромный звериный стиль является результатом соединения местного искусства, которое восходит к савроматам, и традиций других народов. Спорно мнение о местных сарматских мастерах, которые перерабатывали традиции других народов. О них в научной литературе неизвестно. Л.Я. Маловицкая предполагала, что яркие изделия из золота различных стилей заказывались местной сарматской знатью вне сарматских территорий [11, с. 191].

К.Ф. Смирнов предполагал, что зооморфные изображения на изделиях имеют сакрально-магическое назначение [19, с. 82], т. е. звериный стиль связан с мировоззренческими представлениями. Заимствование изображений зверей у других народов, с отличающимся мировоззрением, не может быть слепым. Сначала зверь занимает свою нишу в представлениях сарматов о мире, затем переносится на какой-либо предмет.

Большой вклад в изучение полихромного звериного стиля сарматов внесла И.П. Засецкая. Она высказала мнение о существовании хронологической пропасти между предметами савроматского (VI–IV вв. до н. э.) и среднесарматского (I в. до н. э. – II в. н. э.) звериного стиля, т. е. в раннесарматской культуре (IV–II вв. до н. э.) не использовали как таковой звериный стиль. И.П. Засецкая предложила трактовать стиль данного периода, как раннесарматские зооморфные изображения, которые не связаны «традиционно с предшествующим и последующим этапами савромато-сарматского искусства». Раннесарматское искусство не может быть непосредственным развитием савроматского искусства, т. к. это предположение основывается на спорной теории происхождения сарматов от савроматов [6, с. 45].

И.П. Засецкая критиковала идеи Л.Я. Маловицкой и К.Ф. Смирнова о преемственности савромато-сарматского искусства. Она выдвигает мнение о дискретности развития сарматского звериного стиля. Для большинства археологов близко её мнение.

Некоторые авторы называли этническими носителями звериного стиля сначала аорсов, затем аланов [Там же, с. 44].

Главной проблемой в изучении звериного стиля сарматов было изучение явления на основе одного или нескольких комплексов. В связи с чем, явления, характерные для ограниченного круга предметов, перекладывались на всю культуру в целом. Первая попытка объединения сведений о многих предметах полихромного сарматского звериного стиля была сделана М.Ю. Трейстером и С.А. Яценко [20].

В.И. Мордвинцева в своем труде «Полихромный звериный стиль» пробовала выделять стилистические группы предметов сарматского звериного стиля. Она также предложила вариант социологического, а не этнического объяснения условий появления предметов звериного стиля на территории Восточной Европы [12, с. 104]. С этим взглядом В.И. Мордвинцевой не согласилась И.П. Засецкая – издала статью, в которой она сделала ряд глубоких замечаний, особенно по поводу неких стилистических групп [5, с. 98].

А.С. Скрипкин связывает культуру сарматов с Древним Китаем. На протяжении большого времени Китаю приходилось тесно взаимодействовать с варварским кочевым миром. Автор не указывает на прямую взаимосвязь звериного стиля и китайской культурой, но он утверждает, что восточный центр оказал значительное влияние на материальную культуру сарматов и появление инноваций китайского происхождения в сарматских памятниках [18, с. 206].

Анализ сарматского звериного стиля может помочь выявить общие закономерности развития и сложения данного стиля для изучения зооморфных изображений народов Евразии.

Литература

1. Археология: учебник / под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во Московского университета, 2006.
2. Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.
3. Засецкая И.П. Золотые украшения из кургана Хохлач – классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I–II в. н. э. // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб; Азов, 2008. С. 29–43.
4. Засецкая И.П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // Советская археология. 1980. № 1. С. 46–55.
5. Засецкая И.П. О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // Вестник древней истории. 2006. № 2. С. 97–130.
6. Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // Советская Археология. 1989. № 3. С. 35–47.
7. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
8. Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 228–234.
9. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 235–315.
10. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
11. Маловицкая Л.Я. Сарматское искусство // История искусства народов СССР: в 7 т. М.: Изобразительное искусство, 1971. Т. 1. С. 189–195.
12. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум, 2003.
13. Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и возможности этнических реконструкций // Археологический альманах. 2010. № 21. С. 345–372.
14. Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: Междунар. центр Рерихов, 1992.
15. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
16. Сараниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989.
17. Скилак Кариандский. Описание моря, прилегающего к населённой Европе, Азии и Ливии // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 240–242.
18. Скрипкин А.С. Сарматы и Восток: изб. тр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010.
19. Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 74–89.
20. Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделий в Сарматии I–II вв. н. э. // Нижневолжский археологический вестник. 2000. № 3. С. 172–185.
21. Borovka G. Scythian Art. New York, 1928.
22. Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
23. Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China // Princeton Monographs In Art and Archaeology. Princeton, 1929. Vol. XIV.

ANASTASIYA BITYUSHKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ANIMAL STYLE IN THE SARMATIANS CULTURE: HISTORIOGRAPHICAL OVERVIEW

The article deals with the historiographical overview of the research of the Sarmatian animal style. The main problems emphasized by archeologists in their works, dedicated to the Sarmatian culture, are revealed.

Key words: *archeology, the Sarmatians, animal style, historiography, the Scythians, Scythian animal style, polychromic animal style, zoomorphic pictures.*

УДК 94 (470.45)

Т.А. БОЛГАНОВА
(tanysik050696@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ИНИЦИАТИВЫ И ВНЕДРЕНИЯ ОПЫТА РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ
И НОВАТОРОВ В СТАЛИНГРАДЕ (ВОЛГОГРАДЕ) И ОБЛАСТИ
В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.***

*Рассматриваются проблемы поддержки инициативы и внедрения опыта рационализаторов и новаторов Сталинграда (Волгограда) и области на основе анализа и обобщения архивных документов и местной печати с момента образования ВОИР (1958 г.) до начала 1960-х гг. (новых экономических задач).
Выявляются причины производственных проблем и трудности в использовании опыта передовиков на заводах Сталинграда (Волгограда).*

Ключевые слова: ВОИР, Сталинград, Волгоград, рационализаторы, изобретатели, новаторы, советская наука.

Деятельность рационализаторов, изобретателей и новаторов производства в СССР имела огромное значение в экономическом развитии страны, ведь от их смекалки, творческого похода и результативности работы зависели успешность выполнения плана предприятия, темпы производства и, в итоге, пополнение знаний в области техники. Объединенные ранее Всероссийским (Всесоюзным до 1991 г.) обществом изобретателей и рационализаторов (ВОИР), они и в настоящее время продолжают инновационную деятельность и традиции новаторского труда в XXI в. За прошедшие годы члены общества, а также сам ВОИР, как экономический институт, сыграли весомую роль в укреплении отечественной промышленности, инфраструктуры страны и её социально-экономической сферы. В результате их прогрессивной деятельности были созданы и внедрены в производство изобретения и передовые технические новинки, которые принесли практическую пользу [19]. В условиях наращивания научно-технического потенциала страны и структурной перестройки экономики, несомненно, актуализируется изучение положительного исторического опыта деятельности в сфере российского изобретательства и рационализации.

Историография и источниковедческая база исследования начали складываться в 30-х годах XX в. В советский период вопросы истории изобретательского движения в СССР были освещены в монографиях Г.М. Алексеева и О.Н. Солдатовой. В XXI в. интерес к данной теме возрос в различных регионах нашей страны, появилось большое количество работ как общего, так и регионального характера. В настоящее время исследуются движения рационализаторов и изобретателей Алтая, Чувашии, Якутии, Южного Урала, Курской области, Куйбышевской (Самарской) области и ряд других [1, с. 35–39; 2, с. 15–19; 9, с. 39–42; 10, с. 32–34; 18, с. 127–130; 20, с. 132–133]. Хронологические рамки многих исследовательских работ охватывают период с 1917 по 1980 г. Наибольшее число работ посвящено 50–80-м гг., являющимся апогеем активности движения рационализаторов и изобретателей, когда произошёл резкий скачок в развитии русского изобретательства и рационализации.

Деятельность Сталинградского (Волгоградского) отделения ВОИР и отдельных рационализаторов и изобретателей Сталинграда (Волгограда) не нашла своего отражения в специальных краеведческих исследованиях. Отдельные статьи, охватывающие данную тематику, представляется возможным найти на страницах газеты Сталинградская (Волгоградская) правда. Заголовки и содержание статей, относящихся к концу 1950-х – началу 1960-х гг. (например «Изобретатель и рационализатор – душа технического прогресса», «Выше творческую активность изобретателей и рационализаторов!», «Вклад новаторов растёт» и др.) свидетельствуют о значимости данной деятельности в масштабах государства и подтверждают активную работу в этой сфере сталинградских (волгоградских) рационализаторов

* Работа выполнена под руководством Липатова А.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

и новаторов. Но, при этом встречаются следующие заголовки: «Глушат инициативу новаторов», «Рогатки на пути новаторов», «Новаторам производства – широкую дорогу» и др., прямо указывающие на наличие проблем в деле изобретательства и рационализации, что подтверждают и архивные документы.

Продолжая исследование по данной тематике с целью более полного изучения и восполнения пробела в краеведческой литературе [7, с. 66–73; 8, с. 247–255], были поставлены следующие исследовательские задачи: 1) охарактеризовать основные проблемы, существующие в деле рационализации и изобретательства на заводах Сталинграда (Волгограда) и области в конце 1950-х – начале 1960-х гг.; 2) выявить причины существовавших производственных проблем в деле рационализации и изобретательства на заводах Сталинграда (Волгограда) и области в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Значение и роль изобретательства и рационализации, как форм экономико-технической деятельности, были подчеркнуты на XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.): «Всемерно развивать массовое движение рационализаторов, изобретателей и новаторов производства, а также обеспечить широкую пропаганду и распространение передового опыта» [4, с. 67]. Реализация этой государственной задачи являлась возможной при условии создания общественной организации, целью которой было бы дальнейшее развитие изобретательства и рационализации и оказание действенной помощи изобретателям и рационализаторам в их творческой работе. В результате, в соответствии с Постановлением Президиума ВЦСПС «О создании Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов» от 17 января 1958 г. в городах СССР стали возникать отделения ВОИР, придерживающиеся вышеуказанной цели [12, л. 6]. Согласно протоколу № 4 п. 26 в Сталинграде было организовано Оргбюро Сталинградского областного совета общества [17, л. 5].

В соответствии с решениями XXI и XXII съездов КПСС (1959 и 1961 гг.), наметивших новую III программу коммунистического строительства, а также повышение материального благосостояния людей, социального обеспечения и расширение роли общественности во всех сферах жизни советского общества, большая роль отводилась изобретательству [6, с. 315]. Однако на практике рационализаторам и изобретателям Сталинграда (Волгограда) и области пришлось столкнуться с проблемами поддержки инициативы и внедрения опыта.

Анализ архивных документов позволяет выделить ряд проблем в работе рационализаторов и изобретателей заводов Сталинграда (Волгограда).

Во-первых, на некоторых предприятиях города по данным архивных документов само число рационализаторов и изобретателей росло медленными темпами. Так, по замечанию т. Лукашова, заместителя председателя заводского комитета профсоюза Сталинградского тракторного завода (СТЗ), рационализаторов на заводе в 1957 г. было 2005 чел., в 1958 г. – 3042, а в 1959 г. только на 61 чел. больше. Всего – 3103 чел. С точки зрения т. Лукашова, этого явно недостаточно для такого крупного завода, как СТЗ. На активность рационализаторов, по его мнению, сказывалось то, что некоторые руководители цехов слабо вникали в эту работу, слабо помогали, значит, недостаточно хорошо работали цеховые советы ВОИР [14, л. 50]. Подобные проблемы имели место быть и на лесопильно-деревообрабатывающем комбинате им. Ерманова. Там один рационализатор приходился лишь на 40 работающих, в то время, когда на других предприятиях один рационализатор приходился на 10–15 работающих. При этом в первой половине 1958 г. на комбинате было получено экономии от рационализации на одну треть меньше, чем за тот же период прошлого года. Секретарь областного совета ВОИР и инженер совета Общества объясняли этот факт тем, что хозяйственные, профсоюзные и партийные руководители предприятия пренебрегают рационализаторской работой [11, с. 3].

Во-вторых, несоответствие общественно-конструкторского бюро (ОКБ) требованиям, которые предъявляются к общественным бюро. С такой проблемой столкнулись рационализаторы ЧЛЦ (чугунолитейного цеха) СТЗ. ОКБ было малочисленно по составу и включало в себя только конструкторов, тогда как задержка по внедрению предложений вызывала необходимость включения в состав ОКБ производственников, слесарей, механиков, электриков, лучших рационализаторов цеха [16, л. 101]. Параллельно на заводе имелся положительный опыт работы ОКБ Кузнечного цеха и отдела главно-

го технолога; они с апреля месяца в нерабочее время разработали свыше 20 наиболее ценных рацпредложений. Однако положительный опыт работы на заводе распространялся плохо. В результате имеющихся недостатков в области рационализации и изобретательства коллектив завода за 7 месяцев имел отставание по внедрению на 700 предложений, а по экономической эффективности – на 850 тыс. руб. [16, л. 102].

В-третьих, уровень оргмассовой работы руководства цеховыми уполномоченными по БРИЗу и цеховыми советами ВОИР не везде отвечал задачам, поставленным I съездом изобретателей и рационализаторов. На СТЗ отдельные цеховые советы не лучшим образом организовывали работу актива по контролю и помощи цехам в рассмотрении, разработке и внедрении предложений рационализаторов, плохо использовали наглядную агитацию, не добивались того, чтобы каждый месяц и квартал устанавливались графики, а также не всегда интересовались ходом выполнения планового задания по БРИЗу [15, л. 87]. В результате количество внедренных предложений по сравнению с I кварталом 1959 г. снизилось на 50% [15, л. 88].

В-четвертых, на заводах города и области в деле рационализации и изобретательства встречались случаи брака. Так, например, на СТЗ на 1960 г. коллектив завода взял обязательства изготовить 3 тыс. тракторов сверх плана, в том числе 1 тыс. из сэкономленного металла. По данным архивных документов в 1959 г. на заводе было подано и внедрено по экономии металла столько предложений, которые позволили сэкономить около 7 тыс. тонн жидкого металла и 110 тонн металла-проката, что свидетельствовало о хорошей работе рационализаторов. Однако трудовой подвиг рационализаторов оказался напрасным, т. к. всю «экономия съел брак, который очень велик» [13, л. 44]. Заместитель главного инженера завода, т. Ковалев, выход из этого положения видел в ежедневном и ежечасном до конца года занятии по снижению брака. В связи со сложившейся ситуацией предлагалось более строго наказывать конкретных виновников брака и бракоделов [Там же, л. 45].

В-пятых, случались задержки выдачи авторам вознаграждений. Статья «Рогатки на пути новаторов», размещенная на страницах Сталинградской правды, полностью подтверждает это положение на примере СТЗ: «Автор предложения по модернизации станка ПТ-26 т. Емельянов до сих пор не получил авторского вознаграждения за него; хотя руководители предприятия признают его предложение очень ценным» [5, с. 2].

В-шестых, недостаточная укомплектованность ремонтно-механического цеха (РМЦ) являлась еще одной проблемой, с которой сталкивались рационализаторы. Так, например, на заводе «Красный Октябрь» рационализаторами к XXII съезду КПСС были взяты социалистические обязательства – внести столько рационализаторских предложений, от внедрения которых экономия составила бы полугодовую зарплату рационализаторов. По итогам соревнования на конференции выяснилось, что члены этого кружка перевыполнили взятые обязательства. Они внедрились рационализаторские предложения на сумму, превышающую их годовую зарплату, что являлось, с точки зрения рационализаторов, трудовым подарком XXII съезду КПСС. Однако успех по внедрению организационно-технических мероприятий, новой техники, рационализаторских предложений, по замечанию самих рационализаторов, мог бы быть значительнее, если бы на заводе была решена проблема расширения механической базы. «Наш ремонтно-механический цех в настоящее время не в состоянии удовлетворить потребности организационно-технических мероприятий, и к тому же этот цех не в состоянии обеспечить запасными деталями основное прокатное оборудование», – отмечал механик завода А.А. Куприн [3, с. 3].

В-седьмых, нередко развитие массового движения рационализаторов, изобретателей и новаторов тормозили волокита, бюрократическое отношение к рассмотрению и внедрению творческих предложений. К примеру, на СТЗ изобретателями А.И. Стукаловым, Г.В. Кочетковским, И.Д. Морозовым и Н.А. Болтуновой было предложено устройство для полуавтоматической заливки форм металлом, которое, по сравнению с существующими, имело более простую конструкцию и обеспечивало разливку металла поворотом ковша вокруг вертикальной оси. Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР квалифицировал это предложение как изобретение и рекомендо-

вал Сталинградскому тракторному заводу произвести разработку и испытание его в своих литейных цехах. Однако завод не торопился приступать к разработке предложения. Этот факт свидетельствует о невнимательном отношении руководителя предприятия к вопросам механизации производственных процессов [5, с. 2].

Таким образом, несмотря на отведенную Советским государством и КПСС значительную роль делу изобретательства и рационализации, в данной сфере имелось немалое количество проблем. Рационализаторы и изобретатели зачастую сталкивались с невнимательным отношением руководителей предприятий и цеховых советов ВОИР к изобретательству и рационализации как сферам деятельности, способным решать задачи, поставленные государством и КПСС. Это выливалось в волокиту при рассмотрении и внедрении рационализаторских предложений, задержку выплаты авторских вознаграждений, плохую организаторскую и оргмассовую работу руководства, что являлось тормозом на пути прогрессивной рационализаторской работы. Однако ВОИР, несмотря на проблемы поддержки инициативы и внедрения опыта рационализаторов, оставалось важным звеном в повышении эффективности производства, выполнении экономических планов и развитии технической культуры.

Литература

1. Барышева Н.Р. Из истории Всесоюзного общества изобретателей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2–2(58). С. 35–39.
2. Вергаскина Л.В. Рационализаторы и изобретатели промышленных предприятий Южного Урала в 50–60-е годы XX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 15–19.
3. Вклад рационализаторов // Сталинградская правда. 1961. 29 сен. С. 3.
4. Двадцатый съезд КПСС. Москва. 14–25 февраля 1956 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9.: 1956–1960. 9-е изд., доп. и исп. М.: Политиздат, 1986.
5. Колотилин А., Мороз П. Рогатки на пути новаторов // Сталинградская правда. 1959. 16 июня.
6. Липатов А.В. Роль общественной инициативы в деятельности учреждений культуры Сталинградской (Волгоградской) области в конце 1950 – начале 1960-х гг. // Ключевские чтения. 2011: матер. Всерос. науч. конф.: сб. науч. тр. М.: Спутник+, 2011. С. 315–317.
7. Липатов А.В., Болганова Т.А. Всероссийское (Всесоюзное) общество изобретателей и рационализаторов: 85 лет служения отечеству // Актуальные проблемы отечественной истории: сб. науч. тр. М., 2017. С. 66–73.
8. Липатов А.В., Болганова Т.А. Становление и функционирование отделений ВОИР в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг.: региональный аспект // Советское общество: идеи, результаты и оценки: матер. Всерос. науч. конф. 2017. С. 247–255.
9. Минеев А.И. Чувашский совнархоз и производственная активность работников промышленности // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 39–42.
10. Морковкин Г.Г., Дёмина И.В., Дёмин В.А. Изобретательская и рационализаторская деятельность на Алтае в 20–30-х годах XX века // Аграрная наука – сельскому хозяйству: сб. статей: 3 кн. Алтайский государственный аграрный университет. 2016. С. 32–34.
11. Мороз П., Колотилин А. Глушат инициативу новаторов // Сталинградская правда. 1958. 21 нояб.
12. Оргкомитет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов 3 марта 1958 г. № 1. Председателям республиканских, краевых и областных советов профсоюзов // ЦДНИВО. Ф. Р. 6545. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
13. Протокол № 1 отчетно-выборочной заводской конференции общества изобретателей и рационализаторов на СТЗ от 21 января 1960 г. // ЦДНИВО. Ф. Р. 6545. Оп. 1. Д. 35. Л. 44–45.
14. Протокол № 1 отчетно-выборочной заводской конференции общества изобретателей и рационализаторов на СТЗ от 21 января 1960 г. // ЦДНИВО. Ф. Р. 6545. Оп. 1. Д. 35. Л. 50.
15. Протокол № 5 Заседаний заводского совета ВОИР СТЗ // ЦДНИВО. Ф. Р. 6545. Оп. 1. Д. 35. Л. 87–88.
16. Протокол № 10 Заседаний заводского совета ВОИР Тракторного завода от 19.08.60. // ЦДНИВО. Ф. Р. 6545. Оп. 1. Д. 35. Л. 101–102.
17. Справка о законности образования организации // ЦДНИВО. Ф. Р. 6545. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
18. Тихонов В.И. Движение рационализаторов и изобретателей на промышленных предприятиях Куйбышевской (Самарской) области (1966–1975 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7(73). С. 127–130.
19. Участникам и гостям VI съезда Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/54920> (дата обращения: 17. 02. 2018).
20. Харьянова Л.В. Участие молодых рабочих Алтая в движении рационализаторов и изобретателей в середине 1950-х – середине 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 132–133.

TATYANA BOLGANOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE PROBLEMS OF SUPPORTING THE INITIATIVE AND THE INTRODUCTION
OF RATIONALISERS AND INNOVATORS EXPERIENCE
IN STALINGRAD (VOLGOGRAD) AND THE REGION
IN THE END OF 1950S – THE BEGINNING OF 1960S**

The article deals with the problems of supporting the initiative and the introduction of rationalisers and innovators experience of Stalingrad (Volgograd) and the region based on the analysis and generalization of archival documents and local press from the period of the establishment of the All-Union Society of Inventors and Efficiency Experts (1958) to the beginning of the 1960s (new economic tasks). The causes of production problems and difficulties with the usage of the experience of leading workers at the factories of Stalingrad (Volgograd) are revealed.

Key words: *The All-Union Society of Inventors and Efficiency Experts, Stalingrad, Volgograd, rationalisers, inventors, innovators, Soviet science.*

УДК 94(47).031

А.С. ВОЙТЕНКО

(voytenko_artiom@mail.ru)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоградская областная общественная организация «Волго-Донское археологическое общество»*

**КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
(по материалам разведок 2006–2017 гг., проведенных
в Дубовском районе Волгоградской области)***

*Вводятся не изданные ранее сборы керамического материала с выявленных поселений эпохи поздней бронзы
Дубовского района Волгоградской области. Анализируется расположение памятников относящихся
к данной эпохе и определяется степень обжитости данных территорий в древности.*

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, поселение, археологическая разведка,
археологическая культура, местонахождение, керамический материал.

Дубовский район Волгоградской области имеет множество археологических памятников, относящихся к различным историческим периодам. В большом количестве на данной территории представлены памятники эпохи поздней бронзы.

Целью данной работы является введение в научный оборот ранее не опубликованных археологических материалов, относящихся к эпохе поздней бронзы, обнаруженных в ходе археологических разведок в Дубовском районе Волгоградской области в период 2006–2017 гг.

В данном регионе характерной чертой памятников эпохи поздней бронзы является «кучность» расположения поселений. На небольшой по площади местности, как правило, располагается сразу несколько поселений, которые примыкают друг к другу. На территории Дубовского района Волгоградской области, в рамках современных последних десятилетий, было выявлено несколько участков, занимаемых поселениями эпохи поздней бронзы (см. рис. 1 на с. 40).

В 2006 г. вблизи г. Дубовка были проведены археологические разведки под руководством А.С. Лапшина, в результате которых исследователем был выявлен ряд поселений, хронологически относящихся к эпохе поздней бронзы (Дубовка I, II).

В процессе визуального осмотра участка поселения Дубовка I была собрана довольно объемная коллекция лепной керамики (32 фрагмента), большая часть которой относится к эпохе поздней бронзы. На участке, занимаемом поселением Дубовка II, было собрано 15 фрагментов, которые как и сборы с предыдущего поселения, подавляющим большинством относятся к срубной культуре эпохи поздней бронзы (см. рис. 2 на с. 40) [4, с. 9–16].

В 2017 г. под руководством А.С. Войтенко была проведена археологическая разведка участка вдоль обоих берегов р. Оленья в Дубовском районе Волгоградской области (см. рис. 1 на с. 40).

Целью разведки было выявление объектов археологического (культурного) наследия и уточнение сведений о ранее выявленных объектах в указанном районе.

Маршрут разведки был проложен по обоим берегам р. Оленья на участке между селами Оленья и Прямая Балка. Исследованию подвергалась прибрежная полоса шириной от 50 до 200 м от условного центра русла реки. На участке было обнаружено 4 местонахождения керамического материала эпохи поздней бронзы. Помимо этого, были уточнены сведения о двух ранее выявленных курганных насыпях (Курганный комплекс III у балки Оленья и Одиночный курган Оленьевский).

Местонахождение 1 располагается на левом берегу р. Оленья, вблизи Курганной группы III у балки Оленья. На участке был обнаружен один фрагмент лепного керамического сосуда, относящийся к эпохе поздней бронзы и множество мелкофрагментированных костей животных. Культурный слой на местонахождении, в силу визуального характера проведенного исследования, выявлен не был [1, с. 23, 61].

* Работа выполнена под руководством Лапшина А.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Рис.1. Карта-схема мест расположения поселений эпохи поздней бронзы в Дубовском районе Волгоградской области

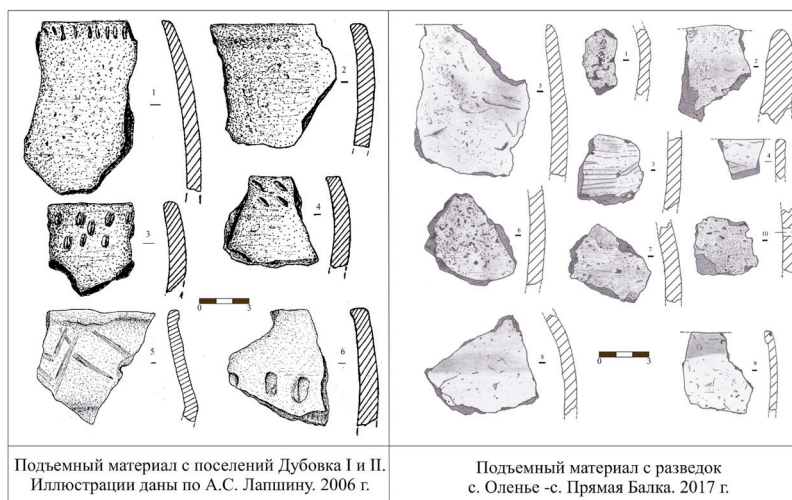

Рис. 2. Керамический материал эпохи поздней бронзы, собранный в результате разведок на территории Дубовского района Волгоградской области в 2006–2017 гг.

Местонахождение 2 расположено на выступе возвышенной надпойменной террасы левого берега р. Оленья. На участке местонахождения было обнаружено 7 фрагментов лепных керамических изделий эпохи поздней бронзы. Культурный слой на участке идентифицировать не удалось [1, с. 25, 67].

Местонахождение 3 расположено на низкой надпойменной террасе правого берега р. Оленья и представляло собой дюнное всхолмление. Грунт на участке – песчаный. На участке было поднято 2 фрагмента лепной керамики [Там же, с. 29, 71].

Местонахождение 4 располагается вблизи местонахождения 3, на возвышенной надпойменной террасе правого берега реки. Участок имеет множество ям, в срезах которых удалось выявить слабонасыщенный культурный слой. На участке было поднято 11 фрагментов лепной мелкофрагментированной керамики эпохи поздней бронзы [Там же, с. 30, 71].

На выбор места проведения разведки оказали влияние:

- низкий уровень исследованности р. Оленья (ранее на данном участке проводилась разведка только один раз, в 1989 г.) [6, с. 3–10];
- множественные выявленные памятники археологии вблизи обследуемой территории, располагающиеся на соседних балках.

Группа поселений Екатериновка, датируемых первой половиной II тыс. до н. э., находится у с. Екатериновка Дубовского района Волгоградской области. Поселения Екатериновка I, II, III расположены компактно на северо-западе окраины с. Екатериновка. Поселения Екатериновка IV, V располагаются в 12 км к северо-западу от с. Екатериновка.

В 2007 г., в ходе визуального осмотра поселений, на поверхности обнаружены фрагменты костей домашних животных, фрагменты лепных сосудов и один целый сосуд, имеющий геометрический орнамент, характерный для срубной культуры [3, с. 87].

Поселение Прямая Балка, датируемое первой половиной II тыс. до н. э., располагается в 6,5 км к северо-востоку от с. Прямая Балка Дубовского района Волгоградской области. В 2007 г., в ходе визуального осмотра, в обнажениях оврагов были обнаружены костные фрагменты, фрагменты керамических лепных сосудов, один целый сосуд, имеющий геометрический орнамент, характерный для срубной культуры [Там же, с. 204].

Помимо этого, в регионе проведения разведки имеются многие другие памятники эпохи поздней бронзы, в числе которых можно выделить поселения Сухая Мечетка IV [Там же, с. 63–74; 5, с. 6–7], Ерзовка I, Дубовка I–II и могильник Верхний Балыклей II [2, с. 63–74].

Приведенные примеры археологических памятников, их высокий уровень концентрации в районе, прилегающем к месту проведения разведки, свидетельствуют о высокой степени обжитости этих мест в древности.

Литература

1. Войтенко А.С. Отчет об археологической разведке, проведенной в районе реки Оленья на участке с. Оленья – с. Прямая Балка в Дубовском районе Волгоградской области // Фонды научно-отраслевого архива Института Археологии РАН. Волгоград, 2017.
2. Лапшин А.С. Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея / под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград: Издатель, 2013.
3. Лапшин А.С. Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.
4. Лапшин А.С. Отчет об археологических исследованиях, проведенных отрядом Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в районе г. Дубовка Дубовского района Волгоградской области в 2006 году // Фонды научно-отраслевого архива Института Археологии РАН. Волгоград, 2006.
5. Мыськов Е.П., Лапшин А.С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники: моногр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
6. Сковорода Н.Б. Археологические памятники Дубовского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. 1990. Вып. 1.

ARTEM VOYTENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Volgograd regional public organization "The Volga-Don Archaeological Society"

**CERAMIC MATERIAL OF THE LATE BRONZE AGE SETTLEMENTS
(based on the materials of archaeological explorations of 2006-2017
in the Dubovsky district of the Volgograd region)**

The article deals with the introduction of unpublished collections of ceramic material from the identified settlements of the Late Bronze age in the Dubovsky district of the Volgograd region. The location of the monuments belonging to the Late Bronze age is analyzed. The degree of the habitable of these territories in ancient times is determined.

Key words: *Late Bronze age, settlement, archaeological exploration,
archaeological culture, location, ceramic material.*

УДК 93(47)

А.С. ДЕМЯНОВСКАЯ

(anka.demyanovskaya@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**БОРИС ГОДУНОВ. ПУТЬ К ТРОНУ
(историографический аспект)***

Анализируются труды историков с целью освещения роли личности Бориса Годунова в политической истории Российского государства. Рассматривается деятельность представителей рода Годуновых до возвышения самого знаменитого из этой семьи.

Ключевые слова: Б. Годунов, Смута, историография

Борис Федорович Годунов – значимая личность в истории, которая сыграла немаловажную роль в политическом и социально-экономическом развитии Российского государства. Его невероятное возвышение от простого «раба царя» до правителя Московского государства впечатляло современников. Его сложный и увлекательный жизненный путь отразился в трудах многих писателей, художников и историков.

Оценки личности Бориса Годунова в исторической литературе неоднозначны. В.Н. Татищев считал Годунова создателем и покровителем крепостного права. В.О. Ключевский говорил, что Бориса Федоровича попусту обвиняют в жестокостях и многих убийствах. По его мнению, Борис наделен умом, талантом, но и не лишен двуличия и бессердечия [4]. С.Ф. Платонов и вовсе защищал Годунова в глазах потомков: Борис выступал как источник государственной пользы, защищал и поддерживал средний класс. Историк говорит о том, что «миролюбивое направление и успешность Борисовой политики является фактом, утверждаемым современниками» [7].

Р.Г. Скрынников вторит мнению С.Ф. Платонова. Годунов – это умиротворитель встревоженной страны. В том, что после него последовала смута, Борис совсем не виноват. Против Бориса Годунова было множество факторов: боярство, народ, историческая случайность, в конце концов [9].

18 марта 1584 г. умирает Иван Грозный. После себя царь оставляет двух сыновей: старшего Федора Иоанновича от Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой и малолетнего Дмитрия от Марии Нагой. «Царский трон занял Федор Иванович, а власть перешла к регентскому совету из пяти лиц: брата Анастасии Романовой Никиты Юрьевича, героя обороны Пскова Ивана Петровича Шуйского, многолетнего думского головы Ивана Федоровича Мстиславского, бывшего опричника и последнего фаворита Грозного Богдана Яковлевича Вельского (не имевшего никакого отношения к Гедиминовичам князьям Вельским) и Бориса Федоровича Годунова (брата жены Федора Иоанновича Ирины)» [3, с. 112].

Борис Годунов принадлежал к роду, берущему свое начало от ордынского военачальника татарского происхождения Чета [5, с. 115]. Годунов – сын боярина Федора Годунова. Впервые Борис Годунов упомянут в 1567 в., когда был членом Опричного двора. Годуновы всегда служили при дворе в чине дворянства. Об отце Бориса Годунова, Федоре Ивановиче, известно немного: у него была кличка «Кривой», вероятно, из-за физических дефектов и то, что он умер в 1569 г. После смерти отца Борис и его сестра Ирина попадают под опеку к дяде Дмитрию и вместе с ним живут при дворе Ивана Грозного. Ирина и Борис получили прекрасное образование, т. к. воспитывались при дворе вместе с царевичем Федором Иоанновичем. «Борис и его дядя Дмитрий Иванович были приняты в опричнину в 1571 году» – утверждает историк Г.В. Вернадский [2, с. 114]. Хотя другой видный историк В.О. Ключевский писал, что «Борис Годунов не запятнал себя службой в опричнине и не уронил себя в глазах общества» [4, с. 56]. После вступления в опричнину, в 1571 г. Борис был «дружкой» на свадьбе Ива-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

на IV и Марфы Собакиной. В 1575 г. «правнук первого Годунова удостоился чести сделаться тестем царевича Федора Иоанновича» [5, с. 74]. Так он начал свою службу при дворе.

В марте 1575 г. Ирина Годунова выходит замуж за царевича Федора. «Не позднее, чем в 1578 году Борис женится на дочери царского любимца, самого лютого опричника Григория (Малюты) Скуратова-Бельского. По этому поводу он был возведен в кравчие (кравчий отвечал за царский стол во время церемониальных обедов), одновременно Дмитрий Иванович Годунов был возведен в бояре» [2, с. 115]. Сам Борис будет возведен в бояре только спустя два года в 1580 г. По мнению Н.Г. Костомарова, «Иван Грозный любил Бориса. Сам Годунов по своей близости к царю подвергался опасности; рассказывают, что царь сильно избил его своим жезлом, когда Борис заступился за убитого отцом царевича Ивана» [Там же, с. 117].

Как сообщает нам Р.Г. Скрынников, «на момент смерти Ивана Грозного Борису было 32 года от роду. Нет ни одного подлинного портрета, который мог бы дать нам представление о его наружности: те, что воспроизводятся в гравюрах, только копии внушенного фантазией рисунка, исполненного в XVIII в. Красивый собой, он отличался замечательным даром слова, был умен, расчетлив, но в высокой степени себялюбив. Все цели его деятельности клонились к собственным интересам, к своему обогащению, к усилению своей власти, к возвышению своего рода. Он умел выжидать, пользоваться удобными минутами, оставаться в тени или выдвигаться вперед, когда считал уместным то или другое, – надевать на себя личину благочестия и всяких добродетелей, показывать доброту и милосердие, а где нужно – строгость и суровость. Постоянно рассудительный, никогда не поддавался он порывам увлечения и действовал всегда обдуманно. Этот человек, как всегда бывает с подобными людьми, готов был делать добро, если оно не мешало его личным видам, а напротив – способствовало им; но он также не останавливался ни перед каким злом и преступлением, если находил его нужным для своих личных выгод, в особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя» [9, с. 243].

С.Ф. Платонов говорит о том, что «В час смерти царя Ивана (1584 г.) Борис находился уже в числе первых государственных сановников и принял участие в образовании правительства при преемнике Грозного царе Федоре Ивановиче, неспособном ни к каким вообще делам. На втором году его царствования Борис добивается уже правительственного первенства» [7, с. 18]. Влияние Бориса на ход государственных дел росло с каждым днем. «Современники сравнивали положение Годунова в правительстве Федора с положением Алексея Адашева в первое десятилетие царя Ивана IV» [2, с. 144]. Архиепископ Станислав Карнковский в разговоре с московским послом Лукой Новосильцевым выражает свое уважение к Борису. На что посол ответил, что «Алексей Адашев был мудрым человеком, а Борис еще мудрее» [Там же, с. 122].

В период царствования Федора Иоанновича рядом всегда находился опекунский совет, где особым влиянием на царя располагал Борис Годунов. Можно сказать даже больше, что политикой в целом руководил Борис Годунов [1, с. 46]. Публицисты Смутного времени писали, что Федор «не радея о земном царствии мимоходящем, всегда искал непреходящее» и «ни о чем имел попечения, кроме душевного спасения» [8, с. 14]. Теперь он фактически стал правителем Руси, сообщает Вернадский. Это выражалось в сложном титуле, присвоенном ему царем Федором в 1591 г. Он звучал: «Зять великого государя, управитель, слуга и конюший, боярин и дворцовый воевода, содержатель царств Казанского и Астраханского» [2, с. 76]. По решению Боярской Думы, принятому в присутствии царя Федора, Борис получил право вести официальную переписку с иностранными правительствами. Зарубежные послы после аудиенции у царя Федора должны были впредь отдавать дань уважения Борису в его дворце, где официальные обеды устраивались не менее щедро, чем у царя. Подобного рода влияние оказывала и сестра Бориса – Ирина, жена Федора. Сохранилось интересное свидетельство, рассказывающее об участии царицы Ирины в делах государственных – редкий случай для женской половины русского государева двора, жизнь которой ограничивалась только кругом семьи, выходами в церковь да поездками на богомолье. В январе 1589 г. Ирина Федоровна приняла в Золотой царицыной палате Кон-

стантинопольского патриарха Иеремию, прибывшего в Москву, чтобы учредить в России патриаршую кафедру и поставить на нее Иова – первого русского патриарха. Епископ записал: «Тихо поднялась царица с своего престола при виде патриархов и встретила их посреди палаты, смиренно прося благословения» [8, с. 16].

В январе 1598 г. царь Федор Иванович, чьим именем правил Годунов, умер. Сразу после смерти Федора Ивановича 6 января было объявлено, что править страной будет царица Ирина. По велению «изрядного правителя» Бориса Годунова бояре целовали крест новой государыне. Сама царица вскоре объявила о намерении передать власть Думе и удалиться в монастырь, что произошло уже 15 января.

Очень подробно Р.Г. Скрынников описывает события, происходившие после удаления Ирины в монастырь [9, с. 321]. Бориса Федоровича поддержали стрельцы и «чернь почти вся». 20 февраля состоялось шествие к Новодевичьему монастырю, участники которого слезно умоляли Бориса Федоровича занять трон. Вместо этого Годунов поведал о намерении постричься в монахи. По указанию Иова вечером того же дня открылись все церкви, а после ночного богослужения священники с иконами в руках, увлекая за собой паству, вновь двинулись к Новодевичьему. Представители духовенства, обращаясь к Борису, пригрозили, что в случае его отказа взойти на престол они затворят церкви, бояре обещали сложить с себя полномочия, а дворяне – не биться с неприятелем. Уступая многочисленным просьбам, молениям, увещаниям и, наконец, угрозам, Борис Федорович согласился. 1 сентября 1598 г. в Успенском соборе произошло венчание на царство Бориса Федоровича Годунова, на котором он произнес торжественную речь. «Борис объявил, что Феодор велел своему народу избрать царем, кого он пожелает. Борис одинаково противоречил и собору, и патриарху, но Иов не смутился и, отвечая царю, привел новое подтверждение, которое, в свою очередь, ослабляло два другие; он утверждал, что Феодор оставил трон Ирине» [7, с. 239]. Также он продолжал, что «в его царствование во всем государстве не останется ни одного бедняка» [Там же, с. 240].

Борис Федорович Годунов отходил от всех привычных традиций и канонов Московского государства. Новый царь особенно относился к европейцам (немцам). «Он ценил их знания и технические умения, приглашал на службу в качестве докторов, инженеров, солдат. Борис был первым московским правителем, который не только понимал, что необходимо изучать западную науку, но и предпринял первые шаги к этому» [2, с. 171]. Безусловно, и до Бориса европейским направлением интересовался Иван Грозный, но в более мелких масштабах. Так, Немецкая слобода (поселение в Москве для немцев) продолжала расти. Европейцы познавали быт и культуру русских, и, конечно, изучали русский язык. «Известно, что в 1600 г. в Москве изучали русский язык восемнадцатилетний француз Жан Парке и пятнадцатилетний англичанин Вильям Колер» [Там же, с. 177].

«В 1600 году Годунов задумал пригласить нескольких немецких ученых для организации в Москве университета» [Там же, с. 174]. Осуществление этой идеи не произошло, потому что духовенство выступило против. Тем не менее, Борис не отошел от своей затеи, но исполнил ее немного в другом ракурсе. Так, в 1602 г. «в качестве эксперимента восемнадцать юношей тремя группами отправились в Любек, Францию и Англию» [Там же, с. 178]. К сожалению, никто из отправленных юношей не захотел вернуться обратно в Россию, т. к. в тот момент страна вошла в эпоху Смуты.

Борис Годунов пытался «поднять города, разоренные политическими и экономическими последствиями опричнины – Курск и Воронеж, и заселить безлюдные пространства, появившиеся после проведенной политики» [1, с. 110]. В 1601 г. появляется грамота о восстановлении или сохранении права свободного перехода для крестьян мелких землевладельцев. Закон о холопстве позволял практиковать насилие. Это было источником волнений крестьян, которые бежали от помещиков.

Вскоре «льготные годы Годунова принесли свои плоды» [5, с. 164], вновь появлялись ранее отмененные кабаки, пьянство стало основным источником народного развращения. Ряды разбойников пополнялись мгновенно, совершались частые грабежи на дорогах. «Каждое утро привозили в земский приказ убитых и ограбленных на улице» [Там же, с. 166].

Во внешней политике Борис держал прежний курс мира и спокойствия. Хотя при удобном случае пользовался хитростью и коварством. Например, когда «польско-литовский посол Лев Сапега предлагал дружеский оборонительный союз Москвы с Польшей, то Борис заключил лишь перемирие на 20 лет, а вопреки этому перемирию пытался возбудить войну ливонцев против поляков» [5, с. 178].

Борис продолжал переписку с английской королевой Елизаветой, предоставляя право англичанам на беспощадную торговлю. Заключил союз с ганзейскими торговцами. Также «Борис вел сношения с тосканским герцогством, а с крымским ханом подтвердил мирный договор» [Там же, с. 188].

Безусловно, были и неудачи, например, в Закавказье. После происшествия с кахетинским царем Александром (был убит своим сыном Константином) русские оставили Кахетию, а позже потеряли и Тарки.

Итак, успешность Борисовой политики при Федоре Иоанновиче и при самостоятельном правлении показывают многие современники. Его внешняя политика выражалась в умении вести мирные переговоры и большой осторожности. Кто-то говорит о трусости Бориса на международной арене, тем не менее нельзя забывать о том положении, в котором находилось государство в тот момент.

А. Зимин заключает, что, «безусловно, были и негативные оттенки правления [3, с. 255]. Это – рост податей, т. е. усиление феодального гнета, осложненное насилием опричников, военными действиями и стихийными бедствиями». Но в целом, по словам Л.Е. Морозовой, «все посещавшие Москву иностранцы отмечали, что никогда прежде русский царь и его дворец не были столь великолепны» [6, с. 35]. Историк С.Ф. Платонов писал о царе Борисе: «Сложность и многогранность его деятельности обнаружили во всем блеске его правительственный талант и его хорошие качества – мягкость и доброту; но эти же свойства сделали его предметом не только удивления, восторга и похвал, но и зависти, ненависти и клеветы, которые обратились в средство политической борьбы и интриги» [7, с. 145].

Литература

1. Валишевский К. Ф. Смутное время. М.: Терра-Кн. клуб, 2003.
2. Вернадский В.Г. История России. Московское царство: в 5 т. М., 1968–1969. Т. 5.
3. Зарезин М.И. Последние Рюриковичи и закат Московской Руси. М.: Вече, 2004.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории: в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
5. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. М.: Олма-Пресс, 2003. Кн. 2.
6. Морозова Л.Е. Смутное время в России (конец XVI – начало XVII в.). М.: Знание, 1990.
7. Платонов С.Ф. Москва и Запад: Борис Годунов. М.: Богор. печатник, 1999.
8. Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Смута в Московском государстве. Россия начало XVII столетия в записках современников. М.: Современник, 1989.
9. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: АСТ, 2002.

ANNA DEMYANOVSKAYA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

BORIS GODUNOV. THE PATH TO THE THRONE (historiographical aspect)

The works of the historians aimed at covering Boris Godunov role in political history of the Russian state are analyzed. The activity of the representatives of Godunov lineage until the promotion of the most famous of the family is under consideration.

Key words: Boris Godunov, the Time of Troubles, historiography.

УДК 908

Д.В. ДОЛГОПОЛОВ

(dimon.dolgopoff@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В ВОРОШИЛОВСКОМ РАЙОНЕ
СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1945 ГГ.***

Анализируется восстановление народного хозяйства после немецко-фашистской оккупации в Ворошиловском (сельском) районе Сталинградской области. Выявляются и характеризуются особенности восстановления народного хозяйства в указанный период.

Ключевые слова: *Ворошиловский район Сталинградской области, Сталинградская битва, восстановление народного хозяйства, немецко-фашистская оккупация.*

Возрождение освобожденных и прифронтовых районов Советского Союза представляло собой сложный, многосторонний процесс, включавший в себя комплекс мероприятий самого разнообразного характера: воссоздание органов государственного управления, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций; восстановление промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи; решение проблемы кадров; идеологическое обеспечение восстановительных работ; идейно-политическое воспитание населения, преодоление последствий фашистской пропаганды; принятие неотложных мер по обеспечению более или менее нормальных условий жизни и труда населения (жилье, питание, здравоохранение, культурно-просветительская работа); мобилизация рабочих, колхозников и интеллигенции на выполнение текущих военно-политических и хозяйственных задач [3].

Ворошиловский (сельский) район Сталинградской области был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками с 4 августа по 27 ноября 1942 г. Однако последствия почти четырех месяцев оккупации были крайне тяжелы для района. Ожесточенные бои и оккупанты опустошили район. Сотни домов, десятки школ, клубов, детских учреждений, около 400 животноводческих построек, свыше 800 производственных помещений были стерты с лица земли. Уничтожено 200 гектаров садов и виноградников, столько же полезащитных посадок. Около 200 тракторов, свыше 100 комбайнов, более трети сельхозмашин потеряли машинно-тракторные станции. Колхозы района лишились 16 тысяч голов крупного рогатого скота, 64 тысяч овец и коз, 4 тысяч лошадей и верблюдов, свыше 10 тысяч свиней, более 70 тысяч кур, гусей, уток. Только у населения, проживавшего в Ворошиловском районе, фашисты забрали 1,5 тысячи коров, 7 тысяч овец и коз, 2 тысячи свиней, 60 тысяч кур и другой домашней птицы. Материальные убытки в Ворошиловском районе составили примерно 3 миллиарда 215 миллионов 589 тысяч рублей [1; 2].

С большой радостью население Ворошиловского района встречало своих освободителей – воинов Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). С первых же дней своего освобождения трудящиеся стали активно помогать войскам Красной Армии. Все население немедленно было мобилизовано на восстановление разрушенного социалистического хозяйства, сети народного образования и здравоохранения, культурных и жилых домов, сбора военных трофеев и оказание всемерной помощи частям РККА.

Работники Абганеровской машинно-тракторной станции (МТС) в первые дни после освобождения с. Абганерово от немецких оккупантов, собрали 8 тракторов и помогли частям Красной Армии в транспортировке боеприпасов, продовольствия, снаряжения и другого военного имущества. Рабочие железнодорожных станций и разъездов по своей инициативе восстановили более 20 км разрушенного

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

железнодорожного пути. Жители района ремонтировали профилированные дороги и всячески содействовали продвижению воинского транспорта; колхозы и колхозники на живой тяге подвозили к фронту боеприпасы и отвозили в госпитали раненных бойцов.

150 колхозников помогали бойцам Красной Армии на станции Абганерово разгружать эшелоны с боеприпасами и грузить на платформы трофейные танки и пушки. Кроме того, трудящимися были отремонтированы 3 посадочные площадки для самолетов. Силами жителей района были восстановлены и начали работать на нужды фронта все имеющиеся в районе мельницы и различные мастерские.

Узнав о том, что колхозники Тамбовской, Ивановской, Саратовской и других областей внесли крупные суммы денежных средств на строительство танков и боевых самолетов, колхозники Ворошиловского района, по примеру колхозников вышеуказанных областей, внесли на строительство авиаэскадрилии «Героический Сталинград» 387705 рублей деньгами и 124205 рублей облигациями государственного займа [7].

В марте 1943 г. Сталинградский Обком ВКП/б/ и Исполкомом Облсовета депутатов установил колхозам Ворошиловского района предварительный план весеннего сева в количестве 20800 гектаров в том числе: пшеницы – 8080 га, ячменя – 1590 га, проса – 5390 га, горчицы – 4000 га, силосных трав – 300 га, многолетних трав – 240 га, однолетних – 260 га, корнеплодов – 30 га, овоще-бахчевых – 670 га и картофеля – 200 га. Перед МТС и колхозами района поставлена задача провести сев яровых культур в максимально сжатые сроки на высоком агротехническом уровне с тем, чтобы в 1943 г. получить высокий урожай сельскохозяйственных культур [9].

На 25 марта 1943 г. колхозы района засыпали на семена 847 центнеров пшеницы, 80 центнеров ячменя, 280 центнеров проса, 2261 центнер горчицы, 2040 центнеров ржи. Семян огородных и бахчевых культур, трав и картофеля колхозы совершенно не имели. Кроме того, для выполнения плана весеннего сева в 1943 г. колхозники дали в порядке заимствования 661 центнер пшеницы, 91 центнер ячменя, 263 центнера проса, 529 центнеров горчицы и 1304 центнера ржи [Там же].

Однако, засыпанные семена имели исключительно низкую всхожесть и не соответствовали семенным кондициям. Это объяснялось тем, что зерно на семена шло из урожая 1940–1941 гг., которое было частично испорчено от старости или вследствие 5-ти месячного хранения в земле (в ямах) в период фашистской оккупации.

В начале марта 1943 г. на пленуме Ворошиловского райкома партии обсуждался вопрос о подготовке первой после оккупации посевной кампании. На пленуме отмечалось, что в районе недостаточно живого тягла – 214 лошадей, 6 волов и 9 верблюдов, поэтому к участию в весенне-полевых работах подготовлено более 250 коров колхозников. На коровах работали не только в посевную, но и в уборочную [Там же].

Ремонт сельскохозяйственного инвентаря в Ворошиловском районе шёл неплохо. МТС после освобождения района отремонтировало 183 трактора и подготовило к выпуску из ремонта 60 тракторов. Ещё 53 трактора не могли быть отремонтированы из-за отсутствия запасных частей, которые МТС не было способно изготовить в своих мастерских. Помимо этого, по решению Сталинградского Обкома ВКП/б/ и Исполкома Облсовета депутатов, МТС Ворошиловского района получали из Урюпинского района Сталинградской области и из Омской области 100 и 138 тракторов соответственно [Там же].

Из имеющихся 203 плугов, 18 сеялок, 125 культиваторов и 26 луцильников, МТС отремонтировали 130 плугов, 11 сеялок, 60 культиваторов, 20 луцильников. Остальной сельскохозяйственный инвентарь находился в процессе ремонта и должен был быть отремонтирован к началу весенне-полевых работ [Там же].

Все колхозы, совхозы и МТС района были полностью обеспечены кадрами трактористов. Для обеспечения двухсменной работы тракторного парка вместо 508 трактористов имелось 607. Однако качество их труда оставляло желать лучшего: из общего количества впервые сели за руль трактора 320 человек, в том числе более 250 женщин, подготовленных на курсах МТС. Значительно хуже об-

стояло дело с обеспеченностью МТС специалистами: необходимы были старшие механики, агрономы, бухгалтеры, слесари, токари и другие специалисты. Такая нехватка специалистов могла привести к снижению производительности в период сельскохозяйственных работ, а также запутыванию учета труда и материальных ценностей [10].

Лучше всех провели подготовку к весеннему севу Абганеровская и Аксайская МТС, а также колхозы им. Тельмана, им. Молотова, Перегрузненский и Абганеровский. Эти МТС и колхозы полностью завершили ремонт тракторов и сельскохозяйственного инвентаря, укомплектовали тракторные отряды и агрегаты, определили участки под посевы яровых культур, произвели расстановку средств производства, закончили составление производственных планов и организовали социалистическое соревнование среди трактористов и колхозников за проведение весеннего сева в сжатые сроки с соблюдением всех агротехнических правил [Там же].

Необходимо отметить, что областные организации и Сталинградский ОблЗО, снабжающие МТС и колхозы, исключительно беззаботно относились к восстановлению сельского хозяйства в освобожденных районах области. По существу, они не оказывали необходимой помощи. Вплоть до начала весенне-полевых работ в Ворошиловском районе, ни один работник ОблЗО не побывал в районе, а МТС района не получили ни одной детали, ни грамма горючего и угля [Там же].

Уборка урожая 1943 г. шла нелегко. Хлеб приходилось косить косами и жать серпами. Об этом свидетельствует сводка Ворошиловского райзо. В ней сказано, что на 25 сентября 1943 г. в районе скошено и сжато 16000 гектаров, в том числе комбайнами только 3700 гектаров [5].

Районная газета «Ворошиловец» в те дни писала: «В колхозе “Красный партизан” (с. Васильевка) колхозницы К.К. Левченко, А.М. Гегина, В.Е. Ревунова и Е.И. Лавриненко скашивали лобогрейками на коровах по 4–5 гектаров ржи за день. Хорошо работают подростки ездовые Егор Кучеров и Александр Левченко» [6].

За сохранность урожая боролись и дети. Они пропалывали хлебные поля, уничтожали грызунов. Пионеры Володя Левшин, Вася Лагутин уничтожили около 500 сусликов. На сбор колосков выходили школьники, старики и старушки. В колхозе им. Калинина эту работу возглавляла Н.Д. Отрышко. За время жатвы подростки собирали до 120 центнеров зерна.

Восстанавливали разрушенное народное хозяйство и стар, и млад. Например, в х. Верхне-Кумском выполняли плотницкую работу В.М. Пересыпкин (71 год) и А.Е. Поляков (85 лет), а также колхозницы Ф.Ф. Сиротина (85 лет), Д.А. Якушева (89 лет) и Е.И. Митрохина (67 лет) нажали серпами 5 возов камыша для кровли помещений для скота.

Комсомольские и пионерские группы собирали на полях сражений все, что пригодится для армии и народного хозяйства. По неточным данным, населением района по состоянию на 30 марта 1943 г. собрано на полях прошедших боев и передано трофейным отрядам: свыше 3 миллионов патронов, до 10 тысяч снарядов, более 18 тысяч противопехотных и противотанковых мин, до 70 ручных станковых пулеметов, десятки противотанковых ружей, более 30 минометов, до 5 тысяч винтовок, более 9 тысяч стреляных гильз всех калибров и более 3 тысяч касок [7].

Помимо этого, комсомольцы и молодежь собрали 158 полушубков, 500 шапок, 330 брюк, более 300 пар валенок, 346 простыней, свыше 300 пар рукавиц, около 500 пар различного белья. В с. Шибалино поступило в фонд Красной Армии 15 выделанных овчин, 20 пар шерстяных чулок, 18 пар пуховых и шерстяных перчаток и иные вещи. Кроме того, к 25 марта 1943 г. райкомтора Заготживсырье заготовила для нужд Красной Армии 12200 овчин, 1320 кож крупнорогатого скота и 1230 кг шерсти [5].

С первых дней освобождения территории от немецких оккупантов в районе начали действовать руководящие партийно-советские органы (РК ВКП/б/ и Исполком райсовета). По мере освобождения населенных пунктов, в каждом селе восстанавливались сельские советы, МТС, колхозы, совхозы.

К лету 1943 г. в Ворошиловском районе функционировали уже все советские учреждения и торгово-заготовительные организации, а также открыты 13 изб-читален и 26 начальных школ с охватом учащихся 1676 человек. В районном центре с. Аксай была восстановлена районная амбулатория и аптека, а также изолятор для инфекционных больных. В сёлах района возобновили работу два врачебных участка, 4 фельдшерско-акушерских и 4 фельдшерских пункта [8].

В Ворошиловском районе вновь были организованы 5 сельпо и 13 торговых точек, пекарня и столовая. Потребительская кооперация в районе уже продала населению на 110800 рублей промышленных и 11800 рублей продовольственных товаров. В с. Аксай восстановлены 5 крупных зданий советских учреждений, 9 коммунальных домов, районный дом культуры, здание РК ВКП/б/ и Исполкома Райсовета, типография районной газеты, электростанция, райсвязь (телефонная сеть) и ряд других зданий. В колхозах района создаются специальные бригады по заготовке местных стройматериалов, по строительству бригадных дворов и животноводческих ферм; восстановлены и работают районная, 10 механических и 2 ветряных мельницы, промышленный и коммунальный комбинаты, артель инвалидов, починочная и пошивочная мастерские [Там же].

Большую помощь руководство района оказывало семьям военнослужащих. В рамках этой деятельности был проведен декадник по выявлению и удовлетворению нужд семей военнослужащих. За период декадника были обследованы 1464 семьи военнослужащих, из них выявлена 331 семья, нуждающаяся в оказании помощи. В это же время сельскими советами и колхозами самостоятельно оказана помощь 166 семьям: 51 семья обеспечена топливом, 11 семьям отремонтированы квартиры, 11 семей обеспечены фуражом для скота, 40 семьям предоставлены квартиры, 53 семьям выдано хлеба в количестве 1600 килограмм [Там же].

Финансовые органы и сельские советы проделали значительную работу по мобилизации денежных средств. По данным на 20 марта 1943 г. военного налога собрано свыше 60% и самообложения на 90%. Финансовыми органами и сельскими советами взято обязательство закончить сбор военного налога и самообложения не позднее 3 апреля 1943 г. По линии потребительской кооперации собрано паевых 72600 рублей и закооперировано 441 человек [Там же].

Большая роль в Ворошиловском районе отводилась агитационной работе. Вся партийно-политическая и агитационно-массовая работа велась силами советского партийного актива и агитационными коллективами, организованными при сельских советах. Всего в районе был создан 21 агитколлектив с общим количеством агитаторов – в 237 человек. Руководителями агитколлективов являлись работники партийного актива [12].

Вся партийно-политическая и агитационно-массовая работа была направлена на разоблачение фашистской пропаганды, широко проводимой фашистами в районе в период его оккупации, на мобилизацию всех слоев населения по оказанию всемерной помощи фронту и успешное проведение всех мероприятий, проводимых в районе партийными и советскими организациями.

Весь партийный и советский актив выступали с докладами на собраниях колхозников, рабочих, служащих, а также проводили беседы отдельно с женщинами, стариками, молодежью. За первый квартал 1943 г. партийным активом сделано 138 докладов на темы: о международном положении, текущем моменте, о Ленинских днях, о 25-й годовщине Красной Армии и т. д. На проведенных собраниях присутствовало 19160 человек. Агитаторы агитколлективов ежедневно знакомили колхозников со сводками Совинформбюро и дважды в неделю проводили чистки и беседы по десятидворкам, рассказывая колхозникам о положении на фронтах и держа их в курсе текущих событий [13].

На ряду с этим, необходимо отметить, что в деле проведения партийно-политической и агитационно-массовой работы имелись большие трудности. Газеты и журналы доставлялись в район с большим опозданием и в очень малом количестве. Литература, необходимая для подготовки докладчиков, вовсе отсутствовала. Ворошиловский район не получал сводок Совинформбюро, т. к. в районе не было радиоузла и радиоприемников. Отдельные сводки удавалось получить от случайных воинских частей,

но и те не могли своевременно сообщаться колхозам, т. к. в районе отсутствовала телефонная связь. Типография районной газеты «Ворошиловец» полностью уничтожена, из-за чего районная газета не выпускалась.

Также важным событием явилось решение бюро Ворошиловского РК ВКП/б/ и исполкома райсовета от 3 сентября 1943 г. о закупке в Астраханском округе 900 голов молодняка крупного рогатого скота и 3000 голов птицы. Одновременно, колхозами района активно проводилась контрактация телят и ягнят у местных жителей [11].

Одновременно с восстановлением поголовья скота и птицы необходимо было восстановить и разрушенные животноводческие постройки. Однако эта работа требовала большого количества стройматериалов и рабочей силы, больших трудовых затрат, средств и длительного срока. Учитывая это, для восстановления разрушенных сельскохозяйственных помещений использовались местные стройматериалы (саман и камень). Во всех колхозах района были созданы специальные строительные бригады, занимавшиеся заготовкой местных стройматериалов и восстановлением разрушенных животноводческих помещений. Восстановление старых и строительство новых помещений шло крайне медленно. Колхозам района не хватало пиленного леса, оконных стекол, гвоздей и, конечно, самого главного – рабочей силы [Там же].

Несмотря на все проблемы, трудящиеся Ворошиловского района активно работали над возрождением народного хозяйства. Так, например, коллектив Жутовской МТС в 1944 г. своевременно отремонтировал тракторы и комбайны, успешно провел весенний сев, вырастил неплохой урожай. Колхозы Жутовской МТС в срок выполняли план сдачи зерна государству, в срок посеяли озимые, подняли зябь и своевременно развернули ремонт тракторов, сельхозинвентаря и комбайнов к будущему году. Во Всесоюзном социалистическом соревновании в 1944 г. в нашей области отличились две МТС. Одной из них была Жутовская МТС. За активный труд ей было присуждено переходящее Красное знамя Народного Комиссариата земледелия СССР и ВЦСПС и 30 тысяч рублей премии. В 1945 г. коллектив Жутовской МТС вновь добился высоких показателей. И знамя было опять присуждено коллективу и выдано 30 тысяч рублей премии. После окончания Великой Отечественной войны, осенью 1945 г., партия и правительство решили оставить коллективу Жутовской МТС на вечное хранение знамени, присужденные в годы войны [6].

1418 дней и ночей продолжалась Великая Отечественная война – ожесточенная схватка советского народа со злейшим врагом человечества – германским фашизмом. Советские люди мобилизовали все силы для спасения Родины и ее независимости и одержали победу. Но эта победа была завоевана ценой огромных жертв.

Трудящиеся Ворошиловского района Сталинградской области поддержали и с честью выполнили призыв коммунистической партии – «Всё для фронта, всё для победы». Ворошиловский район на протяжении всей Великой Отечественной войны сохранял прочность и монолитность, внося свой вклад в обеспечение Рабоче-крестьянской Красной Армии всем необходимым.

Мы, молодое поколение, должны помнить о трудностях и лишениях, которые выпали на долю народа в суровые военные годы. Нам необходимо сделать все возможное, чтобы сохранить мир на планете.

Литература

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) Ф. Р.–2681. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 5
2. Долгополов Д.В. Злодеяния, совершённые немецко-фашистскими захватчиками в Ворошиловском сельском районе Сталинградской области в период оккупации // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2017. № 3(14). С. 11–14. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1496741068.pdf> (дата обращения: 30.03.2018).
3. Ежов В.А. Проблема возрождения освобожденных и прифронтовых районов СССР в период Великой Отечественной войны в советской историографии // Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Наука, 1986.

4. Македонская В.А. Основные проблемы возрождения освобожденных и прифронтовых районов в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2005. № 9(545). С. 66–68.
5. Матвеев С.В. Когда пылал мой край в огне... : по материалам районного историко-краеведческого музея. Волгоград: Издатель, 2004.
6. Матвеев С.В. Ручейки большого потока. Очерки истории Октябрьского района, Волгоград, 1991.
7. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО) Ф. 491. Оп. 1. Д. 11. Л. 53.
8. ЦДНИВО Ф. 491. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.
9. ЦДНИВО Ф. 491. Оп. 1. Д. 11. Л. 55.
10. ЦДНИВО Ф. 491. Оп. 1. Д. 11. Л. 56.
11. ЦДНИВО Ф. 491. Оп. 1. Д. 11. Л. 57.
12. ЦДНИВО Ф. 491. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
13. ЦДНИВО Ф. 491. Оп. 1. Д. 12 Л. 6 об.

DMITRIY DOLGOPOLOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**RESTORATION OF NATIONAL ECONOMY IN THE VOROSHILOVSKY DISTRICT
OF THE STALINGRAD REGION IN 1943–1945**

The article deals with the analysis of the restoration of the national economy after the Nazi occupation in the Voroshilovsky (rural) district of the Stalingrad region. The features of the restoration of the national economy in that period are revealed and characterized.

Key words: *the Voroshilovsky district, the Stalingrad region, the battle of Stalingrad, the restoration of national economy, Nazi occupation.*

УДК 94(47).084.9

С.А. ДУБЦОВА
(lanka07@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ПРАВИЛ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ СССР В 50-Е ГГ. XX В.*

Анализируются причины и следствия изменения правил поступления в высшие учебные заведения СССР в ходе реформы образования середины 50-х гг. XX в. Предоставлена информация о характере изменений вступительных испытаний, мероприятиях органов власти, направленных на решение насущных экономических и политических задач.

Ключевые слова: реформа образования, правила приема в вузы, абитуриент, студент, «стажники», «производственники».

24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», ставший частью реформы образования, давно назревшей в стране.

К началу 50-х гг. система общего и высшего образования все еще развивалась в рамках сталинской модели, рассматривавшей школу как подготовку к обучению в высшем учебном заведении.

Для того чтобы проанализировать изменения, проведенные в ходе образовательной реформы 1956–1958 гг., рассмотрим принципы деятельности системы высшего образования, сложившейся в 30–40-е гг. XX столетия.

В 1930-е гг. перед государством встает задача индустриализации страны, которую становится тем сложнее решать, чем менее подготовлены кадры. В общеобразовательной школе расширяется объем теоретических знаний и повышаются требования к качеству подготовки выпускников. На этапе высшего образования ставится задача подготовки высококвалифицированных кадров. В связи с этим перед ВУЗами страны стояла насущная задача приема наиболее подготовленных абитуриентов с целью подготовки кадров для народного хозяйства страны. Для их выявления в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» от 23 июня 1936 г. были установлены правила приема, делающие поступление в ВУЗ очень сложной задачей для выпускника школы. Согласно этим правилам все поступающие в высшие учебные заведения должны были написать сочинение по русскому языку, сдать экзамены по грамматике, литературе, политической грамоте, математике, физике, химии и иностранному языку (с 1937 г.). Поступающие в сельскохозяйственные ВУЗы дополнительно сдавали географию, а в заведения гуманитарного профиля – историю и географию. Очевидно, что архитектурные, художественные, музыкальные и театральные ВУЗы дополнительно устраивали испытания творческого плана.

Единственным исключением из общего правила были те выпускники школ, которые получали отметки «отлично» по основным предметам и не ниже «хорошо» по рисованию, пению, черчению, музыке и физкультуре. Им необходимо было пройти только собеседование с членом приемной комиссии [17, с. 428].

Выдержать такие вступительные испытания было под силу только наиболее подготовленным выпускникам школ.

Ситуация изменилась только в годы Великой Отечественной войны, когда вступительные испытания были отменены в связи с недобором студентов. Однако после ее окончания правила поступления были восстановлены в полном объеме.

В начале 50-х гг. перед страной встают новые экономические задачи дальнейшего развития народного хозяйства. В связи с этим появляется необходимость увеличения количества рабочих и специа-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

листов среднего уровня. Согласно пятому пятилетнему плану перед системой образования ставилась задача увеличения количества выпускаемых специалистов в зависимости от профиля и уровня подготовки от 30 до 200% [4, с. 45].

В резолюции XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК КПСС указывается на недостаточную подготовленность выпускников средних и высших учебных заведений к непосредственной производственной деятельности [9, с. 46].

В записке «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии народного образования в стране», опубликованной в газете «Правда» от 21.09.1958 г., Н.С. Хрущев объясняет цели грядущей реформы образования. Основной задачей являлась политехнизация общеобразовательной школы и рост уважения в обществе к физическому труду и профессии рабочего. Несмотря на то, что в целом реформа была направлена на изменения общеобразовательной школы, но и высшего образования она коснулась в значительной степени. Причины проведения реформы носили, с одной стороны, идеологический характер, а, с другой стороны, реформа должна была способствовать решению вполне себе практической экономической задачи.

В советской промышленности и сельском хозяйстве явно существовал дефицит кадров среднего уровня. Руководство страны считало одной из причин этой нехватки рабочих рук многократно возросшую популярность обучения в высших учебных заведениях. В значительной степени выбор образовательного пути в ВУЗе объяснялся потребительскими представлениями о «чистой» и «грязной», а также «престижной» и «непрестижной» работе.

Анализируя причины изменения правил поступления в высшие учебные заведения доктор исторических наук, профессор А.В. Пыжиков ссылается на высказывания Н.С. Хрущева о преимуществе поступления в ВУЗы абитуриентов, имеющих поддержку в лице родственников с «полезными знакомствами» или значительными финансами [19, с. 219].

Согласно новым правилам поступления в высшие учебные заведения СССР преимущество при зачислении имели абитуриенты, имеющие стаж работы на предприятии, стипендиаты предприятий и колхозов а также граждане, прошедшие службу в рядах Советской Армии. В высшие учебные заведения предполагалось принимать студентов «на основе характеристик, выдаваемых партийными, профсоюзными, комсомольскими и другими общественными предприятиями» [3, с. 59]. При поступлении в медицинские учебные заведения преимущество имели абитуриенты, имеющие «практический стаж работы в качестве младшего обслуживающего персонала в медицинских и лечебно-профилактических учреждениях» [Там же, с. 60].

Теоретики реформы поставили себе задачу частично перенаправить поток выпускников от поступления в высшее учебное заведение к работе на предприятиях и в колхозах страны. Таким образом появилось положение реформы, изменяющее правила приема в ВУЗы и обязывающее всех абитуриентов иметь двухлетний производственный стаж.

В 50-е гг. абитуриенты, поступающие в высшие учебные заведения, сдавали меньше вступительных экзаменов, чем 20 лет назад. Так, например, в своей монографии «Юридические высшие учебные заведения» (1963) А.Ф. Шебанов указывает, что при поступлении в юридические институты или факультеты были обязательны следующие экзамены: русский язык и литература, язык преподавания и литература (в ВУЗах, ведущих преподавание на языке республики), история СССР и иностранный язык. Также сохраняются льготы при поступлении для выпускников школ, награжденных золотой или серебряной медалью, или получивших дипломы с отличием при выпуске из средних специальных учебных заведений. Без вступительных экзаменов в ВУЗы принимались «лица, демобилизованные из Вооруженных сил СССР и имеющие законченное высшее военное образование, а также незаконченное высшее военное или гражданское образование, независимо от курса, на котором они обучались <...> Вне конкурса при получении положительных оценок на вступительных экзаменах принимаются участники Великой Отечественной войны...» [20, с. 155–156]. Кроме этого появляется категория

так называемых «производственников», т. е. абитуриентов, направлявшихся на учебу предприятиями. Они напрямую зачислялись в ВУЗы, не проходя никаких вступительных испытаний.

Знания этих студентов зачастую не шли ни в какое сравнение с теми, кто поступал в результате вступительных испытаний.

Французский исследователь Л. Кумель в своих работах приводит мнение руководителей технических ВУЗов, в частности профессора и заведующего кафедрой физики Московского энергетического института В.А. Фабриканта. Он утверждал, что в результате приема студентов по новым правилам сформировался очень разноуровневый состав. На одном и том же занятии часть студентов совсем не понимала, о чем идет речь, а другая часть откровенно скучала, поскольку представляемый учебный материал для них был слишком прост. В.А. Фабрикант, кроме того, критиковал и саму идею производственного стажа, как обязательного условия для поступления в ВУЗ, поскольку двухлетний перерыв в учебе неизбежно негативно сказывается на возможности обучения теоретическим дисциплинам [13, с. 337]. Конечно, подобная ситуация непременно приводила к снижению качества подготовки студентов и уровня образования выпускников высших учебных заведений.

С критикой подобной организации приема выступили советские ученые с мировыми именами: Н.Н. Сеченов, А.Д. Сахаров и А.Н. Несмеянов. Главным опасением стал тот факт, что при перерыве в учебной деятельности, который выпускникам школ нужен для приобретения трудового опыта и участия в производственной деятельности, снижается качество знаний абитуриентов. Соответственно, в стены высших учебных заведений попадают не наиболее одаренные из выпускников, а те, кто выполнил требование реформы и в результате приобщения к труду стал носителем коммунистических идеалов.

Кроме того, Н.Н. Семеновым была выдвинута идея создания специализированных школ для тех учеников, кто наиболее способен к учебной деятельности и намерен поступать в высшее учебное заведение [16, с. 487].

Для обхода этой системы значительная часть обучающихся после окончания общеобразовательной школы устраивалась на работу и увольнялась сразу после поступления в ВУЗ.

Еще одним способом поступления в высшие учебные заведения стал уход школьников после 8-го класса в школу рабочей молодежи (ШРМ) и одновременное устройство на работу. Поскольку обучение в ШРМ длилось два года вместо трех в общеобразовательной школе в 9–11-х классах, выпускники имели возможность продолжить обучение в высшей школе на три года раньше своих сверстников. Однако, физические, психические и интеллектуальные способности 14–16-летних молодых людей не способствовали успешному совмещению работы и учебы, что в итоге приводило к снижению качества знаний у выпускников ШРМ, по сравнению с выпускниками средних школ [Там же, с. 191].

Перед предприятиями и колхозами была поставлена задача повышать квалификацию своих работников и, для того чтобы выполнить план, руководство давало своим сотрудникам направление на учебу, иногда даже в принудительном порядке.

Еще одной возможной причиной для изменений правил приема в ВУЗы стала политическая активность студенчества, в частности появление в студенческой среде высказываний, критикующих введение контингента советских войск в Венгрию в 1956 г. Студенчество в разные эпохи истории проявляло себя как наиболее общественно-активная группа, с легкостью воспринимающая революционные идеи. Если в момент кризиса Российской империи подобная поддержка со стороны молодой интеллигенции была на руку руководителям РСДРП(б), то во время строительства нового государства в 20-е гг. и в послевоенный период Советское государство было крайне заинтересовано в «выращивании» лояльной интеллигенции. Это было возможно только при условии пополнения рядов студенчества выходцами из тех социальных слоев, которые всегда были поддержкой для советского строя, т. е. из рабочих и крестьян.

Аргументом в пользу этого мнения могут стать факты, которые приводит А.И. Прищепа в своем исследовании, посвященном причинам образовательной реформы 1958 г. и демонстрирующие све-

дения о политической составляющей проводимых изменений. В январе 1957 г. бюро обкома КПСС Свердловской области приняло постановление «Об улучшении состава принимаемых в ВУЗы студентов в 1957 г.». Причиной этого стало нарастание количества «антисоветских, враждебных вылазок». Так, партийные власти Свердловска были потрясены отчетно-выборными комсомольскими собраниями Уральского политехнического института им. С.М. Кирова, Уральского государственного университета им. А.М. Горького и Уральского педагогического института, прошедшими в октябре – ноябре 1956 г. Студент 4-го курса Уральского политехнического института Артур Немелков выступил с критикой комсомольской организации и предложениями об изменении Устава комсомола. В педагогическом институте была сделана попытка утвердить демократические принципы в организации студенческой жизни. В Уральском государственном университете было высказано много критики в адрес партийных и комсомольских лидеров и сформулированы требования демократизации в идеологии, партии и комсомоле, а также введения свободного посещения лекций, увольнения отдельных преподавателей, повышения стипендий.

В скором времени партийными властями области были предприняты репрессивные меры в отношении руководства ВУЗов и отдельных студентов.

С целью предотвращения разрастания студенческой активности и «орабочивания» студенческого сообщества Свердловский обком настоятельно рекомендовал руководителям предприятий и ВУЗов организовать подготовительные курсы для подготовки рабочих к поступлению [18, с. 58–59].

Итак, изменение правил поступления в высшие учебные заведения стало не основной, но очень заметной частью реформы образования 1958 г. Появление нескольких новых льготных категорий абитуриентов, а также перерыв в образовании для получения обязательного двухлетнего стажа снизили общий образовательный уровень поступающих абитуриентов, что привело к снижению общего уровня высшего образования. За несколько лет значительно возросло количество студентов, отчисленных за неуспеваемость. Тем не менее при наборе студентов на стратегически важные специальности сохранялись места для одаренных выпускников специальных школ.

Значительно изменился социальный состав студентов ВУЗов. Реформа облегчила попадание в высшую школу детям рабочих и крестьян. Однако уже через несколько лет были сделаны значительные послабления. После 1963 г. обязательный производственный стаж при поступлении в ВУЗы был отменен и выпускники школ стали поступать наравне со «стажниками». Постепенно система приема абитуриентов становится более сбалансированной и позволяет принимать в высшие учебные заведения наиболее конкурентоспособные кадры.

Литература

1. Барабина И.А. Государственная политика в сфере школьного образования в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // Экономика и политика, 2014. № 2(3). С. 10–13.
2. Дягилева Т.П. Проблемы кадрового обеспечения системы среднего образования в период школьной реформы 1958–1964 гг. (на материалах Костромской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2013. № 5(31). Ч. I. С. 70–73.
3. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 53–61.
4. Из директив по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 45.
5. Из директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития СССР на 1956–1960 гг. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 46.
6. Из Тезисов ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» 12 ноября 1958 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 48–52.
7. Из Контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 62–63.

8. Из Программы Коммунистической Партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС (17–31 октября 1961 г.) // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 66–69.
9. Из резолюции XX съезда КПСС по отчетному докладу центрального комитета КПСС (14–25 февраля 1956 г.) // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 46.
10. Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник Ленинград. госуд. ун-та им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. Вып. 1. С. 126–134.
11. Кумель Л. Образование в эпоху Хрущева: «оттепель» в педагогике? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. М.: Новое литературное обозрение. 2003. № 2(28). С. 76–81.
12. Кумель Л. Советские физики и вопросы образования: неприятие реформы 1958 г. // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М.: Диполь-Т, 2003. С. 333–337.
13. Молчанова Т.В. Особенности приема студентов в Ленинградские ВУЗы в 1950–1960-е годы // Известия Российск. госуд. педагог. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. Вып. 149. С. 26–32.
14. Нарядкина Л.А. Школьная реформа 1958 г. и национальное образование // Фундаментальные исследования. 2005. № 4. С. 35–36.
15. Олесик Е.Я. Проблемы формирования студенческого контингента вузов СССР (1944–1990 гг.) // Вестник Адыгейского госуд. ун-та. 2008. № 2. С. 82–87.
16. Полотебнов А.С. Ленинградское образование в школьной реформе 1950–1960-х годов // Историко-педагогический журнал. 2016. № 4. С. 186–193.
17. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1973. С. 427–433.
18. Прищепа А.И. О причинах школьной реформы 1958 г. // Вестник Нижневартковского госуд. ун-та. 2012. № 4. С. 58–61.
19. Пыжиков А.В. Реформирование системы образования СССР в период оттепели (1953–1964 гг.) // Вопросы истории, 2004. № 4. С. 215–220.
20. Шебанов А.Ф. Студенты юридических ВУЗов СССР. Правила приема и условия обучения в юридических ВУЗах СССР // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2016. Вып. 15. С. 152–160.

SVETLANA DUBTSOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ABOUT CHANGES OF THE RULES OF ADMISSION TO HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE USSR IN THE 1950S

The article deals with the analysis of the causes and consequences of the changes of the rules of admission to higher education institutions of the USSR during the educational reform of the mid 1950s.

The information of the nature of the changes of entrance examinations, the activities of the authorities aimed at the solution of urgent economic and political challenges are presented.

Key words: *educational reform, admission regulations, applicant, student, “applicant with work experience”, “applicant, directed from manufacture”.*

УДК 94(47).084

И.В. ДУКОВА

(ira.duckova@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПЛАКАТАХ 1920-Х ГОДОВ*

Выявлены основные задачи и направления государственной политики в отношении женщин в 1920-е годы на основе анализа советских плакатов, выступающих в качестве действенного способа политической агитации. Дается характеристика наиболее тиражируемых советских плакатов указанного периода, в которых женщина показана как равный член советского общества.

Ключевые слова: СССР, женский вопрос, гендер, советский плакат, советская женщина.

Одной из тенденций развития современного постиндустриального общества является трансформация социальных ролей. В условиях высокой конкурентной среды женщины вынуждены расширять спектр моделей своего поведения в соответствии с изменением их места и роли в обществе. Сегодня уже не удивительно, когда женщины занимают руководящие должности в государственной сфере и частном секторе.

Вопросы о роли женщин в современных процессах привлекают к себе пристальное внимание не только ученых, но и, в рамках реализации социальной и молодежной политики, широкой общественности. Конституция Российской Федерации гарантирует равные права на труд, образование, медицинское обслуживание, а также другие принципы гендерного равенства [11, с. 4]. В 2017 г. Минтрудом России была разработана и утверждена «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», определившая основные направления государственной политики в отношении женщин и направленная на воплощение в жизнь принципа равных прав и свобод мужчины и женщины. Создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации.

Важным этапом в формировании законченного образа российской женщины является послереволюционный период, когда партия большевиков, завоевавшая власть, активно реализовывала политику женской эмансипации.

Большевистская партия в 1920-е годы начала борьбу со старыми патриархальными стереотипами в отношении женщины. В.И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин подчеркивал, что Коммунистическая партия намерена достигнуть полного освобождения женщины как личности. «Мы <...> ненавидим, – говорил Ленин, – и хотим устранить всё то, что гнетёт и мучит работницу, жену рабочего, крестьянку, жену маленького человека и даже, во многих отношениях, и женщину из состоятельного класса» [12, с. 10].

Массовое привлечение женщин на производство было одной из главных задач политики большевиков. Так, на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. В.И. Ленин заявлял: «надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин. Выбирайте же больше женщин работниц в Совет, как коммунисток, так и беспартийных. Женщина может трудиться и в условиях военных, когда дело идет о помощи армии, об агитации среди нее» [7, с. 99]. Кодекс законов о труде, введенный в 1922 г., провозглашал

* Работа выполнена под руководством Такташевой Ф.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

равное право женщин и мужчин на труд, его оплату, социальное страхование, всестороннюю охрану женского труда и опеку о женщине-матери [10, с. 193].

Но женщина ещё считалась «отсталым» элементом, т. к. она была частью традиционной семьи и частной сферы. Необходимо было реформировать и семейные отношения [5, с. 59]. Правительство большевиков видело в институте семьи буржуазные элементы и обещало освободить женщин от брака, нарекая его главным препятствием на пути к женской эмансипации. Постепенно распространялись представления о браке как любовного и товарищеского союза двух равных членов коммунистического общества, свободных и одинаково независимых. Женщина должна была стать не только финансово, но и духовно независимой. Так, новый «Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР», вступивший в силу в январе 1927 г., признавал фактический брак по таким его параметрам, как совместное проживание и ведение хозяйства, содержание и воспитание детей. Принятое законодательство должно было способствовать формированию семьи, свободной от дореволюционных ограничений и условностей, основанной на паритетных началах [16, с. 105].

Курс новой власти так же был направлен и на освобождение женщин от «домашнего рабства». Уже в первые годы после революции в условиях разрухи и голода активно внедрялись новые формы быта (общежития, дома-коммуны, общественные столовые и т. д.), пропагандируемые как альтернативный вариант традиционной семейной жизни. Также была предложена новая форма воспитания детей. Она базировалась на «освобождении женщин от наиболее тяжелых сторон семейного рабства <...> Если в индивидуальной семье одна мать воспитывает 3–6 своих детей, то при общественном воспитании одна женщина будет воспитывать 5–10 чужих детей, а может быть, и больше. Но эта работа будет ложиться равномерно на все общество, а не будет обрушиваться всей тяжестью на матерей» [14, с. 20].

Делом огромной государственной важности явилось устранение неграмотности. Партии удалось разработать и принять многочисленные меры в целях подъема просвещения трудящихся масс. Так, утвержденный в 1918 г. «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» прекращал функционирование всех духовно-учебных заведений. Обучение стало светским. В мае 1918 г. постановлением Наркомпроса во всех учебных заведениях было введено совместное обучение учащихся обоего пола и отменены сословия. Главным образом, партийные организации пытались ликвидировать неграмотность среди пролетарской части женщин. Работницы учились грамоте прямо на ликпунктах при фабриках и заводах [15, с. 81].

Одним из способов пропаганды нового уклада жизни и образца поведения в первые годы новой власти становится плакат. Революционные плакаты 1920-х годов выступали как уникальные живописные и культурные памятники эпохи.

Плакат в 20–30-е годы XX в. являлся одним из способов передачи государственных интересов народу, действенным средством политической агитации. Его содержание являлось доступным для «прочтения» всему населению, даже неграмотным адресатам [2, с. 7].

«Женский вопрос» также нашел отражение в советском плакате 1920-х годов. Стоит заметить, что в 1920-е годы искусство плаката переживало большой расцвет. Кроме лаконичности и броскости, которые присущи плакату вообще, советскому плакату тех лет свойственны определенные качества монументальности. Являясь частью «плана монументальной пропаганды», они оживляли стены домов, улицы городов, повседневную жизнь советского человека. Язык плаката – необыкновенно образный, яркий, доступный даже неграмотному, но вместе с тем резкий, скупой и лаконичный.

Государство, в лице партии большевиков, считало, что женщина должна принимать активное участие в политической жизни, участвовать в культурной революции, быть грамотной. Именно этими задачами и определяется женская тема в плакате 1920-х годов, и ее пропагандистами выступают сами женщины – это мастера станковой графики (Е. Кругликова, А. Соборова и Н. Изнар) [13, с. 168].

Рис. 1. Плакат Наталии Сергеевны Изнар «Женщина! Грамотность — залог твоего раскрепощения»

Плакат Наталии Сергеевны Изнар «Женщина! Грамотность — залог твоего раскрепощения» (см. рис. 1) ярко демонстрирует изменения в положении женщины, движение из прошлого в будущее. Женщины прошлого изображены в правом нижнем углу, это — самое темное место плаката. Они обременены своими повседневными заботами: детьми и домом. Женщина настоящего изображена внизу слева, на самом светлом месте. Она также показана склонившейся над трудной работой, но эта работа — чтение, освоение грамотности, образование. Склонившаяся над книгой женщина как бы освещена сиянием, исходящим от книги. В центре композиции изображена женщина будущего, которая возвышается над своими соратницами. Она свободна, ее спина прямая, её руки не обременены тяжёлой работой, а за ней возвышаются трубы заводов и фабрик, воплощающие будущее, в котором труд будет механизирован. Такой видели женщину будущего художники 1920-х годов — раскрепощенную, будто светящуюся сочетанием желтого и белого цвета [13, с. 169].

Рис. 2. Плакат А. Страхова-Браславского «Раскрепощенная женщина, строй социализм!»

Женщина-работница 1920-х годов, представленная на плакатах тех лет, довольно аскетична. Пример тому может служить знаменитая пролетарка А. Страхова-Браславского «Раскрепощенная женщина, строй социализм!» (см. рис. 2 на с. 60). Образ словно отлит из стали. Женщина обрисована крупным планом на фоне труб заводов и солнечного диска, воплощающих будущее, в скромной, почти мужской косоворотке, спокойна и сосредоточена, уподоблена скульптуре. Центральным атрибутом образа является косынка, красное знамя и дымящие трубы фабрик. Но в этой героине нет ничего женственного, отсутствуют черты мягкости, женственности, нежности, материнства. Сосредоточенное, серьезное, не улыбающееся выражение лица, отсутствие косметики и украшений – таковы существенные внешние признаки, которыми обладают изображения женщин, позиционируемых как «новый образ». На лице читается внутренняя сила и убедительность, что позволяет приблизить ее к мужским героическим персонажам. Так, например, на плакате Д. Моора «1-ое Мая – Всероссийский субботник» (см. рис. 3) мы видим мужчину и женщину, работающих в кузнице: он занёс молот для удара, она держит щипцами кусок раскаленного железа. На заднем фоне изображены фабричные здания, фигуры других рабочих, паровоз. Оба главных персонажа плаката обладают одинаковой физической мощью, но их роли остаются неизменными. Мужчина – главный (женщина допущена в мужской мир, олицетворяемый кузницей, но только в качестве помощника) [13, с. 170].

Рис. 3. Плакат Д. Моора «1-ое Мая – Всероссийский субботник»

Характерной особенностью плакатов 1920-х годов является подчеркнутая разница образов работницы и крестьянки, причем, главным образом в одежде, как, например, на плакате Л. Емельянова «Знание и труд новый быт нам дадут...» (см. рис. 4 на с. 62). На плакате изображены две женщины – крестьянка и работница, на фоне сельском и городском соответственно, обе держат в руках книги. Крестьянка одета в скромную одежду, на ногах – лапти, на голове её – платок как атрибут традиционного русского костюма. Работница же изображена в рубаше или блузе с засученными по локоть рукавами, на подобие мужской, свободной красной юбке, на голове повязана косынка, из под которой видны коротко стриженные волосы. Однако есть в их образах нечто общее: красная косынка. Пролетарки завязывали косынку узлом сзади, крестьянки – под подбородком. Этот элемент женской одежды, встречавшийся в плакате еще до 1917 г., в революционно-ориентированном искусстве получает символический, знаковый смысл [Там же].

Рис. 4. Плакат Л. Емельянова «Знание и труд новый быт нам дадут...»

Советское общество и государство наделило женщину новой социальной функцией, вынуждая её быть активной. Нередко она встречается в роли агитатора и пропагандиста, как, например, в плакате И.П. Макарычева и С.Б. Раева «Каждая кухарка должна научиться управлять государством!» 1925 г. (см. рис. 5). Композиция данного плаката символична: на темном фоне изображен круг с изображением Совета, словно лучом прожектора высвечено здание, символизирующее государство, над которым возвышается фигура работницы им управляющей. Наружность женщины монументальна и андрогенна [13, с. 172].

Рис. 5. Плакат И.П. Макарычева и С.Б. Раева
«Каждая кухарка должна научиться управлять государством!» 1925 г.

Таким образом, в период 1917–1920-е гг. образ «новой женщины» создавался не только с помощью политической практики, но и благодаря художественным средствам. Революционный плакат сыграл незаменимую роль в решении острейших задач культурной революции, создавая новые модели-образы, стереотипы поведения. Даже несмотря на то, что большинство населения было безграмотным, именно зрительные образы имели наибольший эффект в пропаганде новых идей. Благодаря плакату в сознании народа закрепился следующий образ советской женщины: целеустремлённая, выдвигающая на первый план интересы социума, способная трудиться наравне с мужчинами, сильная, грамотная и физически развитая, ценящая, прежде всего, духовную красоту, способная защитить свою страну и свой дом.

Литература

1. Аристова М. Решение женского вопроса Октябрьской революцией и Перестройкой // Альтернативы. 2009. № 3. С. 127–144.
2. Бабурина Н., Артамонова С. Женщины в русском плакате // Женщины в русском плакате. М.: Контакт-Культура, 2001.
3. Балибалова Д.И., Социально-правовая защита прав и интересов женщин в России: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2013.
4. Днепровская А.А. Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий) // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 91–98.
5. Здравомыслова Е.А., Темкина АА. История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для чайников. Вып. 1. М.: Фонд им. Генриха Белля: Просветит.-издат. цент «Звенья», 2006. С. 56–84.
6. Ленивихина Н.О. Культурно-просветительская работа среди женщин в России в 1920-е гг. (по материалам архивов Волгоградской области) [Электронный ресурс] // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журнал ВГПУ. 2010. № 4. С. 59–62. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/220_st.pdf (дата обращения: 12.02.2018).
7. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике: речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о женском вопросе. М.: Политиздат, 1978. С. 97–103.
8. Пухова З.П. Женское движение и перестройка в СССР // Женщины в современном мире. М., Наука, 1989. С. 58–63.
9. Снопков А.Е., Снопков П.А., Шклярчук А.Ф. Шестьсот плакатов. М.: Контакт-Культура, 2004.
10. Такташева Ф.А. Охрана женского труда на предприятиях Сталинграда в период послевоенного восстановления хозяйства (1943–начало 1950-х гг.) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. № 6(101). С. 192–196.
11. Хасбулатова О.А. Реалии Российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в Российском обществе. 2011. № 3. С. 4–12.
12. Цеткин К. Вспоминания Ленине. М.: Госполитиздат, 1955.
13. Черняева Е.Н. Формирование идеального образа советского человека в практиках художественной культуры 1920-х годов // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 6. С. 163–170.
14. Шабатурова Е.А. Гендерный анализ образа «Новой женщины» в советской культуре 1920-х годов // Омский научный вестник. 2006. С. 192–196.
15. Шакулова В.С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. С. 77–102.
16. Шаповалова Я.И. Политика большевиков в отношении семьи в первые годы советской власти // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 105–109.

IRINA DUKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE IMAGE OF THE SOVIET WOMAN AT THE POSTERS OF THE 1920S

The article deals with revealing the basic objectives and directions of state policy concerning women in 1920s based on the analysis of the Soviet posters, acting as an effective way of political propaganda. The characteristics of the most replicated Soviet posters of the specified period in which the woman is shown as the equal member of the Soviet society is presented.

Key words: *the USSR, the question of women's rights, gender, the Soviet poster, the Soviet woman.*

УДК 94(47)

А.В. ЖИТЕНЕВ
(alexvachezhite@bk.ru),
Е.Ю. БОЛОТОВА
(eubolotova@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ЦАРИЦЫНЕ В 1917-1918 ГГ.

*Анализируется деятельность общественно-политических движений в Царицыне в период 1917–1918 гг.
Дается характеристика населения Царицына к 1917 г. и выделяется деятельность большевиков,
меньшевиков, эсеров и анархистов.*

Ключевые слова: Царицын, большевики, меньшевики, эсеры, анархисты.

Первоначально Царицын был основан на Нижней Волге в качестве крепости, в которой наличие гражданского населения не предполагалось. Собственно, гражданское население как реальный фактор начинает присутствовать в городе только с XVIII в. С проведением в Царицын в 1859 г. Волго-Донской железной дороги, а в 1871 г. – Грязе-Царицынской, город начинает активно превращаться в транспортный узел. Начинает развиваться промышленность, в том числе появляются высокие для своего времени технологии. В 1917 г. население города достигает отметки в 130 тыс. человек [2].

Царицын в начале XX в. является одним из крупных рынков рабочей силы: ежегодно через него проходило 100–150 тыс. сезонных рабочих, которые нанимались на работу на волжские пристани, каспийские рыбные промыслы, на сельхозработы на Дону и Кубани. В самом городе в период навигации оседало 15–25 тыс. человек. На 1917 г. в городе насчитывалось около 50 тыс. рабочих, на которых в основном будут опираться большевики во время становления советской власти [8].

Кроме того, в Царицыне было около 15–20 тыс. солдат – это Царицынский гарнизон, учебные полки, студенческие батальоны. Солдаты не видели смысла в продолжении войны, не понимали, почему Временное правительство ничего не делает для прекращения войны [4].

Расстановка сил в Царицыне полностью соответствовала политическому положению в России в целом. Особенности партийной работы после Февральской революции определялись, прежде всего, максимумом легальности в стране: с падением самодержавия большевики получили возможность открыто вести широкую пропаганду своих взглядов [2].

После известия о свержении самодержавия в Царицыне начались стихийные аресты полицейских и жандармов. Только полный переход власти к Революционным Советам мог дать стране долгожданный мир, социальную справедливость. Народные массы надеялись после свержения царизма на получение мира, земли, хлеба, свободы. Однако Временное правительство не стремилось оправдывать эти надежды, его политика вела страну к катастрофе. Меньшевики, заседавшие в Советах, в основном разделяли и поддерживали эту политику. Только с появлением большевиков в Совете на повестку дня были поставлены вопросы об улучшении экономического положения рабочих и солдат, которые получили затем должное решение. С конца марта 1917 г. началась борьба большевиков с меньшевиками и эсерами. Значительная часть рабочих и солдат верила революционным фразам меньшевиков. Завоевывая массы, большевики шли в профсоюзы, многие из которых находились под влиянием меньшевиков, помогая рабочим добиваться удовлетворения их требований, революционизируя фабзавкомы [1].

На 12 марта 1917 г. назначили Учредительное собрание партийной организации. Однако новый городской комитет РСДРП(б) на нем не был избран – помешали меньшевики, настаивавшие на создании объединенной организации, т. к. РСДРП пользовалась авторитетом в массах. В.И. Ленин предупреждал большевиков, чтобы они не дали «себя запутать в глупые “объединительные” попытки с социал-патриотами» [Там же]. 24 марта в театре «Парнас» на городском партийном собрании избирается организационный комитет и делегаты на Всероссийское партийное совещание. В состав оргкоми-

тета были избраны шесть большевиков и четыре меньшевика – произошло, таким образом, формальное объединение. 20 апреля 1917 г. С.К. Минин выступил на городском собрании РСДРП с докладом об итогах Всероссийского партийного совещания и Апрельских тезисах В.И. Ленина. От меньшевиков слово взял Д.В. Полуян, оспаривая тезисы, но поддержки он не получил. 1 мая, Выступившие на митинге большевистские ораторы призывали бороться за переход власти к Советам, за демократический мир, за передачу крестьянам помещичьей земли. Но особенно ярко проявилась трансформация сознания рабочих – от меньшевиков к большевикам. На состоявшихся 23 апреля выборах нового состава городского комитета РСДРП большевики получили одиннадцать мест, и только одно место досталось меньшевикам. Окончательный разрыв между большевиками и меньшевиками произошел на партийном собрании 10 мая 1917 г., когда обсуждался вопрос об издании газеты. Меньшевики пытались поставить в редакцию своих представителей. Большевики решительно воспротивились. Оскорбленные меньшевики покинули собрание. Этот инцидент способствовал более четкому размежеванию линии пролетариата и линии мелкобуржуазной демократии в революции. Общее собрание большевиков уже постановило: ни в какие соглашения с другими партиями не вступать. Становилось все труднее бороться против влияния большевиков, меньшевики и эсеры создали свой блок. Выборы принесли победу большевикам, получившим около 40% мест в городской думе. Между тем в Петрограде 4 июля Временное правительство расстреляло мирную демонстрацию рабочих, солдат и матросов. Оценивая июльские события 1917 г., В.И. Ленин писал: «С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция» [1].

Вечером 10(23) мая 1917 г. на общем собрании царицынских социал-демократов, на котором присутствовало около 300 человек, самый актуальный, самый злободневный вопрос в повестке дня – это организация издания собственной партийной газеты. В четверг 18(31) мая как в редакции, так и в рабочих кварталах и солдатских казармах, вспоминал С.К. Минин: «покупался на расхват первый номер своей – родной и близкой газеты “Борьба”. Каждая статья уже первого номера “Борьбы” была пронизана революционным духом, нацеливала на необходимость борьбы пролетариата за власть Советов, за мир, за землю. Всего до Октябрьской революции вышло 34 номера “Борьбы”» [3].

Практически ежедневно на городских площадях, предприятиях и в воинских частях большевики проводили митинги и лекции, где добивались принятия резолюций о недоверии правительству, была организована партийная школа [5, с. 118–119].

Помимо активной пропаганды большевики занимались созданием вооруженных отрядов для противостояния контрреволюционным силам. Вместе со всей партией большевики Царицына готовились к взятию власти. 18 октября Совет принял решение о создании Красной гвардии, что было особенно важно после вывода из города революционных полков. Во всей деятельности рабочая Красная гвардия была подчинена непосредственно Царицынскому Совету. Новая власть с помощью Красной гвардии добилась установления полного порядка в городе [9].

19 декабря 1917 г. Исполнительный комитет Царицынского Совета постановил: образовать штаб обороны, на который возложить руководство отрядами Красной гвардии и оборону города. В составе Красной гвардии Царицына насчитывалось 3000 рабочих. 30 января 1918 г. был создан отдел Красной Армии при Царицынском Совете [10].

С 1918 г. в Царицыне и окрестностях действовали подпольные группы партии социалистов-революционеров. Выступления эсеров были отмечены и на территории Царицынской губернии. Но не существовало единой эсеровской подпольной сети и их действия носили эпизодический характер. Антибольшевистский заговор правых эсеров в Царицыне, вероятно, зрел в июле – августе 1918 г. во время первой осады города армией атамана Краснова. Мятельники намеревались использовать помощь сербских военнопленных, квартировавших в то время в Царицыне. Работу среди сербских частей проводил бывший поручик сербской службы Вассович и бывший офицер русской армии Углевенко. Возглавлял заговор, по мнению чекистов, правый эсер, бывший офицер Алексеев Александр Николаевич.

В штаб заговорщиков вошли Угневенко и правый эсер Котов. Их лозунг – «За Учредительное собрание». До сих пор неизвестно, существовал ли заговор на самом деле. Эсеры Царицына были замешаны еще в одном инциденте. Летом и осенью 1918 г. начались волнения в 10-й Красной Армии, оборонявшей Царицын. Один из крупных мятежей был подавлен 7–8 сентября в Ельшанке. 2500 бойцов 2-го запасного полка, сформированного из волжских грузчиков профсоюза «Грузолес», отказались выступить на фронт. Причина – недостаток вооружения. Своих бойцов поддержал командир полка, бывший штабс-капитан, эсер В.Я. Молдавский. С обеих сторон прогремели выстрелы: бунт перерос в открытый мятеж, который был быстро подавлен. Почти все мятежники были амнистированы и продолжили службу в Красной Армии. Молдавский был расстрелян. Действия эсеров носили эпизодический характер. Сопrotивление режиму эсеры прекратили после отмены продразверстки и введения в стране новой экономической политики [13].

После заключения Брестского мира 3 марта 1918 г. в Царицын под натиском немцев откатывались с Украины многочисленные красногвардейские формирования. По дороге к Царицыну их расформировывали и перетасовывали, чтобы разрушить партизанскую спайку между бойцами. Те бойцы, которые хотели служить со своими командирами, считались неблагонадежными, потому что не были готовы служить именно большевистскому руководству. Самые решительные отряды пробивались через кордоны красных, пытавшиеся их разоружить, доходили до самого Царицына, где искали правды, пытались остаться со своими однополчанами и командирами [12].

На пути их следования было организовано три фильтрационных пункта: в Котельниково, Сарепте и на пригородных станциях Царицына. Анархисты разместились в Зацарицынской части города и в х. Ельшанка. Анархисты не были единой силой. На путях Владикавказского вокзала стояли эшелоны анархиста Петренко, на станции Ельшанка квартировали «какие-то путешествующие анархисты». В самом Царицыне и Сарепте проживало много пришлых «неучтенных» анархистов [14].

Отряд Петренко планировал через Царицын отправиться воевать против контрреволюции генералов Дутова – Колчака. Но власти Царицына приказали разоружить его еще в пути, до Царицына. Отряд Петренко не подчинился этому приказу и, разбив высланные против него красные части, подошел к Царицыну в надежде выяснить недоразумение, тормозящее его передвижение вперед, и поехать далее. Однако власти во главе с Мининым и Гулаком решили разоружить отряд во что бы то ни стало [6, с. 105].

Анархисты пришли в Царицын в количестве больше тысячи человек. Анархисты, наряду с некоторыми революционными выступлениями, повсюду вносили свою идеологию анархии, мародеры же в корне подрывали Советскую власть. Эти две причины побудили Царицынский военный комиссариат приступить к разоружению отряда анархистов. После трехдневных переговоров анархисты сдали оружие, у них были отняты оружие и броневые машины [7].

24 апреля власти города направили в Ельшанку небольшой эшелон с батальоном Царицынского Совета. По пути следования отряду нужно было миновать «петренковскую» зону влияния. 25 апреля орудие батальона, заряженное картечью, уже было направлено в сторону станции Ельшанка. Агитаторы из комендантской команды созвали ничего не подозревающих анархистов на митинг [14].

Синюков вспоминал: «6:00. Батарея петренковцев делает первый выстрел. Картечь разрывает над крышей Совета. Поступает приказ “Огонь!” Артиллерия разносит в щепки штабной вагон Петренко. Пехота наступает на лесопильные заводы. Полдень. Взят Владикавказский вокзал. Артиллерия Петренко отступила в Ельшанку. Петренко схвачен кавалерией в Карповке и препровожден в городскую тюрьму» [14].

Нестор Махно вспоминал разговоры бойцов отряда: «такое отношение революционных властей было крайне обидным. Мы взяли в руки оружие и боремся за революционные цели тружеников. И нам казалось, что мы имели право ехать по революционной стране, не складывая оружия» [6, с. 112–113].

Организованные силы анархистов в Царицыне были разбиты, хотя анархисты еще оставались в Царицыне. Много их уже служило в красноармейских частях, революционный порыв анархистов

в Царицыне угас под властью большевиков. В городе власть была в руках целиком у коммунистов [6, с. 115–116].

Таким образом, можно прийти к выводу, что, несмотря на активное политическое противостояние между большевиками, анархистами, меньшевиками и эсерами, большевики склонили на свою сторону большинство населения Царицына, на которое они впоследствии опирались при установлении новой власти в городе. Хотя в дальнейшем и была активная политическая борьба за власть, Советская власть в Царицыне изначально была установлена мирным путем.

Литература

1. В дни двоевластия [Электронный ресурс] // История Волгограда. 1589–2005. URL: http://www.volgograd-history.ru/history/tsaritsyn/article_015.html (дата обращения: 04.04.2018).
2. Головкин Г.М. Оружием слова. (Агитационно-пропагандистская работа царицынских большевиков накануне Октября). Историко-краеведческие записки. Вып. 4. Волгоград, 1977. [Электронный ресурс]. URL: <http://Annales.info/rus/ussr/golovkin.htm> (дата обращения: 01.04.2018).
3. Гомулов В. Как создавалась «Борьба» [Электронный ресурс] // Волгоградская правда. URL: <http://vpravda.ru/obshchestvo/kak-sozdavalas-borba-39624> (дата обращения: 01.04.2018).
4. Журбина Н. В Царицыне в 1917 большевики взяли власть без крови и раньше, чем в столице [Электронный ресурс] // Новости Волгограда. URL: <https://novostivolgograda.ru/interview/31-10-2017/v-tsaritsyne-v-1917-bolsheviki-vzyali-vlast-bez-krovi-i-ranshe-chem-v-stolitse> (дата обращения: 10.04.2018).
5. История Волгоградской земли от древнейших времен до современности: учеб. пособие / А.С. Скрипкин, А.В. Луночкин, И.И. Курилл. 2-е изд. М.: Планета, 2013.
6. Махно Н.И. Воспоминания / под ред. С.С. Волка. М.: Республика, 1992.
7. Мятаж анархистов в Царицыне [Электронный ресурс] // Отчет военного комиссара Царицынского Совета. URL: <http://voencomuezd.livejournal.com/1210333.html> (дата обращения: 22.03.2018).
8. После реформы 1861 года [Электронный ресурс] // История Волгограда. 1589–2005. URL: http://www.volgograd-history.ru/history/tsaritsyn/article_010.html (дата обращения: 04.04.2018).
9. Советская власть победила [Электронный ресурс] // История Волгограда. 1589–2005. URL: http://www.volgograd-history.ru/history/tsaritsyn/article_016.html (дата обращения: 04.04.2018).
10. Томарев В.И., Роговицкий В.И. Волгоград: хроника истории, 1589–1989. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988.
11. Шкода Р. Как менялась численность населения Царицына-Волгограда [Электронный ресурс] // Царицын.РФ: Информац. портал. URL: <http://царицын.рф/article/articlestsaritsyn/558-kak-menyalas-chislennost-naseleniya-caricyna-volgograda.html> (дата обращения: 21.03.2018).
12. Шубин А.В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Российской революции. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.makhno.ru/lit/book15.php> (дата обращения: 22.03.2018).
13. Яценко В.Г. Борьба партии социалистов-революционеров против большевиков в Царицынской губернии (1918–1922) [Электронный ресурс] // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года: история, идея, традиции демократического социализма и судьбы участников левого сопротивления большевистскому режиму. URL: <http://socialist.memo.ru/books/html/yashenko01.htm#y1> (дата обращения: 22.03.2018).
14. Яценко В.Г. Разгром анархистов в Царицыне (апрель 1918 г.) [Электронный ресурс] // А-PESNI: песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-razgromvcar.php> (дата обращения: 22.03.2018).

**ALEXANDER ZHITENEV,
ELENA BOLOTOVA**

Volgograd State Socio-Pedagogical University

SOCIAL AND POLITICAL MOVEMENTS IN TSARITSYN IN 1917-1918

The article deals with the activities of social and political movements in Tsaritsyn in 1917-1918. The characteristics of the Tsaritsyn population by 1917 is presented. The activities of the Bolsheviks, the Mensheviks, the Socialist-Revolutionaries and anarchists are singled out.

Key words: *Tsaritsyn, the Bolsheviks, the Mensheviks, the Socialists-Revolutionaries, anarchists.*

УДК 94(470)

К.В. ЗАХАРОВ

(kirzakharov95@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕАТРОВ ВОЛГОГРАДА В 1990-Е ГГ.
(на примере Нового экспериментального театра)***

Характеризуется материально-техническое состояние Нового экспериментального театра. Раскрывается значение слова «экспериментальный» в названии театра и анализируются факторы, повлиявшие на благополучное состояние театра. Подчеркивается важная роль руководства театра.

Ключевые слова: краеведение, Волгоград, культура, учреждения культуры, театр, Новый Экспериментальный театр, культурная политика государства.

В конце 1980-х гг. крупнейший и известнейший театр Волгограда – драматический театр им. М. Горького, был закрыт из-за конфликтов внутри театра, а труппа театра расформирована. Часть актеров создала свой творческий коллектив «Эккуль», который, однако, просуществовал недолго. Отдельные артисты, например, Зинаида Гурова начала сольное творчество, основав «Театр одного актера», но большинство актеров ждало реорганизации театра и включения в труппу нового учреждения культуры [1].

Такое учреждение было создано. В Приказе Министерства культуры РСФСР № 371 от 13.09.88 г. «О создании в г. Волгограде Нового Экспериментального театра» указывалось: «По согласованию с Союзом театральных деятелей РСФСР в целях дальнейшего развития принципов экономического стимулирования хозяйственной деятельности театров и экспериментальной проверки новой модели театра, формируемого на условиях срочного трудового договора», в Волгограде создается «Новый Экспериментальный театр» (НЭТ). Нормативно-правовой акт обязывал Главное управление театров совместно с Управлением культуры Волгоградского облисполкома «оказать новому коллективу необходимую организационно-творческую помощь в процессе формирования труппы и административно-технического персонала». Также «Главному управлению производства и комплектации специализированного оборудования для учреждений культуры и кино оказать в течение 1988–1989 гг. практическую помощь Волгоградскому Новому экспериментальному театру в приобретении необходимой звукотехнической аппаратуры, светотехнического и светорегулирующего оборудования согласно заявкам Волгоградского областного управления культуры» [5].

Отдельной строкой в документе было прописано: «Руководству театра при формировании творческого состава использовать нормы трудового законодательства, предусматривающие заключение срочного трудового договора» [Там же]. Этот факт еще раз указывает на то, что слово «экспериментальный» в названии было связано именно с апробацией функционирования новой модели театра.

НЭТ был размещен в том же здании, в котором располагался драматический театр им. М. Горького. Это здание было построено в 1915 г. и называлось «Дом науки и искусств». Во время Сталинградской битвы здание театра значительно пострадало, было восстановлено в современном виде в 1952 г. Стоит отметить, что такое расположение театра также сыграло большую роль в успешной его деятельности.

Первым и бессменным художественным руководителем Нового экспериментального театра является Мириан (Отар) Иванович Джангишерашвили [4]. Он привез с собой в Волгоград плеяду актеров из г. Горького, где он работал ранее, таким образом, основная часть труппы Волгоградского драмтеатра не получила работу в новом театре.

Театр открылся 17 ноября 1989 г. спектаклем «Ромео и Джульетта» по пьесе У. Шекспира и начал собирать полные залы уже с первой премьеры. Главный администратор театра Андрей Гуревичев

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

отмечал, что самый большой ажиотаж был в театре в дни премьерных спектаклей: «Были случаи, когда зрители кидали деньги пачками, привозили ящики вина и коньяка. Однажды привезли даже ящик сырых кур! Иногда в зал столько народу набивается, что нет никакой возможности всех рассадить, от того начало спектакля приходится откладывать. “Фигаро”, например, на 30 минут задержали» [3, с. 2]. Кассир театра Лариса Беликина рассказывала, что ей иногда за билеты валюту предлагали, часто приезжали из Москвы, Риги, Ташкента, Магадана и других городов.

Отметим, что приказ о содействии НЭТу в оснащении театра самыми современными техническими средствами был выполнен, несмотря на общую кризисную ситуацию в социально-экономической сфере. Так, в результате заявки Волгоградского областного управления культуры в театре появилась осветительная аппаратура из Австрии «Ludwig Pani», которую сделали для театра по спецзаказу. С ее помощью на сцене изображались облака, звезды, деревья, дымовые завесы и другие эффекты [3, с. 6]. В центре зала висела 1500-килограммовая люстра из хрусталя, а все 554 места в зрительном зале были обиты красным бархатом. При строительстве фонтана для спектакля «Ромео и Джульетта» привлекались специалисты нескольких сфер, причем НЭТ был способен платить за проект, даже если его не удалось бы воплотить в жизнь [Там же, с. 6].

Такие ресурсы позволяли театру выпускать обилие красивых, интересных и сложных спектаклей. В 90-е годы НЭТ выпустил следующие премьеры: «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Мужчина и женщина» С. Злотникова; «Самоубийца» Н. Эрдмана; «Госпожа Министрша» Б. Нушича; «Иллюзии Дон Жуана» Ж.Б. Мольера; «Женитьба Фигаро» П. де Бомарше; «Маскарад» М.Ю. Лермонтова; «Горячее сердце» А.Н. Островского; «Кин IV» Г. Горина; «Укрощение строптивой» У. Шекспира; «Блэз» М. Клода; «Чума на оба ваши дома» Г. Горина; «Женихи» Н.В. Гоголя. Два спектакля в театре были поставлены американскими режиссерами: «Трамвай “Желание”» по пьесе Т. Уильямса в постановке Жозефины Аббади, а также «Вид с моста» А. Миллера в режиссуре художественного руководителя театра г. Челтенхэма Кена Марини [2].

Актриса Нового экспериментального театра в 1992–1994 гг. Вероника Куксова вспоминает: «Репетировали с Кеном Марини в течение месяца. Постоянно на площадке находился переводчик. Работать было легко, несмотря на языковой барьер, потому что язык театра – международный. Спектакль получился более драматическим, чем те, которые уже были в репертуаре театра. В нем не было песен, танцев. Возможно, именно поэтому он довольно быстро и был снят с репертуара НЭТа».

Действительно, «Вид с моста» выделялся из череды комедий и «пьес с добавлением актуального текста», которые любил делать Отар Иванович Джангишерашвили [6, л. 2–6]. Многие зрители, особенно молодые, с удовольствием воспринимали эксперименты труппы театра: Елена (21 год, предприниматель): «Театр зрелищный, яркий, интересный»; Екатерина (29 лет, медсестра): «Друзья наконец вытащили меня в НЭТ на “Женитьбу Фигаро”, я в восторге! Теперь буду ходить в этот театр регулярно»; Ольга (17 лет, школьница): «Для меня НЭТ прежде всего – это классные актеры. Я стараюсь не пропускать ни одного спектакля!»; Инна Михайловна (43 года, учитель): «Сильное впечатление произвели костюмы, они яркие, красивые, дорогие»; Иван Петрович (40 лет, инженер): «Нашему городу несказанно повезло, у нас есть театр Мастера. В Москве есть театр Любимова, театр Ефремова, театр Захарова. А в Волгограде – авторский театр Отара Ивановича». Однако были и другие отзывы: Наталья Михайловна (57 лет, пенсионерка): «Я пенсионерка, часто хожу в Экспериментальный театр и вижу много людей моего возраста, сам театр я люблю, но людям моего поколения трудно воспринимать некоторые вещи»; Ирина Кирилова (37 лет, учитель): «Не скажу, что все происходящее на сцене мне по душе, я поклонница иного, более традиционного театра. Некоторые актеры и сцены мне нравятся, но в целом я зритель другого театра»; Елена Луковцева (46 лет, библиотекарь): «Я ценю творческие поиски театра, считаю даже, что не все они остаются понятыми нашими зрителями, настолько они многомерны. Однако наряду с удачами в театре, есть и спектакли, которые мне не нравятся» [3, с. 14–16].

Стоит отдать должное управленческому таланту Мириана (Отара) Ивановича Джангишерашвили. Он изменил значение слова «экспериментальный» применительно к своему театру. Зрители нача-

ли воспринимать его относительно репертуара, а не сопоставлять с моделью функционирования театра, что также привело к увеличению зрительского интереса к постановкам.

Но были и другие факторы, которые привели к тому, что НЭТ стал самым богатым и успешным, с экономической точки зрения, театром Волгограда:

1. Красивейшее здание в центре Волгограда, располагающееся недалеко от железнодорожного вокзала «Волгоград-1», мимо которого не пройдет ни один гость города. Система трансфера после спектакля для зрителей из далеких районов Волгограда до их дома делала НЭТ приоритетным местом для проведения досуга горожанами. Часть площади своего прекрасного здания НЭТ сдавал в аренду. Именно в НЭТе в 90-е годы открылся первый ночной клуб «Ночной Париж». Заведения такого рода были в новинку в Волгограде, следовательно, в клубе постоянно был аншлаг, что было выгодно и Новому экспериментальному театру.

2. Хорошие отношения с администрацией области. Губернатор И.П. Шабунин, возглавлявший Волгоградскую область с 1991 по 1997 г., оказывал всяческую поддержку НЭТу.

3. Широкая спонсорская поддержка. НЭТу оказывали материальную помощь несколько довольно крупных компаний: фирма «Графика», магазин-салон цветы «Неджера», акционерное общество закрытого типа Российско-Британская компания «Воллонд», производственная коммерческая фирма «Помощь». С 1993 г. генеральным спонсором театра становится инвестиционная компания «Хопёр-инвест». Реклама этих организаций была размещена на афишах и программках НЭТа в 90-е годы.

4. Роскошное оформление спектаклей. В спектакле «Ромео и Джульетта» на сцене находится настоящий фонтан в 198 струй, который, по словам заместителя директора театра Николая Плахова, не имел на тот момент аналогов в мире: «В Мулен Руж вода бьет со сцены, но там всего несколько невысоких струй, опоясывающих сцену по периметру. В Голливуде есть фонтан в 224 струи, но он находится на открытой сцене». В спектакле «Маскарад» актеры играют на фоне настоящего водопада, а во время постановки «Женитьба Фигаро» главный герой выкатывается в ванной по рельсам на сцену. Что касается костюмов, то в театре было поставлено большое количество спектаклей, которые должны были погрузить зрителя в другие эпохи. Для этого нужны соответствующие костюмы, так костюмы для спектаклей «Блэз» и «Дон Жуан» шились в Санкт-Петербурге, а наряды для «Маскарада» делались в цехах Большого Театра [3, с. 6–8].

5. Работа со зрителями. В театре в 1994 г. работало 160 человек, 25 из которых были актеры. В штате театра была целая служба по работе со зрителями, работников в которую набирали на конкурсной основе. Сергей Гуревичев, главный администратор театра по работе со зрителем, регулярно ездил в столичные театры набираться опыта работы со зрителями и отмечал, что даже малейшее пренебрежение к публике со стороны работников театра может испортить впечатление от просмотра самого высококлассного спектакля [Там же, с. 2].

6. Грамотная гастрольная политика. Летом 1990 г. Новый Экспериментальный театр отправился на фестиваль экспериментальных театров в Италию, где собирались сыграть «Самоубийцу» на итальянском языке. В 1991 г. на сцене НЭТа прошел Международный театральный фестиваль, который чуть было не сорвался из-за путча, в следствии которого часть приглашенных театров отказались приехать. Но, тем не менее, фестиваль состоялся с участием коллективов из Кливленда (США), Кёльна (Германия), Ковентри (Англия), Флоренции (Италия), Порт-Саида (Египет), Торонто (Канада), Сухуми (Грузия). В результате труппа НЭТа получила приглашение на гастроли от зарубежных театров. В ходе международных поездок актеры сыграли спектакли «Мужчина и женщина», «Самоубийца». Труппа познакомила публику Германии и США с достижениями молодого Волгоградского театра [6, л. 6]. Причем американская публика была щедра на аплодисменты и подарки в валюте [3, с. 12].

7. Успешная реклама. О НЭТе знали по всей России, об этом свидетельствуют следующие факты: И. Голосовский, В. Захаров и В. Куксова, выпускники Воронежского государственного института искусств 1992 г., увидев во всероссийском журнале о культуре статью про набор в волгоградский театр, сразу же приехали на просмотр, однако взята в труппу была только Вероника Куксова; в волгоград-

ском театре постоянно работали сценографы, балетмейстеры и дизайнеры ведущих московских театров [3, с. 11]. Также отзывы зрителей москвичей, которые «слышали, что у вас есть интересный театр, который даже у нас в Москве наделал много шума» [Там же, с. 16].

Таким образом, совокупность вышеизложенных факторов и управленческий талант его художественного руководителя привели к успеху Нового Экспериментального театра в 90-е годы. НЭТ является коммерчески успешным театром и сегодня. Другим театрам Волгограда повезло с управленцами в меньшей степени, поэтому только Новый Экспериментальный театр не находился в состоянии кризиса, когда все остальные учреждения культуры Волгограда ощущали его в полной мере.

Литература

1. Захаров К.В. Деятельность театров г. Волгограда в 1990–1995 гг. (на материалах периодической печати и ЦДНИ-ВО) [Электронный ресурс] // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2016. № 4(08). С. 71–75. URL: <http://strizh-vspu.ru/jurnal/26> (дата обращения: 01.05.18).
2. Захаров К.В. Репертуарная политика театров г. Волгограда в новых исторических условиях последнего десятилетия XX в. // Платоновские чтения: материалы и доклады XXII Всерос. конф. молодых историков (Самара, 9–10 декабря 2016 г.). Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 149–151.
3. Мы. Пятый театальный сезон: 1993–1994 гг. / Волгоградское арендное полиграфическое производственное предприятие «Офсет». Волгоград, 1993.
4. Приказ Комитета по культуре Администрации Волгоградской области № 01-12/040а от 28.03.2000 г. «О назначении художественного руководителя ГУК “Волгоградский государственный Новый экспериментальный театр”» [Электронный ресурс] // Новый экспериментальный театр. URL: <http://net-volgograd.ru/images/Net/Docs/2.rukovod.pdf> (дата обращения: 01.05.18).
5. Приказ Министерства культуры РСФСР № 371 от 13.09.88 г. «О создании в г. Волгограде Нового экспериментального театра» [Электронный ресурс] // Новый экспериментальный театр. URL: <http://net-volgograd.ru/images/Net/Docs/1.create.pdf> (дата обращения: 01.05.18).
6. Творческий обзор работы театров г. Волгограда в театальный сезон за 1991–1992 гг. // ЦДНИВО. Ф.Р.-6791. Оп. 1. Д. 388.

KIRILL ZAKHAROV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

MATERIAL AND TECHNICAL POSITION OF VOLGOGRAD THEATRES IN 1990S (based on the new experimental theatre)

The article deals with the characteristics of material and technical position of the New Experimental theatre. The meaning of the word «experimental» in the theatre name is revealed and the factors influenced on theatre well-being are analyzed. The important theatre role is underlined.

Key words: *local history, Volgograd, culture, cultural institutions, theatre, the New Experimental theatre, cultural state politics.*

УДК 94

А.В. ИВАНОВ

(ivanov-kamenka2013@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И КИТАЕМ*

Рассматривается процесс установления дипломатических отношений СССР с Китаем. Выявляются позиции сторон в данном процессе, а также их дипломатические мероприятия.

Ключевые слова: КВЖД, дипломатия, СССР, Китай.

Российско-китайские отношения являются важной составляющей современной системы международных отношений. В настоящий период в развитии российско-китайских отношений возрастает интерес к их прошлому. Современные подходы к исследованию данной проблемы позволяют по-новому подойти к поставленному вопросу без каких-либо идеологических рамок.

Проблема контактов СССР с Китаем является предметом изучения целого ряда отечественных исследователей. Первые шаги в исследовании становления отношений СССР с Китаем предпринимаются в советской историографии с 1950-х годов. В 1951 г. издаётся коллективный труд под редакцией Е.М. Жукова «Международные отношения на Дальнем Востоке. 1870–1945 гг.», в котором был представлен обзор важнейших событий на Дальнем Востоке в довоенный период. Анализировались также аспекты международной дипломатии в регионе, влияние внутривосточных процессов на характер советско-китайских отношений в 1920-е годы [5]. На проблему иностранного вмешательства в переговорный процесс указал М.С. Капица в своём исследовании «Советско-китайские отношения». В частности, автор подчеркивал, что под влиянием Франции и других держав китайское правительство срывало переговоры [4].

В 1970–1980-е гг. продолжились исследования, посвящённые проблеме советско-китайских отношений. В 1973 г. опубликована коллективная монография «Международные отношения на Дальнем Востоке. 1917–1945 гг.», в которой рассматривались позиции ведущих держав на Дальнем Востоке, характеризовались позиции СССР и Китая по спорным вопросам [6]. Следует отметить и работу Е.П. Бажанова «Советско-китайские отношения: уроки прошлого и современность», в которой на основе документального материала прослеживались взаимоотношения между СССР и Китаем с 1920-х годов [1]. В 1989 г. публикуется коллективный труд под редакцией Б.Г. Сапожникова «История Северо-Восточного Китая. XVII–XX вв.», где рассматриваются аспекты дипломатического, экономического взаимодействия СССР и Китая в 1920-е годы [3].

В постсоветский период предпринимались попытки создать обобщающие труды по данной проблематике [2].

Наше исследование посвящено изучению аспектов проблемы начального этапа установления отношений между СССР и Китаем, выяснению позиций сторон в дипломатическом взаимодействии.

Установление дипломатических отношений между указанными государствами представляло сложный процесс. Определённую роль сыграли внутривосточные процессы.

Революционные события в 1917 г. привели к распаду Российской империи и образованию Советской России.

Напряжённая ситуация складывалась и в Китае. После окончания Первой мировой войны в стране отсутствовало политическое единство. Это проявилось в существовании двух правительств (Северного в Пекине и Южного в Гуанчжоу), опиравшихся на милитаристские группировки. Ситуация обострялась тем, что как первое, так и второе правительство не отличались политической стабильностью.

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

С точки зрения норм международного права именно северное правительство, признанное мировым сообществом, считалось легитимным представителем Китая на международной арене. Китайский посланник в Петрограде представлял именно пекинское правительство, а какие-либо каналы связи у большевиков с южным правительством отсутствовали. В связи с чем, вполне естественным выглядело решение советского руководства предпринять попытку установить связь с Пекином через китайского посланника в России [8].

Уже в ноябре 1917 г. Народный комиссариат иностранных дел начал переговоры с китайским посланником Лю Цзинжэнем. В ходе переговоров советское правительство объявило об отказе от договоров, нарушающих суверенные права Китая. Было предложено денонсировать русско-китайский договор 1896 г. и серию русско-японских соглашений 1907–1916 гг., определяющих раздел сфер влияний в Китае, а также вернуть всё то, что было захвачено царской Россией [2].

Однако вследствие неопределённости международного статуса Советской России официальный Пекин предпочитал сотрудничать с бывшей миссией царского правительства под руководством князя Н.А. Кудашева.

В начавшейся Гражданской войне в России правительство Северного Китая заняло враждебную позицию по отношению к большевикам. В декабре 1917 г. китайские власти распорядились о ликвидации Харбинского совета, получавшего инструкции из Москвы, а весной 1918 г. китайские войска приняли участие в установлении контроля над российским Дальним Востоком вместе со странами Антанты. В этой ситуации советское руководство все больше склонялось к мысли о том, что союзников следует искать не на Севере, а на Юге Китая. Но оно не стало полностью отказываться и от контактов с Пекином, осознавая необходимость в ликвидации международной изоляции советской власти [8].

В июле 1918 г. новый нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин изложил позицию РСФСР в отношении Китая. В основу политики были положены принципы равенства и добрососедства [7]. Через год советское правительство выступило с «Обращением Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая», в котором говорилось об отказе от российской доли «боксёрской» контрибуции, особых привилегий российских предпринимателей в Китае, а также прав экстерриториальности российских подданных. В «Обращении Правительства РСФСР к Правительству Китайской Республики» в сентябре 1920 г. было предложено установить регулярные торгово-экономические отношения, предпринять меры для открытия дипломатических и консульских представительств [8].

После окончания Гражданской войны в России позиция Северного Китая меняется. В Москву была направлена китайская делегация, царская дипломатическая миссия в Китае была лишена дипломатических привилегий. При посредничестве Дальневосточной республики (ДВР) началось развитие контактов. Уже в августе 1920 г. в Пекин была отправлена миссия первоначально во главе с дипломатическим представителем ДВР А.Ф. Агаревым, а затем И.Л. Юриным. Они подготовили основу для дальнейших дипломатических контактов [Там же].

Однако юридическое оформление отношений затянулось на длительный срок. Среди препятствующих факторов можно выделить внешние и внутренние. Внешний заключался в намерении правительства Северного Китая следовать политике Запада по отношению к Советской России. Также неоднозначность внешнеполитических действий РСФСР по отношению к Внешней Монголии раздражала китайскую сторону. Среди внутренних факторов можно назвать раздробленность страны, нерешённость вопроса о Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

В августе 1923 г. советское правительство направило в Китай очередную миссию во главе с заместителем наркома по иностранным делам Л.М. Караханом, отвечавшим за восточное направление советской внешней политики. Основная задача, поставленная перед миссией, состояла в установлении дипломатических отношений между двумя государствами и заключении договора, который устранил бы противоречия между Советской Россией и Китаем. К числу вопросов, требовавших обсуждения, от-

носились такие проблемы, как пребывание советских войск на территории Внешней Монголии, будущее российской доли «боксёрской» контрибуции, а также статус КВЖД [8].

Китайскую сторону представлял дипломатический чиновник Ван Чжэнтин и министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь. В феврале 1924 г. начались обсуждения сторон и уже к марту был готов проект соглашения. Но вскоре пекинское правительство неожиданно заявило, что Ван Чжэнтин не имел права подписывать документы. Новым главой делегации был назначен сам министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь, кроме того в проект соглашения был внесен ряд новых пунктов.

Изменение позиции Пекина объяснялось давлением со стороны западных держав и Японии, которые хотели помешать передаче КВЖД в руки России. Советская делегация отказывалась обсуждать внесение в соглашение каких-либо изменений, утверждая, что переговоры завершились и все необходимые документы уже подписаны. Переговоры возобновились лишь в самом конце мая и проходили по просьбе китайской стороны в конфиденциальной обстановке для того, чтобы не привлекать излишнего внимания иностранных держав.

31 мая 1924 г. было подписано советской и китайской сторонами «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». В соответствии с этим соглашением, Советский Союз и Китай восстанавливали дипломатические отношения, урегулировался вопрос относительно принадлежавшей ранее царскому правительству недвижимости. Все соглашения, которые были заключены ранее между царской Россией и Китаем, аннулировались. Сторонам следовало заменить их в последующее время новыми соглашениями на основе равенства, взаимности и справедливости. СССР признавал, что Внешняя Монголия является составной частью Китая. Было зафиксировано, что вопросы вывода советских войск из указанной территории следует обсуждать на специально созванной конференции. Отдельная статья в соглашении была посвящена статусу КВЖД. КВЖД была определена как чисто коммерческое предприятие. Были признаны права китайских органов судебной и гражданской власти, муниципального управления на всей территории за исключением той, которая использовалась непосредственно под железную дорогу. Вводилось также временное управление, права и полномочия которого оговаривались в «Соглашении о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой» [8].

Таким образом, советско-китайские соглашения 1924 г. в целом учитывали интересы обоих государств. Советский Союз восстанавливал свои имущественные права на КВЖД и политическое влияние в Северной Маньчжурии, а Китай впервые добился добровольного отказа от прав и привилегий, нарушавших его суверенитет. Эти договорённости стали прецедентом, к которому в будущем постоянно обращалась китайская дипломатия, требуя установления равноправных отношений и отмены привилегий, которыми продолжали пользоваться западные державы. Начальный этап становления советско-китайских отношений был вполне успешным и заложил основы взаимовыгодных паритетных дипломатических и экономических отношений.

Литература

1. Бажанов Е.П. Советско-китайские отношения: уроки прошлого и современность // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 3–25.
2. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
3. Документы по внешней политике СССР. М.: Международные отношения, 1958. Т. 2.
4. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. / Сапожников Б.Г., Соловьев Ф.В., Белоглазов Г.П. и др. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1989.
5. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М.: Госполитиздат, 1958.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке 1870–1945 гг. / под ред. Е.М. Жукова. М.: Госполитиздат, 1951.
7. Международные отношения на Дальнем Востоке 1917–1945 гг. / под ред. Е.М. Жукова. М.: Мысль, 1973.
8. Мировицкая Р.Л. Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-rannih-rossiysko-kitayskih-otnosheniy-20-e-gody-hh-veka> (дата обращения: 15.02.18).
9. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013.

ALEXEY IVANOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN
THE SOVIET UNION AND CHINA**

The article deals with the establishment of diplomatic relations between the Soviet Union and China. The positions of the parties in the process and their diplomatic actions are revealed.

Key words: *Chinese Eastern Railway, diplomacy, the Soviet Union, China.*

УДК 94

И.А. КАРТАШОВ

(kartashovline@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РАЗВИТИЕ АЛЯСКИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.*

*Раскрывается характер развития Русской Америки и деятельность Российско-Американской компании (РАК).
Дается анализ широкого круга проблем Русской Америки исследуемого периода (конец XVIII – середина XIX в.).*

Ключевые слова: *Российско-Американская компания, Аляска, Русская Америка, колонизация, монополия, устав, пушной промысел.*

Образование Российско-Американской компании стало особым событием в российской истории и важным шагом на пути дальнейшего освоения территорий Аляски и Алеутских островов. Если до этого момента оно осуществлялось силами исключительно русских промышленников, у которых подчас не было необходимых ресурсов, то теперь им на смену пришла достаточно крупная монополистическая компания, которая осуществляла централизованное руководство процессом освоения земель в Русской Америке. С одной стороны это дало существенный толчок к процессу ее колонизации и, в этом отношении, в начале XIX в. был сделан значительный шаг вперед. С другой, была заложена неэффективная модель развития региона, результаты которой в последующем стали одним из оснований для правительства Российской империи продать Русскую Америку.

Сергей Соловьев, говоря практически обо всей истории России в целом, представляет освоение географического пространства не как гегемониальный процесс, а как мирную инфильтрацию населения из центра на окраины [6, с. 15]. Если в основной массе случаев колонизация осуществляется за счет заокеанских территорий и предполагает некоторое условное разделение метрополии и колоний, то в российском варианте она проводится на континенте и выражается во включении присоединенных территорий в состав империи. Своеобразным исключением из этого правила является именно Аляска – колония Российской империи в северо-западной части Северной Америки.

География колонизации определялась двумя ключевыми причинами. Первая причина экономического характера: осуществляемый русскими купцами пушной промысел год от года давал все больше прибыли. И, соответственно, правительство было заинтересовано в дальнейшем развитии торговли. Но помимо соображений экономических, правительство российской империи учитывало и соображения политические. Аляска граничила с американскими владениями Британии, которая в рассматриваемый период была не только торговым партнером, но и геополитическим соперником. Исходя из этого, развитие Русской Америки было одним из средств оказания давления на Британию. В связи с тем, что главным источником дохода Российско-Американской компании и всей Аляски в целом был морской промысел, географически российская колонизация имела преимущественно прибрежный характер [7, с. 70].

Расширение границ Русской Америки фактически было остановлено подписанием русско-американского и русско-английского соглашений. Тем не менее, общая площадь колонии на момент продажи составляла 1 млн 518 тыс. кв. км. Чтобы не только удерживать, но и эффективно развивать достаточно внушительную по размерам и удаленную от материковой России территорию, требовалось большое количество населения. Именно в этом отношении возникала одна из главных проблем русской колонизации Аляски, которая была связана с низкой плотностью русскоязычного населения. На протяжении всей истории Русской Америки эта проблема так и не была решена. Автохтонное население по численности почти в 10 раз превосходило русское. В частности, в столице Русской Америки – Новоархангель-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ске, на момент ее основания, в 1808 г., проживало более 2000 местных и около 200 русских. Несмотря на то, что со временем эта численность менялась, в целом тенденция оставалась прежней.

Алеутские острова и Аляска имели достаточно пестрый национальный состав из множества племен, которые могли существенно отличаться между собой в культурном отношении и в организации хозяйственной деятельности. При этом все эти племена имели достаточно сложную систему взаимоотношений друг с другом, которая включала племенные союзы, торговлю и войны между различными племенами. На первом этапе колонизации, на который приходится вторая половина XVIII и начало XIX в. для русских колонизаторов была характерна достаточно жесткая политика в отношении местного населения. Несмотря на то, что местные власти издавали предписания о гуманном обращении с местным населением, они, зачастую, не соблюдались, т. к. отсутствовала эффективная система контроля исполнения данных предписаний. В связи с чем, на данном этапе в отношениях с местным населением активно использовалась практика принудительного труда, а также насильственного отъема материальных ценностей. Это закономерно приводило к вооруженным выступлениям со стороны местного населения. Так, в одном из исследований конца XIX в., посвященном этому периоду истории Аляски, было указано, что с момента первых контактов русских купцов с местными племенами до 1820 г. численность последних сократилась с 74 до 23 тысяч человек. Несмотря на то, что достоверность данных цифр может вызывать сомнения, следует отметить, что в первые десятилетия контактов русских промышленников и местных жителей численность алеутов и эскимосов действительно существенно сократилась, не в последнюю очередь в силу перенесенных инфекционных заболеваний [2, с. 93].

Кроме того, в данный период колонизации Русской Америки русскими промышленниками вырабатывается ряд практик, применяемых в ходе контактов с местным населением. Так, уже в конце XVIII в. русскими купцами вырабатывается еще одна практика, связанная с взаимоотношениями с местным населением. Заключалась она в вербовке алеутов в качестве толмачей с их последующим вывозом на Камчатку, которая в этот период являлась важным торговым пунктом для русских купцов, отправлявшихся к Алеутским островам и берегам Аляски. После прибытия на Камчатку привезенных алеутов, как правило, обращали в православие, обучали русскому языку и в дальнейшем использовали как переводчиков при общении с местными племенами. Они нередко также служили проводниками и даже предупреждали русских о готовящихся нападениях со стороны своих соплеменников. Другой распространенной практикой в таких взаимоотношениях стало использование аманатов – заложников, которыми, как правило, становились сыновья алеутских вождей. После получения таких заложников русские купцы раздавали местным капканы и другие приспособления для ловли пушного зверя. При этом именно племена, предоставлявшие аманатов, как правило, платили ясак, т. е. дань. На первоначальном этапе колонизации для русских купцов было характерно эксплуататорское отношение к местным жителям. Тем не менее, с 1820-х годов политика местных властей в отношении коренного населения претерпевает существенные изменения, которые привели к началу проведения более мягкой и гуманной колонизаторской политики. Такие изменения были связаны с несколькими важными факторами. В первую очередь, стоит отметить, что в этот период значительные изменения произошли внутри руководства Российско-Американской компании. В ее главе в данный период встали морские офицеры, которые были воспитаны в духе идеалов Просвещения, предполагавших следование идеям гуманизма и подразумевавших более мягкое отношение и к туземному населению. Во-вторых, на данный момент уже очевидным стало существенное сокращение численности местного населения, что представляло большую угрозу для хозяйственного развития Русской Америки, а также могло сказаться и на доходах самой Компании. Именно местные жители оставались основной рабочей силой и по своей численности значительно превосходили проживавшее в регионе русское население. Эти факторы не ускользнули от внимания со стороны имперского правительства, и для того, чтобы продлить свои монопольные права на управление регионом на последующие 20 лет, руководство Российско-Американской компании стремилось показать гуманное отношение к туземному населению [7, с. 139].

Не последнюю роль во взаимоотношениях местного и русского населения на данном этапе стали играть и все более распространявшиеся межэтнические браки между русскими промышленниками и туземными женщинами. Российские промышленники часто вступали в связь и заключали браки с представительницами коренного населения: алеутками, кадьякскими эскимосками, редко с тлинкитками. Основной причиной большого количества межэтнических браков стало то, что отправка русских женщин на Аляску была экономически невыгодна. Туземные женщины играли большую роль в культурном обмене, в частности, в бытовой сфере, а также выступали посредниками между колонизаторами и родственниками – аборигенами.

Все вышеперечисленное привело к существенным изменениям в положении местного населения в этот период. В первую очередь оно стало полноправными подданными Российской империи, что, в свою очередь, приводило к уничтожению существовавшей ранее системы патриархального рабства, которая преследовалась на прочих национальных окраинах Российской империи. Кроме того, были отменены и ряд практик во взаимоотношениях с местным населением, существовавших ранее. Так, произошла отмена каюрства – принудительного труда местных жителей на русских промышленников. Вводилась система оказания медицинской помощи местному населению, строительство для него школ, а также создание продуктовых страховых фондов, которые были ориентированы в первую очередь на помощь нетрудоспособной части местного населения. Эти перемены оказали огромное влияние на уклад жизни алеутов и кадьякских эскимосов, при этом на уклад жизни племен Внутренней Аляски, т. е., чугачей, тлинкитов и атабасков, они оказали заметно меньшее влияние, что вызвано, прежде всего, характером русской колонизации региона, направленной, в первую очередь, на прибрежную зону. Таким образом, если на начальном этапе отношения с местным населением преимущественно носили характер эксплуатации, то в дальнейшем они стали более равными и гуманными. И не в последнюю очередь это вызвано распространением среди местного населения православия и деятельностью православных миссионеров [2, с. 319].

В 1795 г. императрица Екатерина II отправила на Аляску миссионерскую миссию, состоявшую из священников Валаамского монастыря. Этими монахами были построены не только церковь, но также и детский дом, и школа, предназначенные для местного населения. Кроме того, некоторые миссионеры, в частности, иеромонах Ювеналий, добились значительных успехов и в обращении местного населения в православие. В тоже время, уже на данном этапе начал постепенно назревать конфликт между администрацией Русско-Американской компании и православными миссионерами. Суть данного конфликта состояла в том, что для миссионеров было характерно более гуманное отношение к туземному населению, которое шло вразрез с политикой компании, которая была направлена на жесткую эксплуатацию местного населения.

В тоже время императорское правительство было настроено довольно скептически относительно вопроса о расширении русских владений в Америке. Это вполне может объясняться относительной слабостью российского флота и сухопутных войск на Дальнем Востоке и на севере Тихого океана. Ни у императорского правительства, ни у Российско-Американской компании не было ни сил, ни возможностей бросить вызов британскому, американскому и испанскому влиянию в Северной Америке. Еще одна причина – традиционным центром российской внешней политики оставалась Европа, где в это время продолжались Наполеоновские войны. США, будучи обеспокоены попытками расширения русских владений на северо-западе Америки, начинают активно предлагать российской стороне разграничение сфер влияния в этом регионе и подписание соответствующего договора. Противодействие со стороны США и Мексики вынуждает Российско-Американскую компанию оставить дальнейшее продвижение в Калифорнию. Впрочем, это было вызвано и тем, что, несмотря на все старания руководства компании, содержание Форт-Росса продолжало оставаться убыточным на все протяжении его существования, вплоть до его продажи США в 1841 г. В этот же период из-за активного противодействия со стороны Великобритании останавливается и русская экспансия по направлению к 51-й параллели. Все это вынуждает руководство Российско-Американской компании к подписанию соглаше-

ния о разграничении владений с Великобританией и США. Соглашение между Российской империей и США было подписано 17 апреля 1824 г. и устанавливало линию разграничения русско-американских владений по 54-му градусу северной широты, что привело к тому, что в сферу российского влияния отошла вся территория острова Принца Уэльского. В ст. 4 Конвенции указывалось, что «в продолжении десяти лет, считая со дня подписания сей Конвенции, кораблям обеих держав <...> будет позволено взаимно заходить без малейшего помешательства во все внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находящиеся на берегу, в предыдущей статье обозначенном, для производства там рыбной ловли и торговли с природными той страны жителями». Следующим договором, который определил границы Русской Америки, стал договор с Великобританией, подписанный 28 февраля 1825 г. Согласно данному соглашению, английские купцы, плававшие в русских территориальных водах, получали равные с русскими купцами привилегии [3, с. 32].

Таким образом, уже в этих соглашениях было заложено невыгодное положение русского купечества в Северной Америке, которое было вовлечено в жестокую конкурентную борьбу с английскими и американскими купцами, на невыгодных для себя условиях. В данном случае российское правительство показало, что в случае такой необходимости, оно готово пожертвовать своими интересами в Русской Америке для того, чтобы улучшить отношения с другими государствами и добиться от них уступок в международных вопросах. Такая позиция в дальнейшем также сыграла свою роль в истории Русской Америки.

После подписания соглашений о разграничении владений в Северной Америке с США и Великобританией начинается новый этап в истории Русской Америки и Российско-Американской торговой компании. В этот период происходит существенное ослабление позиций Российско-Американской компании и Российской империи в целом в этом регионе. Следует отметить, что развитие Русской Америки развивалось в общем русле российского колониализма, несмотря на значительную отдаленность данной территории, её размеры и суровый арктический и субарктический климат. Как и непосредственно в России, русские купцы и промышленники сохраняли крепостнический менталитет по отношению к местному населению, что негативно сказывалось на взаимоотношениях с ним. В тоже время само правительство понимало пагубность подобной позиции и стремилось к исправлению сложившейся ситуации, однако, несмотря на это, взаимоотношения русского и туземного населения носили характер некоторой напряженности. Наибольший расцвет Русской Америки можно отнести на начало XIX в. В последующий период наступает упадок Российско-Американской компании, который был вызван активной конкуренцией со стороны английских и американских купцов. Компания-монополист полностью регулировала в своих интересах все сферы жизни Аляски, исполняя политические, социальные и культурные функции. Преобладание политарных экономических отношений в самих колониях обусловило консерватизм, стагнацию производства и низкое качество продукции, что не позволило Русской Америке успешно конкурировать на европейском и американском рынке. К тому же, на огромной территории к 1850-м годам проживало ничтожно малое количество русского населения. Также свою роль сыграло и то, что в этот период Аляска начинает играть все большую роль во внешней политике России на Дальнем Востоке. В этом отношении ей было гораздо проще пожертвовать ради внешнеполитических интересов России в этом регионе. Все эти факторы и сделали продажу Русской Америки неизбежным событием.

Литература

1. Беляков Д.А. Политаризм как один из основных факторов отчуждения Аляски // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politarizm-kak-odin-iz-osnovnyh-faktorov-otchuzhdeniya-alyaski> (дата обращения: 27.01.2018).
2. Гринёв А.В. Российская колонизация Аляски: Её ход, характер и результаты: дис. ... д-р ист. н. Санкт-Петербург, 2000.
3. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1863 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/679538> (дата обращения: 21.09.2017).

4. Дунаева Ю.В., Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи 1804–1867 / пер. с англ. И. Константинова. М.: НЛЮ, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/2016-03-007-vinkovetskiy-i-russkaya-amerika-zaokeanskaya-koloniya-kontinentalnoy-imperii-1804-1867-2-per-s-angl-konstantinov-i-nauch-red> (дата обращения: 28.01.2018).
5. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке: (1799–1871 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2013.
6. Соловьев С.М. 1859–1866. История России с древнейших времен: в 29т. М., 2009. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://myklad.org/5/2/22/istoriya-rossii-s-drevnejshix-vremen-tom-1-29-s-m-solovev-2009-istoricheskaya-doc-ebook.html> (дата обращения: 25.01.2018).
7. Федорова С.Г. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М., 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/explo/fyodorova_sg01/index.html (дата обращения: 25.01.2018).

IGOR KARTASHOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE DEVELOPMENT OF ALASKA IN THE LATE XVIII – MID-XIX CENTURIES

The article deals with the nature of the development of Russian America and the activity of the Russian-American Company (RAC). The analysis of a wide range of Russian America problems in the investigated period (the late XVIII – mid.-XIX centuries) is given.

Key words: *the Russian-American company, Alaska, Russian America, colonization, monopoly, charter, fur trade.*

УДК 902

А.Е. КАРЯКИНА

(*anastasiya.cariakina@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВКЛАД УЧЕНЫХ XVIII В. В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ*

Анализируется вклад ученых XVIII в. в развитие археологической науки в России. Рассматриваются основные работы исследователей XVIII в., описываются методики, которые они применяли для сбора необходимых сведений.

Ключевые слова: *археологическая наука в России, археологические исследования, инструкция по сбору сведений, методическое пособие.*

Оформление археологии в самостоятельную науку в России относится ко второй половине XIX в. Однако начался этот процесс ещё в XVIII в. и был связан с первыми попытками учёных систематизировать археологический материал, зафиксировать приёмы его сбора, обработки и хранения.

Изучение истоков любой науки – актуальное направление исследований. Без понимания данного этапа невозможно комплексное представление о науке в целом, поскольку, зачастую, именно первые шаги определяют весь дальнейший облик научной отрасли. В связи с этим, и обращение к ранним этапам оформления научного археологического знания в России представляется актуальным направлением современной науки. Без изучения процесса зарождения и первых вех в развитии археологической науки не представляется возможным её систематическое изучение.

В XVIII в., по инициативе Петра I, началось планомерное всестороннее изучение памятников древности, что привело к развитию, в дальнейшем, к оформлению археологической науки в самостоятельную отрасль знания в России и к активизации деятельности ученых в данном направлении.

Как отмечал А.С. Уваров, известный русский археолог и один из основателей Московского археологического общества, XVIII в. – период, когда «понятие об археологическом памятнике не было еще вполне разъяснено, а остатки старины шли по разряду редкостей, курьезов» [7, с. 37]. Но особый интерес у него вызывает деятельность и взгляды В.Н. Татищева, в котором он видит ученого, который опередил свое столетие: «Методическое оформление и формирование научного подхода непосредственно связано с именем В.Н. Татищева...» [5, с. 55].

В 1734 г. В.Н. Татищева направили на Урал, где он разработал анкету для сбора сведений по истории и географии края, которая содержала 92 вопроса, но первый опыт анкетирования оказался неудачным. После этого он разработал новую анкету в 1737 г., состоящую из 198 вопросов. На этот раз были составлены описания, зарисовки и чертежи утвари, остатков древних построек, каменных изваяний из ряда разнообразных уездов. Вплоть до 1914 г. метод научного анкетирования входил в арсенал средств русской археологии.

Одна из первых в мире инструкций по сбору сведений об археологических памятниках была составлена В.Н. Татищевым в 1739 г. Она и в наше время сохраняет ряд требований, применимых в археологических исследованиях [1, с. 7].

Позднее, в 1743–1745 гг., Татищевым были развернуты геодезические работы на Кубани, Тереке и Куме по методике, которая ранее была испробована в Сибири и на Урале (в том числе и обследование памятников).

В 1748 г. В.Н. Татищев, подводя итоги своей исследовательской деятельности, писал, что для развития отечественной археологической науки необходимо издание, которое будет методическим руководством по археологии в России.

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

В XVIII в. в Российской империи существовала практика государственного заказа на создание исторических сочинений. Лица, которые занимались разработкой таких трудов, получали звание историографа. Первое официальное назначение на эту должность получил Г.Ф. Миллер. Научный опыт в сфере археологии он начинает приобретать в Великой Камчатской экспедиции, которая продолжалась 10 лет с 1733 по 1743 г. [4]. Помимо разработки новых методов в исследовании источников, составления множества словарей и сбора этнографических данных, он проводил раскопки и описания курганов.

Многочисленный опыт своих исследований Г.Ф. Миллер изложил в инструкции, которая была предназначена для сменившего его в экспедиции И.Э. Фишера. Это методическое пособие носит уникальный характер, потому что опережало многие труды на два века вперед. Инструкция включала в себя данные, найденные Миллером в архивных документах, его практический опыт, а находки он рассматривал как предметы, разъясняющие историю края. Она включает в себя 923 пункта [9, с. 177–198]. Первая часть работы представляет собой постановку целей исследования и методы, которыми должен руководствоваться ученый. В последующих пунктах представлены вопросы, относящиеся к месту изысканий и предметам, которые могут его охарактеризовать [3].

Подводя итог археологическим работам Г.Ф. Миллера, можно отметить мнение исследователя русской истории П.П. Пекарского о том, что он «заслуживает признательность потомства своим собранием материалов для русской истории. Ими пользуются более ста лет, и до сих пор не могут исчерпать всех рукописных богатств, заключающихся в этом собрании» [2].

Одним из последователей Г.Ф. Миллера был историк и археолог И.Э. Фишер, пришедший ему на замену в 1740 г. Пробыв более девяти лет в экспедиции, Фишер возвратился в Санкт-Петербург, проделав немалый объем работы – им было составлено историко-географическое описание его пути от Сургута до Охотска и собран значительный ценный архивный материал. Затем более года Фишером велись работы с различными материалами в Якутске. Однако возвращение было не триумфальным, т. к. многое из задуманного Фишером не было реализовано. Причину назвать достаточно трудно: возможно из-за слабого знания русского языка, возможно из-за своего «неуживчивого характера», т. к. у ученого было множество разногласий с другими академиками [11, с. 22]. Тем не менее, документов и материалов, собранных сибирской экспедиции было немало и их необходимо было переработать. Однако уговорить Миллера и Фишера на совместную работу не удалось.

Опираясь на собранный материал, И.Э. Фишер составил «Историю Сибири» [10] в двух томах, которая явилась сокращенным вариантом трудов Г.Ф. Миллера. В вышедшем издании Фишеру принадлежало лишь помещённое в начале книги предисловие и подробный указатель в конце второй части, вся остальная информация была собрана Г.Ф. Миллером.

П.С. Паллас – знаменитый естествоиспытатель, биолог и геолог XVIII в. Его интересовали также археология и краеведение, которым он уделял большое внимание во время своих экспедиций. Он был направлен в 1768 г. в комплексную экспедицию, подготовленную Академией наук. На протяжении шести лет, с 1768 по 1774 г., группа П.С. Палласа провела значимые исследования экономики, истории и культуры Оренбурга, Урала, Сибири.

Путевой журнал, который он вел, находясь в экспедиции, и множество материалов, легли в основу его труда «Путешествие по разным провинциям Российского Государства» [6]. В своем произведении ученый ссылаясь на достоверность проведенных исследований в путешествии. Еще долгое время книга П.С. Палласа оставалась главным методическим пособием для многих ученых, которые позиционировали себя в разных областях.

«Паллас, Петр Симон, – один из наиболее выдающихся естествоиспытателей всех стран и времён...» – так отмечали ученого в Русском биографическом словаре Половцова [8].

Таким образом, начало формирования археологии, как самостоятельной науки, происходит уже в XVIII в. Труды и методические материалы ученых оставались актуальны и на протяжении XIX в., многие из них были изданы и за пределами России.

Литература

1. Авдусин Д.А. Полевая археология СССР: учеб. пособие для ист. спец. ун-тов. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1980.
2. Ерохина Т.В. Немецкие историки-академики XVIII века в русской науке: оценки с позиций дореволюционной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9(224). Вып. 44. С. 129–136. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-istoriki-akademiki-xviii-veka-v-russkoy-nauke-otsenki-s-pozitsiy-dorevolucionnoy-istoriografii> (дата обращения: 29.03.2018).
3. Из сочинений академика Г. Миллера и И. Гмелина // Сибирские древности: в 2 т. СПб., 1894. Т. 1. Вып. 3. С. 107–114. (Материалы по археологии России, изд. Императорской Археологической комиссией. № 15).
4. Константинов М.В., Константинова Т.А. Герард Миллер: ради изъяснения древней истории // Гуманитарный вектор. Сер.: История, политология. 2012. № 2(30). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gerard-miller-radi-izyasneniya-drevney-istorii> (дата обращения: 29.03.2018).
5. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург ун-та, 1992.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб: Императорская Академия наук, 1773.
7. Платонова Н.И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010.
8. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913.
9. Фермойлен Х.Ф. Герард Фридрих Миллер (1705–1783) и становление этнографии в Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 177–198.
10. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания ее земли российским оружием. СПб.: Императорская Академия наук, 1774.
11. Шулепова Э.А., Каулен М.Е., Сундиева А.А. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов. М.: Этерна, 2010.

ANASTASIYA KARYAKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE CONTRIBUTION OF THE SCIENTISTS OF THE XVIIITH CENTURY TO THE DEVELOPMENT OF ARCHEOLOGY IN RUSSIA

The contribution of the scientists of the XVIIIth century to the development of archeology in Russia is analyzed.

The basic works of the researchers of the XVIIIth century are under consideration.

The methods used to collect the necessary information are described.

Key words: *archeology in Russia, archeological research, instruction of collecting information, methodical manual.*

УДК 94(47)

А.Е. КИЙКОВА

(arina.kiykova.96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ*

Исследуется политика Н. С. Хрущева в сфере сельского хозяйства. Рассматриваются различные точки зрения об эффективности аграрной политики. На основе результатов пленумов делается анализ аграрного курса Советского государства периода 1953–1964 гг. и приводятся официальные данные в процентном соотношении в аграрном секторе.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, пленум, сельское хозяйство, аграрная политика, сверхпрограмма.

Политика Н. С. Хрущева по настоящий день вызывает интерес. Не остается без внимания аграрная политика. Относительно результатов аграрного курса Н.С. Хрущева преобладает мнение о нем, как об исключительно неэффективном. Наиболее наглядно этой точки зрения придерживается И.В. Руссинов в своей статье «Три задачи. Три сверхпрограммы... и четыре провала», написанной в конце 1980-х годов [5, с. 43]. Данный вердикт был вынесен по поводу освоения целины, подъема животноводства и всего плана сельского хозяйства. Но, по мнению И.А. Бенедиктова, советского государственного деятеля, более двадцати лет (с 1937 по 1959 г.) занимавшего ключевые посты в руководстве сельским хозяйством страны, Никита Сергеевич неплохо разбирался в вопросах сельского хозяйства, был довольно компетентным в данной области и по запасу знаний в вопросе земледелия приближался к опытному агроному. Однако вопрос об эффективности аграрной политики все-таки остается дискуссионным [1, с. 41].

Государство времени Н.С. Хрущева своей первоочередной целью ставило сокращение сельскохозяйственного налога на приусадебные участки колхозников, а также отмену натурального налога с различных категорий собственников и замену его денежными налогами со всего индивидуального хозяйства и покупкой у крестьян возможных излишков по довольно высоким ценам. Данный проект был достаточно быстро оформлен в форме закона на Сессии Верховного Совета СССР летом 1953 г. Это событие непосредственно внесло облегчение в экономическую жизнь деревни, настроения крестьян поменялись в лучшую сторону, впервые за долгое время крестьяне почувствовали, что государственный пресс не только остановился, но и даже был немного ослаблен [2, с. 360].

На специальном пленуме КПСС, проходившем в сентябре 1953 г., обсуждались вопросы по развитию сельского хозяйства. Так, в докладе Н.С. Хрущева было предложено снизить налоги с индивидуальных хозяйств, предоставить льготы крестьянским семьям, которые не имели скота. Предлагалось также отмечать и поощрять стремления рабочих и служащих, живущих в деревнях, в небольших поселках и пригородных зонах, заводить коров, свиней, кур и прочий скот, а также возделывать огороды и фруктовые сады, и не платить за это налоги [Там же, с. 368].

На Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в 1954 г. (февраль–март), рассматривалась задача расширения посевов зерновых культур благодаря освоению целинных и залежных земель на 13 млн га. Но уже на Пленуме ЦК, который проводился через 10 месяцев в январе 1955 г., Н.С. Хрущев предложил увеличить посевы зерновых на новых освоенных землях в 1956 г. не менее чем до 28–30 млн га: «Чтобы полностью удовлетворить все потребности страны в зерне, надо, как показывают расчеты, в ближайшие пять-шесть лет довести валовой сбор не менее чем до 10 млрд пудов в год» [3, с. 459]. Говоря о данном решении, он подчеркнул, что освоение целинных и залежных земель – это «наиболее доступный и быстрый по освоению источник увеличения производства зерна» [2, с. 459].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Как утверждает В.А. Шестаков, Н.С. Хрущев, в поисках средств подъема сельского хозяйства за небольшой срок к середине 1950-х годов обращает свое внимание на реорганизации машинно-тракторных станций (МТС), как непосредственно на одно из основных средств развития сельского хозяйства. Уже к началу 1956 г. оказалось, что техника, которая хранилась в МТС еще со времен коллективизации, использовалась непродуктивно, а в некоторых местах техника вообще не использовалась, что тормозило развитие сельского хозяйства. Н.С. Хрущев направляет усилия на укрупнение МТС, следующим шагом был перевод тракторных бригад и ремонтных мастерских на хозрасчет. Довольно эффективным последствием было объединение руководства МТС и колхозов. Н.С. Хрущев в своем докладе на XX съезде КПСС говорил об увеличении роли МТС. На сессии Верховного Совета в 1958 г. (март) был принят «Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», в соответствии с которым их предполагалось реорганизовать в ремонтно-технические станции (РТС). Данные станции использовались на основе хозрасчета, сельскохозяйственную технику необходимо было продавать колхозам и совхозам [6, с. 245].

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС в 1958 г. подводились итоги первого этапа освоения целинных земель. Н.С. Хрущев выступал с докладом, в котором утверждал, что именно освоение целинных и залежных земель стало решающим условием роста производства зерна. Однако данных об урожайности зерновых в данном докладе не приводилось, и не случайно: урожайность в тот период возросла не за счет целины, а за счет возделывания и обработки старопахотных земель. Если целинная прибавка в посевах зерновых составляла 18,5 млн га, что дало около 18 млн т зерна, то старопахотные земли в посевах зерновых 106,7 млн га дали прибавку около 38 млн т, т. е. в два раза больше [3, с. 91].

Небогатый производственной, да и социальной инфраструктурой бросок на целинные земли отвлек в те годы необходимые ресурсы от поддержания и укрепления зернового и в целом сельского хозяйства в иных районах государства, в том числе и Нечерноземной зоны РСФСР, что в конечном итоге привело к потере урожая зерновых до 30–40 и больше млн т в год. Можно сказать, что это почти в 2 раза больше того, что давали целинные земли стране [6, с. 223].

В 1957 г. Н.С. Хрущев поставил задачу в короткие сроки догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Он считал, что «США по мясу можно догнать, особенно Украине. И по молоку можно. Но труднее, <...> могут, если воспроизвести стадо». Н.С. Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 16 февраля 1961 г. задавался очень важным вопросом, даже риторическим: он спрашивал, почему же РСФСР не обеспечивает себя мясом и почему не может прокормить население, и, что самое интересное, сам же на это отвечал. Он говорил, что руководство, вместо того, чтобы заняться делами по благоустройству экономической жизни населения, «ездили» и «речи говорили», а «дел не делали». Развитие животноводства в колхозах и совхозах шло медленно. Часто можно было встретить такое явление, как массовую закупку коров колхозами у населения страны для предоставления их государству в счет установленных планов, вместо того, чтобы заняться разведением собственного хозяйства, что, безусловно, тормозило сельское хозяйство страны [Там же, с. 246].

Важным вопросом в политике Н.С. Хрущева в сфере сельского хозяйства оставалась проблема личных подсобных хозяйств. Позиция Никиты Сергеевича менялась по данному вопросу, но в целом он выступал активным защитником личного подсобного хозяйства. Однако преобразования, которые он проводил в сельском хозяйстве к концу 1950-х годов, не дали ожидаемых результатов. Н.С. Хрущев был вынужден запретить содержание скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках.

Многие исследователи (например, И.В. Русинов), анализируя целостность аграрного курса, проводимого Н.С. Хрущёвым в 1953–1964 гг., отмечают, что он в своей политике полностью ориентировался на общественные формы организации сельского хозяйства и искренне хотел поднять производительные силы сельского хозяйства и благосостояние крестьян. Однако И.В. Русинов также утверждает, что аграрная политика данного периода не была целой по методам и способам ее реализации. Инерция принятых в 1940-е годы решений и прежнего опыта сказалась на его аграрной политике. Как свидетельствуют рассекреченные архивные фонды, в начале 1950-х годов власть была сосредоточена

на проблеме инвестиций в ВПК (военно-промышленный комплекс), поиске средств на решение атомной проблемы и создание новых отраслей военной промышленности. Именно по этой причине были заморожены все проекты по качественному улучшению жизни советского общества и необходимых изменений в экономике [5, с. 68].

В.А. Шестаков утверждает, что сельское хозяйство стало для Н.С. Хрущева главной сферой, на которую он тратил много сил и энергии: «11 Пленумов ЦК по сельскому хозяйству 1953–1964 гг. – свидетели попыток своего рода аграрной революции в менталитете партийно-советских кадров всех уровней, адептом которой был Хрущев» [6, с. 252].

Н.С. Хрущев смог понять роль и значение аграрного сектора экономики, снять с него идеологическое заклятие второсортного. После сентябрьского 1953 г. Пленума в стране начался подъем аграрных исследований. В результате аграрной политики за десятилетие с 1953 по 1963 г. валовая продукция сельского хозяйства возросла в сопоставимых цифрах на 63% [Там же, с. 254]. По данным В.Г. Растянникова, среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции в среднем за десятилетие составил более 5% [Там же, с. 44]. По оценке ученых, такого роста интенсивности в аграрном секторе страны не знали по меньшей мере последние полтора века [4, с. 274].

Таким образом, развитие сельского хозяйства в анализируемые годы может быть оценено положительно. За 1953–1958 гг. материальное положение крестьян, доходы которых значительно увеличились за счет личного хозяйства, практически сравнялось с положением рабочего, занятого на промышленности. Однако не стоит забывать и об отрицательных сторонах данной политики. На рубеже 1950–1960-х годов экономические стимулы в деревне вновь перестают действовать. Уже с 1960-х годов начинается снижение производства сельхозпродукции и особенно животноводства. В марте 1962 г. на Пленуме ЦК, в очередной раз обсуждавшем проблемы «улучшения руководства сельским хозяйством», Н.С. Хрущев вынужден был признать, что сельскохозяйственное производство сильно хромает и есть реальная угроза невыполнения заданий семилетнего плана. Причина неэффективности сельскохозяйственных преобразований начала 1960-х годов заключается в подмене социально-экономических ориентиров умозрительными и в основной массе идеологическими. Однако иных подходов в данный период и быть не могло.

Литература

1. Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 16-ти т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд. М., 1983–1990. Т. 8: 1946–1955–1985.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 16-ти т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд. М., 1983–1990. Т. 9: 1956–1960–1986.
4. Растянников В.Г. Особенности экономического роста в аграрном секторе России, 30–90-е гг. XX в. // Вопросы статистики. 2002. № 8.
5. Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
6. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006.

ARINA KIYKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

STATE POLICY IN AGRICULTURE IN THE SECOND HALF OF 1950S – EARLY 1960S

This article deals with the policy of Nikita Khrushchev in agriculture. The different points of view concerning the effectiveness of agricultural policy are under consideration. The analysis of the agricultural course of the Soviet state in 1953–1964 based on the results of the plenary sessions and the official data in percentage of the agricultural sector are given.

Key words: Nikita Khrushchev, plenary session, agriculture, agricultural policy, superprogram.

УДК 94

О.В. КНЯЗЕВА

(*OlgaLelikFadeeva@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ О Т.П. КАРСАВИНОЙ*

Рассматривается тенденция сохранения историко-культурной памяти о балерине Т.П. Карсавиной и раскрываются основные источники, способствующие ее сохранению.

Ключевые слова: балет, культурное наследие, мемуары, балетные сезоны, прима-балерина.

Данная статья – продолжение более широкой темы «Участие женщин в социокультурном развитии страны в конце XIX – начале XX вв.», которую автор исследует на протяжении последних трёх лет. Ранее была затронута проблема, раскрывающая влияние первых женщин-врачей на развитие медицинской сферы России [9, с. 60–63].

Следующая статья через источники личного происхождения характеризовала образ Тамары Платоновны Карсавиной (см. рис. 1), выдающейся балерины XX в., ведущей артистки Мариинского театра, исполнившей практически весь классический балетный репертуар [5, с. 53–58].

Рис. 1. Фотопортрет Т.П. Карсавиной

Именно она вдохновила хореографа-новатора М.М. Фокина на балетные постановки, ставшие классикой русского импрессионистского искусства: «Жар-птица», «Петрушка» и др. С 1909 по 1913 г. Т.П. Карсавина являлась абсолютной примой-балериной «Русского балета», основателем которого стал С. Дягилев. Его «Русские сезоны» с её участием познакомили и влюбили европейского зрителя в русскую культуру, в частности, в балетное искусство. Блистала она не только на российской сцене, но и за рубежом: после замужества она эмигрировала в Великобританию и ещё много лет украшала своим присутствием зарубежные постановки.

Тамара Карсавина прожила долгую и насыщенную жизнь, её творческое и культурное наследие значительно, возможно, по этой причине, формирование историко-культурной памяти об этой выдающейся представительнице русской культуры началось уже при её жизни.

В 1914 г. в день рождения балерины поэты Петербурга преподнесли сборник стихов, полностью посвященных ей [1].

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Рис. 2. В.А. Серов. Портрет балерины Карсавиной (1909)

Известные художники рисовали портреты Т.П. Карсавиной: В.А. Серов (1909) (см. рис. 2), С.А. Сорин (1910) (см. рис. 3), А. Эберлинг (1917) (см. рис. 5), её супруг – английский дипломат Г.Д. Брюс (1918) (см. рис.4.) и др.

Рис. 3. С.А. Сорин. Тамара Карсавина в балете Сельфида (1910)

Рис. 4. Г.Д. Брюс. Портрет Т.П. Карсавиной (1918)

Рис. 5. А. Эберлинг. Портрет балерины Тамары Карсавиной (1911)

С 1930 по 1950 г. Тамара Платоновна являлась вице-президентом Королевской академии танца в Великобритании [6]. Однако в советской истории о ней знал лишь узкий круг специалистов. Интерес к жизни и деятельности представительницы русской культуры конца XIX – начала XX в. в современной России вновь возрождается.

В связи с чем, цель данной статьи – дальнейшее исследование жизни и деятельности этой выдающейся женщины, чье разнообразное творчество стало достоянием не только отечественной, но и зарубежной культуры, значит, сохранение историко-культурной памяти о ней. Цель определила и задачи данной статьи – выявление и систематизация различных «форм» её хранения, изучения и использования.

Необходимо начать с литературного наследия, которое оставила балерина. В первую очередь, «Театральная улица» – мемуары балерины. Хронологически они охватывают период, начиная с первых воспоминаний о себе и заканчивая 1929 г., когда ушёл из жизни С. Дягилев, «Русскому балету» которого она посвятила не один год. На страницах книги можно почерпнуть не только детальную информацию о балерине, но описание и восприятие Т.П. Карсавиной событий, происходящих в тот период ещё в монархической России, взгляд на балет, сцену изнутри. Она буквально «погружает» в прекрасный мир балетного искусства, приоткрывает завесу чего-то таинственного и завораживающего [4]. Кроме источника личного происхождения, Тамара Платоновна является автором ряда статей и книг по классическому танцу, например, «Техника балета». Она также была одним из постоянных авторов журнала «The Dancing Times» в Великобритании.

Следующим значительным блоком являются мемуары современников балерины. Среди них и знаменитые танцоры С. Лифарь, В. Нижинский, М. Кшесинская; люди, которые были напрямую связаны с балетом начала XX в. – С.Л. Григорьев, И. Стравинский и многие другие [5, с. 53–58]. Все эти красочные и яркие воспоминания были написаны ещё при жизни балерины, когда у очевидцев была свежа память о ней, её работах и достижениях.

«Тамаре Платоновне Карсавиной» называется сборник, приуроченный ко дню рождения Т.П. Карсавиной и изданный 26 марта 1914 г. Балерину пригласили в литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака», где попросили исполнить импровизационный танец. После выступления ей вручили книгу «Букет для Карсавиной» (см. рис. 6).

Рис. 6. Переплет книги «Букет для Карсавиной» (1914)

Сборник включает в себя рисунки русского живописца С.Ю. Судейкина (см. рис. 7), эскизы Кайнера, стихотворения Н. Гумилева, А.А. Ахматовой, М.Л. Лозинского, М. Кузьмина. Вот одно из стихотворений, написанных А. Ахматовой:

«...Как песню слагаешь ты легкий танец,
О славе он нам сказал.
На бледных щеках розовеет румянец,
И с каждой минутой все больше пленных,
Забывших свое бытие.
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твое» [7].

На одной из страниц мы можем видеть письмо знаменитого режиссера и драматурга, историка театрального искусства Н.Н. Евреинова [8].

Данное издание является посвящением великой балерине. Оно вобрало в себя уникальные рисунки, замечательные стихи, записи и пожелания ярчайших представителей культуры Серебряного века. В сборниках того периода часто можно встретить стихи, посвященные Т.П. Карсавиной, поскольку многие деятели искусства посещали балетные постановки и её творчество не могло не вдохновлять.

Рис. 7. С.Ю. Судейкин. Рисунок Т.П. Карсавиной
для сборника «Букет для Карсавиной» (1914)

Особое место занимает фильм немецких режиссеров Николаса Кауфмана и Вильгельма Прагера «Путь к силе и Красоте», выпущенный в 1925 г. Изначально фильм задумывался с целью привить немецкой молодежи интерес к культуре тела, здоровому образу жизни. Он должен был дать наглядное и убедительное представление о путях физического оздоровления нации. Но спустя более 90 лет с момента создания картина стала ценнейшим визуальным источником культуры начала XX в. Эта кинолента ценна тем, что в её создании принимала участия Т.П. Карсавина: в фильме есть отрывок, в котором демонстрируется одна из её репетиций. Данная картина сохранила для потомков на многие годы вперед её образ в действии. Ведь никакая книга или даже рисунок, фотография не могут передать ни пластику, ни живую мимику, ни грацию, с которой выступала балерина [9].

Эмигрировав в Великобританию, Т.П. Карсавина периодически давала интервью различным журналам и программам. Она часто и охотно говорила о балете, о своих партнерах, о различных партиях. На сегодняшний день для российского человека доступны лишь их отрывки [10]. Они представляют большой интерес не только для ценителей культуры, но и для историков, поскольку дают нам представление о самой балерине и рассказывают нам о том, в каких условиях это все создавалось. Как известно, на культуру всегда откладывает отпечаток историческая ситуация в стране.

Выше уже указывалось, что портреты балерины писали её современники: Д.С. Сарджент «Тамара Карсавина в роли царицы Тамары», В.А. Серов «Портрет балерины Т.П. Карсавиной» (см. рис. 2 на с. 88), С.А. Сорин «Тамара Карсавина в балете Сильфида» (см. рис. 3 на с. 88), Генри Брюс «Портрет Т.П. Карсавиной» (см. рис. 4 на с. 88) и др.

Сохранились и эскизы костюмов, в которых выступала балерина. К.А. Сомов в 1924 г. разработал эскиз костюма маркизы для Т.П. Карсавиной, позже Л. Бакст и многие другие. Историк моды Александр Васильев издал книгу, демонстрирующую костюмы «Русских сезонов» С. Дягилева. Со страниц издания на нас смотрят загадочные лица во всевозможных костюмах. Персонажи будто замерли на секунду, исполняя роль в очередном балете. Среди этих лиц Тамара Карсавина в балетах «Жар-птица», «Призрак розы» и др. [2].

На императорском фарфоровом заводе в начале XX в. были изготовлены несколько скульптур, изображающих балерину. Самая известная из них – «Балерина Карсавина». Скульптура была изготовлена в 1913 г. из твердого белого фарфора, её высота составляла 30,5 см. Выполнил модель скульптор Серафим Судьбинин. Работа примечательна тем, что она сбалансирована на одной точке опоры, что придает ей утонченность и воздушность. Оригинал хранится в коллекции Государственного Эрмитажа. Данную модель завод выпускает и по настоящий день, поэтому она не является антикварной редкостью [3]. Однако парадокс заключается в том, что покупателей привлекает сама форма статуэтки, и иногда они даже не знают, кто послужил прообразом.

Существует версия, что Тамара Платоновна стала прототипом одной из героинь Агаты Кристи в цикле «Таинственный мистер Кин». В книге фамилия заменена на Карзанову. Образ Карсавиной использовался и в художественном кино. Так, в 2000 г. на российском телевидении вышел 12-серийный телесериал «Империя под ударом», раскрывающий политическую историю Российской империи в период 1901–1908 гг. В роли Тамары Карсавиной снялась известная российская балерина Илзе Лиена.

Память о Тамаре Платоновне сохранялась многие годы: как самой балериной через художественное и балетное наследие, так и людьми, так или иначе входившими в её ближний круг. Но всё это было только при её жизни. В СССР эмигрировавшую за рубеж балерину практически забыли. Лишь изредка её имя мелькало в печати, хотя в Лондоне в 1968 г. 80-летие выдающейся актрисы широко отмечалось (см. рис. 8). Однако за её могилой, которая находится в Великобритании, долгие годы никто не ухаживал. И только в 2016 г. её начали восстанавливать руководители «Русского наследия в Великобритании».

Рис. 8. Фотография Т.П. Карсавиной с С.Р. Нуриевым и М. Фонтейн

На сегодняшний момент тенденция возрождения интереса к культуре Серебряного века, в частности, к личности Т.П. Карсавиной очевидна. Появляются новые исследователи этой темы, которые вводят в научный оборот новые источники по данному периоду.

Безусловно, особым талантом была отмечена представительница балетного искусства Т.П. Карсавина, раз при жизни её рисовали, ей посвящали стихи выдающиеся представители творческой элиты России. С ней было связано появление так называемой новой тенденции «интеллектуального искусства». В балет была привнесена интеллигентность, стиль, русская традиция, изящество и благородство. В очередной раз можно восхититься преданностью человека своему ремеслу и верностью своим идеалам искусства. История Т.П. Карсавиной – это достойный пример не только для последователей балетной школы, но и для деятелей любого вида искусства, стремящихся своей деятельностью вывести российскую культуру на новый уровень.

Литература

1. Букет для Тамары Карсавиной: сборник / сост. и макет В. Киселева. М.: Композитор, 1996.
2. Васильев А.А. Костюмы «Русских сезонов» Сергея Дягилева. М., 2006.
3. Императорский фарфоровый завод. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipm.ru/catalog/skulptura/zhanrovaya/skulptura_-quot-balerina_karsavina-quot/ (дата обращения: 02.04.2018).
4. Карсавина Т.П. Театральная улица. Воспоминания. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. [Электронный ресурс] URL: http://www.belousenko.com/books/memoirs/karsavina_tetr.htm (дата обращения: 02.04.2018).
5. Князева О.В. Образ Т.П. Карсавиной в мемуаристике XX века // Актуальные проблемы отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Ю. Болотова, А.В. Липатов, Т.Н. Орешкина. М.: Планета, 2017.
6. Папилова Е.В. Роль творческой деятельности Т.П. Карсавиной в развитии британского хореографического искусства XX века // Культура: теория и практика. 2015. Вып. 5(8). [Электронный ресурс]. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/57/800/> (дата обращения: 02.04.2018).
7. «Путь к силе и красоте»: фильм / режиссеры: Н. Кауфман, В. Прагер. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=путь%20к%20силе%20и%20красоте%20фильм%201925&reqid=1500860043252007-185385502343371912139111-man1-4426-V> (дата обращения: 02.04.2018).
8. Тамаре Платоновне Карсавиной – «Бродячая собака» 26 марта 1914 г. СПб., 1914. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raruss.ru/russe-moderne/2851-karsavina-vagrant-dog.html> (дата обращения: 02.04.2018).
9. Фадеева О.В. Влияние первых женщин-врачей на развитие медицинской сферы России в конце XIX в. // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2017. № 3(14). С. 60–63 [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files-publics/1496758750.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
10. Interview with Sir Anton Dolin 1976 «Talks about dancing in «Giselle» in 1910 with V.Nijinsky» [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=тамара%20карсавина&reqid=1518449645137388-137190203850546712009809-man1-3567-V> (дата обращения: 02.04.2018).

OLGA KNYAZEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL MEMORY ABOUT TAMARA KARSAVINA

*The article deals with the tendency of the conservation of the historical and cultural memory about Tamara Karsavina.
The main sources helping to preserve the memory of the ballerina are revealed.*

Key words: *ballet, cultural heritage, memoirs, ballet seasons, prima ballerina.*

УДК 94

А.А. КОЗЮБЕРДА

(shevchenko.shew@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИСТОРИЗМ И РЕАЛИЗМ В ИСКУССТВЕ ПЕРЕДВИЖНИКОВ*

Рассматривается проблема передвижничества в художественной культуре России XIX в., а также факторы, повлиявшие на становление взглядов художников-передвижников. Анализируется сюжетная составляющая их полотен.

Ключевые слова: история России, культура, художники-передвижники, художественный реализм, историзм.

Тема нового направления (передвижничества) в художественной культуре императорской России второй половины XIX столетия остаётся актуальной в искусствоведческой и культурологической литературе. Данный вопрос рассматривался и отечественными историками. Содержательная часть тематических исследований, в частности, в советский период, определялась в значительной степени идеологическими критериями, что не всегда позволяло объективно раскрыть содержание правительственной политики в области культуры в пореформенную эпоху царствования Александра III.

Цель данной статьи – раскрыть, как качественные преобразования в России во второй половине XIX в. влияли на её культурные формы. Для этого необходимо решение нескольких задач: во-первых, охарактеризовать факторы, повлиявшие на становление и развитие взглядов художников-передвижников; во-вторых, рассмотреть сюжетную тематику их полотен.

Во второй половине XIX в., как самостоятельное течение в российской художественной культуре оформляется передвижничество. Огромное влияние на формирование Товарищества передвижных выставок, организованного Г.Г. Мясоедовым в 1870 г., оказывала, прежде всего, революционно-демократическая мысль 60-х г. XIX в.

Стоит отметить, что кризис академического искусства и деятельность Петербургской артели художников во главе с И.Н. Крамским, ставшим в 1870 г. одним из членов-учредителей Товарищества и его идейным вдохновителем, подготовили почву для возникновения объединения.

В нашем понимании, передвижничество – это художественное и общественное течение, отстаивавшее принцип общественной значимости живописи и необходимость реалистического художественного языка.

Характерными чертами Товарищества были, во-первых, задачи, которые они преследовали – не просто реалистическая живопись, но и пропаганда своего искусства в народе. И.Н. Крамской писал: «Только чувство ответственности дает силу художнику и удесятеряет его силы; <...> и только уверенность, что труд художника и нужен и дорог обществу, помогает созреть экзотическим растениям, называемым картинами. И только такие картины будут составлять гордость племени, и современников, и потомков» [7, с. 38].

Во-вторых, – особое обилие и многогранность исканий во всех жанрах живописи (реалистический портрет, историческая и пейзажная живопись) многообразие тем, сюжетов и образов, подсказанных современностью.

Что же повлияло на становление и развитие взглядов художников-передвижников?

Прежде всего, сама историческая действительность. Кроме этого, подъем общественного сознания 50–60-х гг. XIX в., отмена крепостного права и последующие либеральные реформы, а как следствие – освобождение человеческого духа, раскрепощение личности.

В период резкого обострения социальных противоречий, не ликвидированных отменой крепостного права в 60-е г. XIX в., возникает необходимость осмысления новых социальных условий современности.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Погружение в жизнь, ее анализ, критическое осмысление – все это вело художника к последовательному реализму, к постижению глубин современной жизни.

Реализм, по нашему мнению, – это правдивое, объективное, всестороннее отражение действительности специфическими средствами, присущими видам художественного творчества.

И.Н. Крамской полагал, что процесс совершенствования реалистической живописи будет ступенчатым: сначала – овладение типами, характерами; затем – переход к развернутым сюжетным композициям. По его мнению, «важно для начала собрать материал, узнать характер народа, прежде чем писать картины. Тем самым, художник, как бы подчеркивал, что реалистическая живопись не может идти вразрез с объективностью» [7].

Творческой линией Товарищества стала линия поиска «типов и характеров», рожденных современностью или историческим прошлым.

Идейной программой для русских художников второй половины XIX в. стала диссертация Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), в частности, такие его высказывания, как: «Воспроизведение жизни – общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его <...> Часто произведения искусства имеют и другое значение – объяснение жизни» [16].

При рассмотрении реалистической живописи второй половины XIX в. необходимо отметить, что на разных этапах своей эволюции она имела некоторые особенности.

Одним из важнейших качеств искусства 1860-х г. является стремление художников показать несовершенство жизни и ее контрасты. Ведущее место в живописи передвижников старшего поколения занимает бытовой жанр, зачастую критический по своей направленности.

Для передвижников второй волны (И.Е. Репина, В.М. Васнецова, В.И. Сурикова и других) характерно тяготение к сложным формам отражения реальности, переход к поиску положительных образов в окружающей жизни. В 70-х г. XIX в. в живописи наблюдается расцвет пейзажа и портрета, главным героем которого становится творческая личность, носитель духовного начала.

В своем творчестве передвижники отразили самые существенные явления окружающей действительности во всей их сложности и противоречии.

Опираясь на реалистичные представления, более выразительно и широко они изображают жизнь и историю народа родной страны, ее природы, современную им жизнь трудового народа России. Зачастую они изображали передовых деятелей культуры. Ведущим в их творчестве является народный бытовой жанр.

Бытовой жанр, мы понимаем, как жанр изобразительного искусства, определяемый кругом тем и сюжетов из повседневной жизни человека.

А. Новицкий, говоря о бытовой живописи, подчеркивает, что: «Бытовая живопись не обращается за своими предметами в высокие области, она берет их из той повседневной жизни, которая окружает всякого, которую знает всякий. Она доступнее исторической; она всякому понятна. Она имеет более обширную публику, чем живопись историческая...» [9, с. 16].

Стремление показать изображенное явление как совершающееся на глазах у зрителя – непосредственного свидетеля происходящего, остается ведущим при построении картины. Однако теперь требовался новый, более реалистичный язык живописи, этого требовали изменившиеся взгляды и интересы как зрителя, так и художника.

Реалистическое русское искусство поднимается на высоту исторических и философских обобщений поколением художников 80–90-х гг. XIX в. В это время в искусстве находит отражение как судьба отдельного человека, так и судьба народа в целом.

Происходит изменение жанровой структуры в искусстве – перенесение центра тяжести на жанровую живопись; изменение значения портрета, пейзажа, роли исторической живописи и тематики изобразительного искусства; выход общественных проблем в художественную сферу; преобладание сюжетов, подчеркивающих «больные» вопросы российской жизни.

Бытовой жанр, являясь ведущим в творчестве передвижников, отражал в полной мере социальную направленность и высокую гражданственность идеи.

Теперь главной темой творчества передвижников становится жизнь русского крестьянства, рабочего народа, а также изображение портретов прогрессивно настроенных людей и психологических портретов, подчеркивающих значение личности самого человека.

В.Г. Перов является крупнейшим мастером бытового жанра. Он умело изображал жизнь крестьянства и городской бедноты. В своих произведениях «Проводы покойника», «Тройка» В.Г. Перов повествует о безысходной крестьянской доле, о горькой жизни детей ремесленников, занятых непосильным трудом.

Темы, ярко говорящие о гражданственности искусства передвижников, близкие революционному народничеству, отображаются в картинах Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь», «Студент», «Прогрессистка». Затрагивая подобные темы, художник увековечивал трагическую историю освободительной борьбы в России, вызывая сочувствие общества к борцам за свободу и неприязнь к их палачам.

На высоте общественной мысли своего времени стоит личность И.Е. Репина. Его картина «Бурлаки на Волге» в полной мере раскрывает тему народной жизни. Кроме того, «Репин создал целую художественную летопись революционно-народнического движения 1870–1880-х гг., проникнутую состраданием к борцам за свободу и отвращением к их карателям. Таковы его картины “Под конвоем”, “Арест пропагандиста”, “Отказ от исповеди перед казнью”, “Сходка”, “Не ждали” и другие» [14, с. 283].

Художники-передвижники писали также портреты. Яркой личностью здесь выступает И.Н. Крамской – мастер портрета. Его кисти принадлежат портреты Л.Н. Толстого, А.С. Грибоедова, художника И.И. Шишкина и другие работы.

А.К. Саврасов («Грачи прилетели») и И.И. Шишкин («Рожь»), являясь представителями русского пейзажа, подходят к осмыслению пейзажного мотива как важной патриотической темы, вносят в него ноту раздумья о судьбах Родины.

Еще одним интересным аспектом творчества передвижников является историческая живопись. Их внимание привлекали страницы русской истории, в которых особое место они уделяли народным движениям, полным драматизма. Это было вполне естественно, если взять во внимание те условия, в которых появлялись произведения передвижников.

На развитие русской культуры накладывало отпечаток то время, на протяжении которого творили художники. Это было связано, прежде всего, с существенными изменениями во всех сферах жизнедеятельности общества – в политической, экономической и социальной сферах.

Искусство передвижников характеризуется отражением основных вопросов эпохи, и, прежде всего, идея борьбы народных масс за своё социальное и национальное освобождение. Воплощая положительные образы борцов-революционеров и выдающихся деятелей русской национальной культуры, передвижники раскрывали духовную красоту, мудрость и силу тружеников, многообразие и поэтическое обаяние родной природы. Глубокий психологизм произведений – главная особенность полотен передвижников.

Глубиной исторического познания прошлого были отмечены работы В.И. Сурикова. Как «самый выдающийся в России и один из крупнейших в мире мастер исторического жанра, Василий Иванович не только не имел себе равных в изображении народной массы как единого целого, как героя истории, не безликой толпой, а как сочетания неповторимых индивидуальностей. Именно так воспринимаются массы людей в его картинах “Утро стрелецкой казни”, “Боярыня Морозова”, “Покорение Сибири Ермаком”, “Переход Суворова через Альпы”. Кроме того, В.И. Суриков прекрасно раскрывает на примере отдельного факта и даже фактической детали трагедию истории [Там же, с. 281].

В.М. Васнецов уделяет большое внимание фольклористике и эпосу. Его картины «Богатыри», «После побоища Игоря Святославовича с половцами», «Витязь на распутье» отражают героическое лицо русского народа.

Таким образом, вторую половину XIX в. можно считать началом нового этапа развития изобразительного искусства в России. Связан этот этап, прежде всего, с деятельностью художников-передвижников, которые в своем творчестве более всего обращаются к темам народной жизни.

В это время были написаны картины, отражающие не только действительность, но и место человека в ней, место национального своеобразия России. Темы, которые поднимали в своем творчестве художники-передвижники, затрагивали важные проблемы общественной жизни второй половины XIX столетия.

Передвижники не просто писали картины на волнующие общество темы, но и активно пропагандировали свое искусство в народе, достигая тем самым одну из главных своих целей.

За время существования Товарищества было организовано несколько десятков передвижных выставок не только в культурных центрах, но и в глубинке. Кроме того, передвижники стремились вырваться на выставки за границей, и это у них получалось, хотя и не всегда, ведь все их картины подвергались жесткому отбору.

Передвижничество стало вектором развития отечественной живописи, вопреки надеждам реакционных «верхов» на приоритет «чистого», «салонного» искусства, которое было призвано заслонить собою грязь социальных проблем.

Русская живопись XIX в. несла в народ идеи гражданского и национального достоинства, свободы, гуманизма. Живопись передвижников можно по праву назвать энциклопедией русской жизни.

Литература

1. 500 сокровищ русской живописи / сост. Е.Н. Евстратова. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=252368&p=1> (дата обращения: 07.02.2018).
2. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке [Электронный ресурс] // Товарищество передвижных художественных выставок. URL: <http://www.tphv-history.ru/books/benua-istoriya-russkoy-zhivopisi.html> (дата обращения: 02.04.2018).
3. Булгаков Ф.И. Перов Василий Григорьевич // Наши художники. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1890. Т. II. С. 88–91 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004964357#?page=92> (дата обращения: 02.04.2018).
4. Булгаков Ф.И. Репин Илья Ефимович // Наши художники. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1890. Т. II. С. 132–135 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004964357#?page=137> (дата обращения: 02.04.2018).
5. Гомберг-Вержбинская Э.П. Передвижники. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1970. [Электронный ресурс] // Товарищество передвижных художественных выставок. URL: <http://tphv-history.ru/books/gomberg-verzhbinskaya-peredvizhniki.html> (дата обращения: 02.04.2018).
6. Езерская Н.А. Передвижники и национальные художественные школы народов России. М.: Изобразительное искусство, 1987. [Электронный ресурс] // Товарищество передвижных художественных выставок. URL: <http://www.tphv-history.ru/books/peredvizhniki-i-nacionalnye-shkoly.html> (дата обращения: 02.04.2018).
7. Коваленская Т.М. Крамской об искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1988. [Электронный ресурс] // Товарищество передвижных художественных выставок. URL: <http://www.tphv-history.ru/books/kramskoy-ob-iskusstve.html> (дата обращения: 12.02.2018).
8. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1965. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=265157> (дата обращения: 03.02.2018).
9. Новицкий А. Передвижники и их влияние на русское искусство. М.: Издание книжного магазина Гросман и Кнебель, 1897. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003679727#?page=8> (дата обращения: 07.02.2018).
10. Проскурякова Н.А. Россия в XIX веке: образование, наука, культура; учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2010.
11. Пушкирев В. Незабываемые картины. Творчество передвижника К.В. Лебедева (1852–1916) // Наше наследие. 1996. № 38. С. 121–123.
12. Суворин А. Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837–1887. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003622053#?page=1> (дата обращения: 12.02.2018).
13. Товарищество передвижных художественных выставок. 1869–1899: письма, документы. М.: Искусство, 1987.
14. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: курс лекций. М.: Высшая школа, 1997. [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_1421.html (дата обращения: 07.02.2018).
15. Устав Товарищества Передвижных Художественных Выставок [Электронный ресурс] // Товарищество передвижных художественных выставок. URL: <http://tphv.ru/ustav.php> (дата обращения: 07.02.2018).
16. Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений: в 5-ти т. Т. 4. Статьи по философии и эстетике / под общ. ред. Ю.С. Мелентьева. М.: Правда, 1974. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0410.shtml (дата обращения: 12.02.2018).

ANASTASIYA KOZYUBERDA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

HISTORICISM AND REALISM IN THE ART OF PEREDVIZHNIKS

*The article deals with the problem of the Peredvizhniki movement in the artistic culture of Russia of the XIXth century and the issues, having influenced on the formation of the views of the artists.
The plot component of their paintings is analyzed.*

Key words: *history of Russia, culture, Peredvizhniki, artistic realism, historicism.*

УДК 94(47)

К.К. КОРОТКОВА

(korinakk@mail.ru)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Суrowsикинский агропромышленный техникум*

**РОЛЬ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ОСВЕЩЕНИИ ПРОЦЕССА РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОГРАММЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР
(на примере г. Суrowsикино и Суrowsикинского района Волгоградской области)***

Анализируется процесс реализации программы десятой пятилетки развития народного хозяйства в г. Суrowsикино и Суrowsикинском районе Волгоградской области на основе изучения материалов местной периодической печати, введенной в научный оборот впервые в качестве исторического источника.

Ключевые слова: периодическая печать, агропромышленный комплекс, пятилетка, ЦК КПСС, кадровый вопрос, социалистическое соревнование

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) определил широкую программу деятельности на десятую пятилетку. Рост производства должен был обеспечиваться, прежде всего, за счет роста его эффективности и наиболее полного использования внутрихозяйственных резервов. Именно в это время была обозначена необходимость более четкого направления работы партии по вектору «меньше затрат – больше прибыли». Экономия и бережливость, рациональное использование имеющихся материальных и денежных ресурсов, высокопроизводительный труд стали основными направлениями оптимизации деятельности по решению поставленных задач. Как было зафиксировано в одной из статей районной газеты «Заря», освещающей проекты Государственного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг., Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1977 г. и Государственный бюджет СССР на тот же год, для успешного достижения цели необходимо «уделить особое внимание принятию и реализации производственными коллективами встречных планов и повышенных социалистических обязательств» [6]. В этой же публикации была обозначена важная составляющая трудовой пропаганды советского общества анализируемой эпохи: «Пленум Центрального Комитета КПСС призывает коммунистов, комсомольцев, всех трудящихся еще шире развернуть социалистические соревнования за успешное выполнение заданий десятой пятилетки и тем самым обеспечить дальнейшее укрепление экономического могущества Советского государства, неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа...» [Там же].

Те же смысловые дефиниции были озвучены и в отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева: «Главная задача десятой пятилетки состоит в последовательности осуществления курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства» [7].

Труженики сельского хозяйства и других отраслей агропромышленного комплекса, как и весь советский народ, целеустремленно работали над претворением решений XXV съезда партии. Курс на ускорение развития экономики подразумевал и отрасли сельского хозяйства, и весь агропромышленный комплекс. Последовательно осуществлялась долговременная программа подъема сельского хозяйства, рассчитанная не только на решение текущих задач, но и на создание перспектив для развития этой важной отрасли в будущем.

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Основными задачами являлись обеспечение роста эффективности общественного производства, улучшение качества продукции, обеспечение села достойными кадрами.

Выполнение плана рассматриваемой пятилетки было тесно связано с развитием сельского хозяйства. Это и понятно: на тот момент продукция земледелия и животноводства составляли 2/3 розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли. На нужды сельского хозяйства было выделено более 170 млрд руб. [7]. Это – огромная сумма, обеспеченная соответствующими материальными ресурсами. Но при этом не стоило забывать о разумном использовании техники на селе, бережном отношении к минеральным удобрениям, горючему, строительному материалу и самой сельскохозяйственной продукции.

Также в докладе на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК партии Л.И. Брежнев указал на то, что «повышение эффективности сельского хозяйства требует, чтобы, занимаясь множеством конкретных задач, мы сосредоточили внимание и средства на тех, решение которых обеспечит наиболее быструю и значимую отдачу» [Там же].

В контексте обозначенных направлений развития представляется актуальным выяснить, какова роль г. Суровикино и Суровикинского района в реализации программы партии и удалось ли воплотить поставленные задачи в реальность.

В основу анализа легли данные по итогам каждого года десятой пятилетки, обработанные с применением так называемого трендового метода (анализ, позволяющий выявить тенденции в развитии агропромышленного комплекса в ретроспективе). Такой подход позволяет оценить сложившуюся ситуацию в районе по агропромышленному комплексу в целом. Для полноты отражения сложившейся ситуации важным представляется остановиться не только на сельском хозяйстве как таковом (растениеводство, животноводство), но и тех отраслях, которые позволяют ему развиваться (сельскохозяйственное машиностроение, строительство вспомогательных объектов, производство минеральных удобрений, мелиоративное строительство и т. п.), а также позволяющих перерабатывать сельхозпродукцию (пищевая промышленность, легкая промышленность). Учитывая, что в основе любой исторической парадигмы – человеческий фактор, а в основе любого развития – деятельность человека, решение кадрового вопроса являлось первостепенным фактором.

Посильный вклад в осуществление экономических и социальных задач вносили трудящиеся всего района. Немаловажную роль в претворении планов пятилетки играл трудовой энтузиазм работников колхозов, совхозов, предприятий. В очередном номере районной газеты «Заря» водителем автоколонны № 1729 У.Ф. Беленковым был «брошен вызов о завершении пятилетнего плана ко дню рождения В.И. Ленина (22 апреля 1980 г.), а план текущего года – к 1 мая 1979 г.:

- ежедневно выполнять сменные задания на 110–120%;
- все работы по перевозке народнохозяйственных грузов производить только с высоким качеством, систематически помогать молодым водителям в работе...» [3].

Это не осталось без должного внимания другого участника борьбы за выполнение планов – лучшего на тот момент водителя автохозяйства «ОКСО» И.А. Алейникова. Уже в следующем выпуске газеты вызов был принят. «Вызов принимаю» – так называется статья, в которой водитель берет на себя личные обязательства по перевыполнению плана на 150% и за счет бережного отношения к горючему сэкономить 750 литров бензина [2]. И это – не единственный пример самоотверженной работы в борьбе за достижение успехов.

Участниками социалистических соревнований становились и хозяйствующие субъекты города и района: заводы, комбинаты, организации, оказывающие услуги населению, а также колхозы, совхозы. В газете регулярно подводятся итоги о выполнении социалистических обязательств. И таких примеров не мало. По материалам газеты «Заря»: «Включаясь во Всесоюзное социалистическое соревнование за дальнейший подъем сельского хозяйства в 1979 году, труженики колхоза им. Дзержинского взяли на себя ряд обязательств: с площади 6450 гектаров добиться производства 10640 тонн зерна, из которых продать государству 5650 тонн...» [5].

Для выполнения поставленных задач колхозу необходимо было произвести ряд мероприятий по внесению удобрений подкормки озимых, борьбе с сорняками. Снова не осталось без внимания и кадровое обеспечение: из числа имеющихся механизаторов 12 повысили квалификацию. В части животноводства работники обязались увеличить надои от каждой коровы, поголовье скота, одновременно с этим увеличить объем реализации готовой продукции государству [5]. Эстафету в соревнованиях подхватил колхоз «Победа» с обещанием выполнения социалистических обязательств, которые, в свою очередь, были обсуждены и приняты на собрании колхозников [10].

Примечательно, что такие соревнования проходили не только между коллективами района, также в борьбу вступали и коллективные хозяйства других районов Волгоградской области. Механизаторы колхоза им. Дзержинского (Суровикинский район) решили ответить умельцам из Фроловского района Волгоградской области в скорейшей подготовке машинно-тракторного парка [8]. Следом, к участию в соревнованиях присоединились механизаторы совхоза «Солоновский» (Суровикинский район), пообещав в кратчайшие сроки подготовить сельскохозяйственную технику к весенне-полевым работам [9].

Неоднократно со страниц газеты звучали призывы о необходимости улучшения жилищных условий для работников, прежде всего, с целью остановить отток рабочей силы из села [11]. Как же ещё обстояли дела на этом поприще? Помимо улучшений условий труда колхозников осуществляется строительство новых свинарников, телятников, помещений для крупного рогатого скота, складов для запасных частей, производится и строительство жилых домов для тружеников села. Надо заметить, что возведение объектов осуществлялось хозяйственным способом, что позволяло экономить значительную часть денежных средств на подрядчиках и вложить их в более значимые проекты [13].

Бережливое и рациональное использование имеющихся материальных ресурсов – одно из приоритетных направлений развития пятилетки (причем, каждой). В одном из выпусков газет было напечатано обращение члена народного контроля В. Уфимцевой под названием «А зерно все “течет”» с просьбой обратить внимание на то, каким образом происходит загрузка зерна в вагоны у элеватора. В связи с тем, что вагоны под погрузку пшеницы, ржи подаются непригодными, то немалое количество зерна в результате остается на платформе [12]. Это не осталось без внимания должностных лиц, которые призвали провести мероприятия, позволяющие предотвратить дальнейшие потери сельхозпродукции при погрузке и его транспортировке [1]. Это – яркая иллюстрация сущности рядового сотрудника-руководителя того времени, проявляющего неподдельную заботу за сохранение результата произведённого труда. В данном случае мы наблюдаем яркий образец механизма взаимодействия власти и общества через периодическую печать. Можно констатировать, что газета являлась своего рода рупором, транслятором самых острых вопросов, требующих непосредственного участия руководства. И власть своевременно реагировала, используя доступный ей административный ресурс.

Как уже отмечалось выше, сельское хозяйство не способно существовать обособлено от остальных отраслей агропромышленного комплекса.

Последовательно проводились мероприятия по развитию сельского хозяйства, укреплению его материально-технической базы (МТБ). Так, по данным 1976 г., промышленные предприятия района добились определенных успехов в производстве и реализации государству готовой продукции, в повышении ассортимента производимой продукции. Сверх плана было реализовано продукции на 1,2 млн руб. Часть предприятий уже к ноябрю 1976 г. перевыполнили план, но оказались и такие, которые не смогли справиться с задачей к намеченному сроку – хлебокомбинат и плодоовощной завод, руководителям которых было рекомендовано приложить максимум усилий для успешного выполнения планов и завершения взятых на себя обязательств [4].

Таким образом, периодическая печать не только доносила программные установки партии по развитию народнохозяйственного комплекса, в целом, и в Суровикинском районе, в частности. Районная газета постоянно освещала достигнутые результаты и возникающие проблемы в ходе реализации десятой пятилетки развития народного хозяйства, что способствовало своевременному реагированию со стороны партийно-государственных органов власти.

Литература

1. Барилов А.Г., Ужва Н.Д. А зерно «течет» (газета «Заря» отвечает) // Заря. 1976. 12 дек. № 149(6464).
2. «Вызов принимаю» // Заря. 1979. 21 янв. № 9(6792).
3. «Вызываю на соревнование». Личные обязательства водителя автоколонны № 1729 У.Ф. Беленкова // Заря. 1979. 10 янв. № 4(6787).
4. Крамарева К. Промышленность, транспорт, строительство, торговля, бытовое обслуживание // Заря. 1976. 22 дек. № 153(6468).
5. Новые рубежи на 1979 год. Социалистические обязательства колхоза им. Дзержинского // Заря. 1979. 21 янв. № 9(6792).
6. О проектах Государственного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы, Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1977 год и Государственного бюджета СССР на 1977 год // Заря (орган Суровикинского районного комитета КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Волгоградской области). 1976. 31 окт. № 131(6446).
7. Отчетный доклад ЦК КПСС XXV Съезду Коммунистической партии Советского союза [Электронный ресурс] // XXV съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 28 февраля – 5 марта 1976 года. Стенографический отчет: в 3-х т. Т. 1. М., 1976. С. 160–167. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html (дата обращения: 02.04.18).
8. Петренков И. Намеченное выполним // Заря. 1976. 3 дек. № 145(6490).
9. Слово механизаторов // Заря. 1976. 3 дек. № 145(6490).
10. Социалистические обязательства колхоза «Победа» // Заря. 1979. 21 янв. № 9(6792).
11. Старикова А.П. Забота о людях прежде всего // Заря. 1980. 20 янв. № 9(6948).
12. Уфимцева В.А. Зерно «течет» // Заря. 1976. 1 дек. № 144(6460).
13. Фролова Г. Строить хозяйственным способом // Заря. 1976. 12 дек. № 149(6464).

KORINA KOROTKOVA

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
Surovinsky agroindustrial technical school*

**THE ROLE OF THE LOCAL PERIODICAL PRESS IN SHOWING THE IMPLEMENTATION
OF THE TENTH FIVE-YEAR PLAN PROGRAMME OF DEVELOPING
THE NATIONAL ECONOMY IN THE USSR
(based on the example of Surovikino
and the Surovinsky district
of the Volgograd region)**

The article deals with the analysis of the implementation of the tenth five-year programme of developing the national economy in Surovikino and the Surovinsky district of the Volgograd region based on studying the materials of local periodical press, introduced into scientific usage as a historical source for the first time.

Key words: the periodical press, agroindustrial complex, five-year plan, the CPSU Central Committee, employment issue, socialist competition.

УДК 94(47)

Т.А. КОРОТКОВА

(tnkorotkova.96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

НАЕМНЫЕ РАБОЧИЕ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.*

Дается характеристика положения наемных рабочих до 1905 г. через представление численности, социального положения, особенно в контексте кризиса 1902–1903 гг. в России, а также через принятие единичных законов.

Ключевые слова: *наемные рабочие, промышленность, страхование, рабочее законодательство, рабочий вопрос.*

Вторая половина XIX в. является переломным этапом социально-экономического развития России. Отмена крепостного права и, как следствие, перемены в аграрном секторе экономики, а также стремительные темпы промышленного развития породили изменения и в социальной сфере. Эти преобразования привели к изменениям в социально-экономическом положении огромного количества людей, затронувшим все социальные классы, одним из которых стал класс наемных рабочих.

Как следствие всех этих событий, в обществе остро встает рабочий вопрос, который подразумевает комплексное решение проблемы, исходя из численности и состава данной социальной группы, социального положения в государстве, условий труда и в целом уровня жизни рабочих.

Проблема эффективного регулирования взаимоотношений государства–предпринимателей–рабочих по-прежнему остается актуальной, т. к. все эти институты продолжают существовать, и, несмотря на наличие трудового законодательства, возникают ситуации ущемления прав рабочих, спорные ситуации, и при определенных обстоятельствах важно учитывать опыт прошлого для успешного разрешения проблем в условиях современной России.

Кроме того, значительное количество исследований, монографий и диссертационных работ, посвященных фрагментарному изучению рабочего вопроса, свидетельствует о его актуальности.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что в период с конца XIX по начало XX в. численность рабочих в России увеличилась практически втрое, что было вызвано бурным развитием промышленности. В результате промышленной революции в стране была создана и утвердилась крупная машинная индустрия. Основу рабочего класса составляли постоянные рабочие, лишённые средств производства, разорвавшие связь с землей и собственным хозяйством. Наемные рабочие были представлены в нескольких категориях: рабочие крупных капиталистических предприятий; строительные рабочие; рабочие мелкой, кустарно-ремесленной промышленности; чернорабочие, поденщики, грузчики, возчики, землекопы, лесные рабочие; сельскохозяйственные рабочие [3].

Условия труда рабочих были тяжелыми, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания, оставленные современниками. Продолжительность рабочего дня, к примеру, на предприятиях до революции 1905 г. в основном зависела от воли хозяина. Используя свое господство на собственном предприятии, увеличивали длительность трудового дня в обход закона 1897 г. «Об ограничении рабочего времени», лимитирующего сверхурочные работы 120 часами в год на каждого рабочего [2, с. 29]. Так, известный рабочий-революционер И.В. Бабушкин писал, как на Семеновском заводе в Петербурге он отработал около 60 часов подряд, делая перерыв только для приема пищи. Тяжелыми были и жилищные условия рабочих [5, с. 30–32]. В этих условиях остро стояли вопросы медицинской помощи на предприятиях, а также государственного страхования рабочих, которые встречали различную реакцию в обществе. Промышленный кризис 1902–1903 гг. затронул все сферы жизни общества, но особенно это коснулось рабочих, задействованных в разных отраслях промышленности. В результате кризиса большое количество предприятий, не имевших поддержки казны, прекратило свое существование. В этот период к прежним проблемам добавляются новые, например, массовая безработица. Так

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

за 1900–1903 гг. в промышленности, подчиненной фабричной инспекции, рост безработицы иллюстрируют следующие данные: 1900 г. – закрыто 550 предприятий с 20,1 тыс. рабочих; 1901 г. – 1016 предприятий с 36 тыс. рабочих; 1902 г. – 840 предприятий с 34 тыс. рабочих; 1903 г. – 612 предприятий с 23,4 тыс. рабочих [7]. В периодической печати проскальзывали данные о массовых увольнениях рабочих и их бедственном положении, т. к. замалчивать столь вопиющие факты было невозможно. К таким изданиям относились газета «Искра» и журнал «Русское богатство». В итоге это приводит к увеличению количества не только экономических, но и политических стачек рабочих на фабриках и заводах, фактически в 4,5 раза (с 123 (в 1902 г.) до 550 (в 1903 г.)) [5, с. 33].

Социально-экономическое и политическое развитие Российского государства, размах рабочего движения показали необходимость изменений в формирующемся законодательстве, регулирующем данный вопрос. С 1882 г. происходит становление института фабричной инспекции, отражавшего интересы рабочих, с момента издания Закона о регулировании фабричного труда малолетних. Теперь дети младше 12 лет не могли быть приняты на промышленные предприятия, а в возрасте от 12 до 15 лет принимались на работу, но с ограничениями: дневной труд не более 4 часов непрерывного труда и не более 8 часов в день, а ночной труд и работы в воскресные и праздничные дни вовсе воспрещались. Далее последовал также ряд законов, касающихся детского труда. Данным законом были также учреждены должности главного фабричного инспектора и четырех окружных фабричных инспекторов. Так правительство сделало первый шаг в области ограждения интересов рабочих. Фабричный инспектор – это новая фигура на фабрике, вносящая порядок отношений хозяев и рабочих. Однако закон вступил в силу только в 1884 г., т. к. еще не было подготовленных кадров для этой должности с определенным набором знаний [1, с. 32].

Новый этап развития фабричной инспекции начался с издания 3 июня 1886 г. закона «О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Закон расширял объем надзора фабричных инспекторов: теперь под надзор попадали не только малолетние и женщины, но и вся сфера взаимоотношений рабочих и предпринимателей, сфера их договорных отношений [Там же, с. 33–34]. После принятия в 1886 г. фабричного законодательства (с 1889 г.) начинается разработка законопроектов по страхованию рабочих. Первым был законопроект 1889 г. об индивидуальной ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих, хоть правительство и признавало, что государственное страхование было бы предпочтительнее. Позже в законопроекте 1893 г. предполагалось возложить на владельцев предприятий ответственность и за профессиональные заболевания. Уже по этому проекту рабочие не должны были доказывать виновность предпринимателя, как это предполагалось проектом 1889 г. Эти законопроекты распространялись на рабочих горнозаводской и фабрично-заводской промышленности, железнодорожных мастерских. Государственный Совет не поддержал законопроект 1893 г. при обсуждении, аргументируя это его несоответствием общему направлению законодательства страны [3].

Разработка данных законопроектов дала толчок к обсуждению вопросов страхования рабочих, в котором участвовала общественность. Вопрос о принципах страхования поднимался на III Всероссийском торгово-промышленном съезде в 1896 г., на котором было представлено 150 докладов, половина которых касалась рабочего вопроса. Были затронуты основные вопросы страхования от болезней и несчастных случаев, медицинской помощи, применения женского и детского труда, продолжительности рабочего дня и т. д. Итогом съезда стала резолюция, в которой участники съезда выступали за государственное страхование рабочих и отвергали принцип индивидуальной ответственности предпринимателей. Также было выдвинуто предложение охватить страхованием рабочих, представленных во всех отраслях промышленности [Там же].

С этого момента идея государственного страхования получает все большее признание. Однако, несмотря на это, государство было в большей степени ориентировано на введение принципа индивидуальной ответственности предпринимателей, что отражала законодательная практика. Была создана комиссия по переработке законопроекта 1893 г., в основу был заложен принцип, поддержанный государством, который должен был не слишком обременять предпринимателей выплатами.

В результате в 1902 г. был завершен законопроект «О награждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев», который был утвержден царем в 1903 г., а вступил в силу 1 января 1904 г. Этот закон не вносил ничего нового в существующее законодательство, а лишь закреплял сложившиеся традиции, и был достаточно узок. Ограниченность закона на практике была очевидна. Предприниматели активно выступали против реализации закона и добивались отсрочки его введения, находили новые пути обхода его требований. На деле рабочие не получали необходимую сумму в соответствии с законом, о чем говорит анализ пособий и выплат, позволяющий сделать вывод, что при соблюдении закона 1903 г. рабочие и служащие должны были получить намного больше [3]. Таким образом, установленные законом требования шли в разрез с практикой их исполнения предпринимателями.

Закон 1903 г. не повлиял на ослабление напряженности в отношениях предпринимателей и рабочих. Социально-экономическая и политическая обстановка в стране, нарастающее рабочее движение вновь обращали внимание на вопросы социального страхования, которые широко и всесторонне изучаются и обсуждаются в различных правительственных ведомствах, особых комиссиях, предпринимательских организациях, общественных и научных обществах, участники которых высказываются за государственную форму страхования [Там же].

В результате сложившейся ситуации в стране правительство признаёт необходимость государственного страхования рабочих только Указом от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Указ носил общий характер и касался всех сфер государственного устройства, и рабочему вопросу был посвящен только один пункт, содержание которого представлено общими фразами [6].

Таким образом, несмотря на принятие единичных законов, государство так и не решало в полной мере рабочий вопрос, т. к. до сих пор отсутствовало системное рабочее законодательство, и все еще не были предприняты попытки его создания.

Литература

1. Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг.: моногр. М.: РОССПЭН, 2009.
2. Ермолов В.А. Повседневная жизнь российских рабочих на рубеже XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/povsednevnyaya-zhizn-rossiyskih-rabochih-na-rubezhe-hh-hh-vv> (дата обращения: 02.04.2018).
3. Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm> (дата обращения: 02.04.2018).
4. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.: моногр. М.: РОССПЭН, 2009.
5. Сборник документов и материалы по истории России конца XIX–начала XX вв. / сост. Т.И. Андреева. Барнаул: Алт-ГПА, 2012.
6. Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12.12.1904 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3080/> (дата обращения: 02.04.2018).
7. Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России [Электронный ресурс] // История государства. URL: http://statehistory.ru/books/A--F--Yakovlev_Ekonomicheskie-krizisy-v-Rossii/ (дата обращения: 02.04.2018).

TATYANA KOROTKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

WAGE WORKERS IN RUSSIA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article deals with the characteristics of the situation of wage workers until 1905 through the representation of number, social status, especially in the context of the crisis of 1902–1903 in Russia, and through the passage of single laws.

Key words: *wage workers, industry, insurance, labour laws, labour question.*

УДК.94(47).084

Ю.М. МАЛАХОВА

(malakhovayu@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИОРИТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1917–1920-Х ГГ.*

Рассматриваются основные направления и приоритеты государственной образовательной политики в Советском государстве в 1917–1920-х гг. Характеризуются этапы и факторы её эволюции.

Ключевые слова: государственная политика, образование, декрет, постановление, реформирование образования.

Начало XX в. – период глобальных перемен в истории Российского государства, которыми были охвачены все отрасли социальной жизни страны. Приход к власти большевиков, установление новой диктатуры требовали изменения курса государственной политики во всех сферах, в том числе и в образовании.

Период с 1917 г. до середины 1920-х гг. большинство исследователей склонно характеризовать как первый этап становления советской государственной политики в сфере образования. Именно в нем определяются основные направления в образовательной политике, формируются концепции руководства образованием, создается абсолютно новая система государственного управления народным образованием.

В настоящее время данная тема является малоизученной, и в основном труды историков носят обобщающий характер. Так, например, Т.М. Ашенова занималась изучением формирования системы законодательства об образовании в Советском государстве и рассматривала в большей степени правовые аспекты проблем [1, с. 81–82]. С.Г. Новиков, О.С. Забелинская, Е.С. Молостова в своих работах рассматривали процесс воспитания «нового человека», исследовали факторы, влиявшие на предлагаемые образцы социалистического гражданина [5, с. 10–14]. М.А. Белицкая уделяла внимание процессу формирования профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений [2, с. 184–188]. На сегодняшний день в отечественной историографии нет отдельного комплексного научного труда, посвященного вопросам определения направлений советской государственной образовательной политики в самый первый и сложный период её становления. Не до конца исследованными остаются следующие аспекты: формирование приоритетов развития образовательной политики; изучение процесса создания концепции руководства образованием в Советской России, элементы которой до сих пор существуют в современной системе образования Российской Федерации.

В связи с приходом к власти большевиков и установлением новой идеологии в нашей стране стало ясно, что для построения общества, отвечавшего государственным целям, была необходима реформа системы образования. Начинаясь этап разработки новых концепций руководства школой, основанных на демократических началах, шёл процесс обсуждения проекта реформ, который параллельно развивался с его практическим воплощением, поэтому нововведения быстро сменяли друг друга.

Декретом «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» от 9 ноября 1917 г. [11, с. 26–28] была организована комиссия по просвещению, которой было поручено заняться разработкой проекта новой системы образования в Советском государстве. В декрете говорилось, что Государственная комиссия не являлась центральной властью, управлявшей учебными и образовательными учреждениями, вся власть должна была быть передана на места. В декрете определялись

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

и задачи комиссии, которой надлежало стать связующим звеном, решавшим возникавшие проблемы в материальной, идейной и моральной сферах. Председателем Государственной комиссии был назначен Анатолий Васильевич Луначарский.

В результате работы данной комиссии был подготовлен проект реформирования системы образования, в котором были закреплены основные принципы и задачи советского правительства в области народного образования. С данным проектом А.В. Луначарский обратился к общественности. Основные принципы, на которые предлагалось ориентироваться при разработке государственных законопроектов относительно образования, звучали следующим образом: всеобщее обязательное начальное обучение, общедоступность школы всех ступеней, безусловная светскость школы, высокий бюджет образования, демократизация народного образования, учет местных и национальных особенностей, привлечение педагогов к обсуждению всех вопросов строительства новой школы [5, с. 137–138].

Большевики, пришедшие к власти, определили особую роль системы образования для проведения советской идеологии в массы. В первую очередь для этого необходимо было отделить церковь от государства. В связи с чем, в декабре 1917 г. было опубликовано Постановление Комиссариата по народному просвещению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» [11, с. 129]. Данное постановление закрепляло переход церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. Таким образом, все церковно-приходские школы преобразовывались в светские. Реформированию поддались также и церковные библиотеки. Все пособия, ценности, ценные бумаги должны были быть переданы в ведение Комиссариата по народному просвещению.

Следующим шагом утверждения светских начал в образовательной системе стал принятый и подписанный В.И. Лениным в январе 1918 г. декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [4]. Данный декрет провозглашал полное отделение церкви от государства и школы. Также была объявлена свобода совести, отменялись всякие ограничения и привилегии, связанные с принадлежностью к тому или иному вероисповеданию. Декрет не допускал преподавания религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподавали общеобразовательные предметы. Этим декретом устранялось влияние церкви на молодое поколение. Так, например, в Царицыне отмена преподавания «Закона Божия» обсуждалось еще до выхода декрета об отделении церкви от государства (октябрь – декабрь 1917 г.) [10].

Ещё одним принципом, на котором основывалась советская система образования, становилось искоренение гендерного подхода в образовании. Постановление Наркомпроса в мае 1918 г. вводило совместное обучение мужчин и женщин. 5 июня 1918 г. был принят декрет СНК о передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению всех учебных и общеобразовательных учреждений и заведений [11, с. 538]. Сосредоточение всех общеобразовательных и профессиональных учебных заведений в ведении Наркомпроса обеспечивало единство реформы образования.

Понимая всю глобальность предстоящих реформ в государстве, большевики были вынуждены приступить к реформированию школьного образования уже в первые годы установления своей власти, т. к. для зарождающегося Советского государства были необходимы кадры нового образца, которые должны были воспитываться с раннего детства. В связи с чем, 25 августа 1918 г. состоялся I Всероссийский съезд по просвещению, на котором обсуждались приоритеты и направления реформирования непосредственно школьного образования.

Для воспитания современного на то время общества и человека необходимо было ликвидировать старую школу, но в ней оставался старой закалки педагогический состав. Он был недоволен проводимой политикой большевиков по отношению к образованию, поэтому нужно было заинтересовать учительство в проведении реформирования образования. Для этого были найдены свободные комнаты

и здания, которые были оборудованы всем необходимым для полноценного процесса обучения, поднята заработная плата преподавательскому составу. Целенаправленно поднимался авторитет учителя в обществе и педагогические кадры стали возвращаться в школы [9, с. 5–14].

В результате обсуждений и острых дискуссий были намечены основные аспекты реформы, которые обсуждались на I Всероссийском съезде по просвещению. В ходе его заседаний была одобрена новая система школьного образования в РСФСР с двумя ступенями: I ступень – начальная 5-летняя (4-летняя с 1923 г.), II ступень – средняя общеобразовательная в составе 6–9-х классов (5–9-х классов с 1923 г.; 5–10 классов с 1929 г.). II ступень школьного образования делилась на два центра: в состав первого входили программы 5, 6 и 7-х классов, второй включал в себя 8–9-е классы. На базе I ступени (начальная школа) и первого центра школы II ступени была создана семилетняя общеобразовательная школа. Базой для школ низшего профессионального образования была школа I ступени, которая включала в себя профшколы, учебно-производительские мастерские и т. п. Семилетняя школа выступала базой для средних и профессионально-технических учебных заведений, таких как индустриальные техникумы, педагогические, сельскохозяйственные и т. п. Самая старшая ступень школьного образования – 9-ти летняя школа – служила основой для дальнейшего обучения в высших учебных заведениях. Данный шаг в системе образования ликвидировал разнотипность общеобразовательных школ, которые существовали до событий Октября 1917 г. [Там же, с. 17].

После создания качественно новой системы школьного образования, советское руководство приступило к последовательному закреплению утвержденных приоритетов развития образования через действовавшие органы управления образованием и предприняло ряд детальных мер, направленных на ускорение процесса реформирования образовательной системы. Так, например, были приняты новые правила орфографии, т. к. старые были трудны для написания, произношения и запоминания, тем самым тормозили процесс школьного обучения. В октябре 1918 г. был принят декрет о введении новой орфографии [11, с. 1020–1021], который сыграл огромную роль в улучшении работы школы и облегчении работы учителей. Декрет ввел новые правила правописания, разработанные Народным Комиссариатом Просвещения. В школах начали уделять все больше времени развитию речи, классическим и художественным произведениям: был сформирован и специальный комитет по созданию письменности у народов, не имевших ее; вводилась временная мера по латинизации алфавитов тюркских и монгольских языков народов СССР, которая облегчила овладение взрослыми учащимися навыками чтения и письма. Вследствие чего в образовательный процесс были введены национальные меньшинства, которые имели возможность изучать историю своего народа.

В течение всего 1918 г. под руководством А.В. Луначарского, Н.К. Крупской и П.Н. Лепешинского в Государственной комиссии по просвещению шли обсуждения и разработка «Основных принципов единой трудовой школы» и «Положения об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [Там же, с. 1020–1021]. 16 декабря 1918 г. они были опубликованы под названием «Декларация о единой трудовой школе», которая стала ещё одним знаковым документом, определявшим направления государственной образовательной политики. В данной декларации говорилось о построении новых программ, в которых должен был быть заложен принцип организации учебного материала на основе общественно-трудовой деятельности. Теперь в организации и содержании методической работы было важно учитывать интересы учащихся, их активность, самореализацию, творческие способности. Огромную роль в воспитании подрастающего поколения стали отводить детскому физическому труду, который выражался в следующих формах: работа на пришкольном участке, самообслуживание учащихся в школе, производственный труд, развивались различные виды ремесленного труда. Всестороннему развитию личности учащихся придавалось особенное внимание. Особая роль в «Декларации о единой трудовой школе» отводилась демократизации школы, ее общедоступности и бесплатности. Именно через эстетическое воспитание и демократизацию учеб-

ного процесса большевики пытались достичь поставленных задач по воспитанию личности, способной реализовывать интересы Советского государства.

В декабре 1919 г. был принят ещё один документ, закреплявший новые приоритеты развития в сфере образования, – Декрет Совета Народных Комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» [3]. Ликвидация неграмотности рассматривалась как непереносимое условие для обеспечения всему населению возможностей сознательного участия в политической и хозяйственной жизни страны. Данный декрет предусматривал полную ликвидацию безграмотного Советского населения в возрасте от 8 до 50 лет, которые не умели читать и писать на родном языке. Обучение грамоте становилось обязательным для всех на родном или русском языке по выбору.

В ноябре 1921 г. в связи с усилением контроля над процессом реформирования системы образования было принято постановление «О связи партийных организаций с органами народного образования» [8, с. 20]. Оно закрепляло в себе следующее: для осуществления контроля над учебными заведениями предлагалось выдвинуть из членов партии людей, которые занимали руководящие должности в системе народного образования. Все мероприятия согласовывали с партийным руководством и проводили отчетность о работе школьных учреждений. Также в постановлении говорилось о том, что в делах школы, библиотечных советах и комитетах по содействию образованию было необходимо участие коммунистов. Большевики понимали, что будущих кадров советской политики необходимо воспитывать с самых ранних ступеней образования, поэтому партийное влияние стало основой для формирования кадров советской власти. С целью решения поставленных задач партия направила своих обученных людей для работы в органах народного образования.

Логическим завершением первого этапа государственной образовательной политики стало Постановление от 31 августа 1925 г. о введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети [7, с. 105–106], которое закрепляло приоритеты и направления реформирования системы образования, определённые в 1917 – начале 1920-х гг.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что государственная политика в отношении образования в 1917–1920-е гг. была направлена на реорганизацию основ образовательной системы, существовавшей в предыдущие годы, в корне изменила её сущность, цели и направление. В эти годы был заложен законодательный фундамент руководства системой образования, определены приоритеты её развития на долгие последующие годы.

Образование становилось главным инструментом воспитания. Данный процесс был взят под строгий контроль партийных органов. Вследствие общественных дискуссий, было разработано и подготовлено множество декретов и постановлений, послуживших основой для определения курса образовательной политики. Среди них: «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению», «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», «О ликвидации безграмотности», «О введении новой орфографии» и многие другие. Данный период государственной политики носил демократический характер, определил систему контроля и управления за образованием, была разработана и внедрена в практику новая концепция построения «нового человека и общества».

Необходимо отметить, что наряду с разработкой принципов и направлений реформирования системы образования в Советской России, параллельно шёл процесс реализации постановлений, что придавало данному процессу стихийный характер. Непосредственно на практике определялись положительные и отрицательные стороны предпринятых мер, осуществлялась их корректировка.

Первый этап деятельности советской власти решил задачи по разработке и принятию новой системы образования в Советском государстве, заложил основные аспекты воспитания советского гражданина и провозгласил всеобщее бесплатное начальное обучение, что говорило о плавном переходе ко всеобщему обязательному образованию.

Литература

1. Ашенова Т. М. Формирование системы законодательства об образовании в советской России в 1917–1930 гг.: дис. ... канд. юр. н. Омск, 2015.
2. Белицкая М.А. Формирование профессорско-преподавательского состава в вузах Нижнего Поволжья в 1930-е годы // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2015. № 8. С. 184–188.
3. Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР. 26 декабря 1919 г. ГАРФ. Ф. Р–130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (дата обращения: 19.02.18).
4. Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах. 20 января 1918 г. ГАРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5212. Л. 1–5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/08-33-dekret-svoboda-sovesti-1918.shtml> (дата обращения: 19.02.18).
5. Луначарский А.В. о народном образовании / под ред. Н.К. Гончарова. М.: Академия педагогических наук РСФСР. 1958.
6. Новиков С.Г., Забелинская О.С. Разработка А.В. Луначарским идеала «Нового человека»: ретроспективный взгляд // Учебный эксперимент в образовании. 2011. № 4. С. 10–14.
7. О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 31 августа 1925 г. // Народное образование в СССР. М., 1974.
8. О связи партийной организации с органами народного образования. Циркуляр УКРКП(б) от 4 ноября 1921 г. // Народное образование в СССР: сб. документов 1917–1973 гг. М., 1954.
9. Протоколы I Всероссийского съезда по просвещению, созванного Наркомпросом в Москве 25 августа 1918 г. М., 1919.
10. Синельников С.П. «Школа и государство перестали быть оплотом нравственности и морали»: Отмена и запрещение религиозного образования в школах Царицынской губернии в 1917–1925 годах [Электронный ресурс] // Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия» URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/2666194/> (дата обращения: 19.02.18).
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.

YULIA MALAKHOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE FORMATION OF THE PRIORITIES OF STATE EDUCATIONAL POLICY IN THE SOVIET STATE IN 1917–1920S

*The article deals with the main directions and priorities of state educational policy in the Soviet state in 1917–1920s.
The stages and factors of its evolution are characterized.*

Key words: *state policy, education, decree, resolution, education reformation.*

УДК 94(47)

У.А. МАРДАНОВА
(ulduz.mardanova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТАЛИНГРАДА
В 1943-1950-Е ГГ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

*Анализируется историографический аспект политики Советского государства
по восстановлению промышленности Сталинграда в 1943–1950-е гг.*

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, историография, партийные
и государственные органы власти, политика восстановления промышленности.

Практически на всем протяжении последних семидесяти лет в публицистике и исторической науке многих стран мира востребованным и актуальным остается исследование проблемы восстановления Советской России после окончания Великой Отечественной войны. Память о колоссальных человеческих жертвах, трудовом подвиге народа, возрождении из руин городов – все это заставляло исследователей обращаться к историографическим материалам, отзывам и воспоминаниям еще живых очевидцев, вне зависимости от национальной принадлежности, для того чтобы исследовать феномен трудового героизма непобежденного народа. Среди публицистической и научно-исторической литературы особое место занимают источники, повествующие о восстановлении разрушенного практически до основания Сталинграда в период 1943–1950-х гг.

Все имеющиеся на сегодняшний день историографические источники, посвященные восстановительному периоду разрушенного войной Сталинграда, можно условно разделить на четыре группы: первую группу составляют источники, анализирующие восстановление промышленности; вторую группу составляют источники, анализирующие восстановление сельского хозяйства; третью группу составляют источники, анализирующие восстановление экономики и четвертую группу составляют источники, анализирующие восстановление социальной сферы и градостроительства.

В данной статье будет рассматриваться группа историографических источников, которые посвящены реализации политики Советского государства по восстановлению промышленности разрушенного войной Сталинграда.

Исследованию вопросов реализации политики Советского государства по восстановлению промышленности Сталинграда в 1943–1950-е гг. посвящены труды многих ученых как советского, так и постсоветского периодов.

Так, во многих работах советского периода освещались вопросы развития индустрии промышленности не только в целом по стране, но и в разрезе каждого региона. Сталинград не стал исключением.

Ю.А. Приходько в своей монографии «Восстановление индустрии: 1942–1950» провел анализ основных этапов восстановления промышленности страны в целом и в Сталинграде, в частности, выявил общие черты и особенности каждого из них [17]. Монография автора посвящена теме возрождения промышленности военного и послевоенного периода, уделено внимание специфике восстановления промышленности в отдельных экономических районах и крупных центрах, возрождению важных отраслей тяжелой и легкой индустрии. Восстановление промышленности автор рассматривает как сложный процесс, включающий в себя: воссоздание производственных мощностей и рабочих коллективов, организацию производства продукции, соответствующей профилю предприятия, и другие проблемы. Не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, Ю.А. Приходько основное внимание сосредоточил на анализе поэтапного развития восстановительного процесса и выявлении особенностей каждого этапа. В книге нашли отражение как сложности восстановительного процесса, его противоречия, так и пути их преодоления [Там же].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

В монографии старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, кандидата исторических наук М.И. Хлусова «Развитие советской индустрии. 1946–1958» впервые предпринята попытка комплексного исследования промышленности, рабочего класса и производственной интеллигенции второй половины 1940–1950-х гг. [21].

Развитие индустрии послевоенного Сталинграда автор рассматривает как сложный и многоплановый процесс, включающий в себя экономическую и техническую политику Коммунистической партии и Советского государства, восстановление и дальнейший подъем промышленности, проблему кадров рабочих и специалистов, организацию социалистического соревнования и другое. Большой интерес представляют, впервые вовлеченные в научный оборот, архивные материалы, позволившие автору обстоятельно изучить важнейшие аспекты темы.

М.И. Хлусов называет задачи, стоявшие перед промышленностью послевоенного Сталинграда в исследуемый период; показывает организационную перестройку и совершенствование руководства промышленностью в четвертой пятилетке, поиски оптимальных форм управления в 1950-е г.; рассматривает причины реорганизации управления индустрией на основе экономических административных районов (совнархозов), которая была осуществлена в соответствии с законом Верховного Совета СССР от 10 мая 1957 г. Автор также отмечает как позитивные, так и негативные моменты этой структуры управления; дает всесторонний анализ объективных и субъективных трудностей на пути совершенствования руководства промышленностью [Там же].

В 1982 г. в издательстве «Высшая школа» вышел учебник Ю.А. Полякова «Историография истории СССР эпоха социализма» [16], одна из глав которого была посвящена как раз вопросу восстановления промышленности послевоенного Сталинграда. Особое внимание было уделено восстановлению таких заводов как: «Красный Октябрь», «Тракторный завод».

Ситуация, сложившаяся в стране и в исторической науке с начала 1990-х гг., побудила многих исследователей пересмотреть свой методологический, концептуальный и источниковый арсенал и обратиться к новым, ранее закрытым темам. Внимание В.С. Лельчука и М.А. Молодцыгина привлекла проблема послевоенной конверсии Сталинграда [15]. Ими были проанализированы постановления Государственного Комитета Обороны о переводе народного хозяйства на мирные рельсы и последовавшие изменения в работе наркоматов и плановых органов. Данным исследователям удалось выявить основные способы конверсии и, основываясь на материалах XIX съезда КПСС, показать укрепление мощи советского военно-промышленного комплекса (ВПК) к началу 1950-х гг., по сравнению с предвоенным 1940 г. В публикации поставлен, но не раскрыт вопрос о трудностях перевода предприятий Сталинграда на выпуск гражданской продукции.

Первое монографическое исследование о советском ВПК опубликовал Н.С. Симонов «Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления». Одна из глав книги посвящена послевоенному Сталинграду периода 1946–1950-х гг. На базе архивных данных, впервые введенных в научный оборот, Н.С. Симонов определил главные тенденции, действовавшие в военно-промышленном комплексе в послевоенные годы в Сталинграде. Уделив особое внимание осуществлению программ по его модернизации, он показал результаты конверсии 1946–1947-х гг. и сделал обоснованный вывод, что в 1950-м г. выпуск оборонной продукции сократился не только относительно периода войны, но и предвоенного 1940-го г. [20].

В постсоветский период особый интерес вызывает монография Н.В. Кузнецовой «Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953)», изданная в 2002 г. в издательстве Волгоградского государственного университета [11]. Монография посвящена изучению целого круга вопросов, связанных с организацией восстановления и развития экономики Нижнего Поволжья в целом и Сталинграда, в частности, после Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов в книге анализируются направления и итоги развития промышленности региона; основные факторы, повлиявшие на работу предприятий; положение индустриальных работников.

Таким образом, проведенный анализ некоторых историографических источников по исследуемой теме показал, что на данный период отсутствуют исследования, которые полностью были бы посвящены восстановлению промышленности послевоенного Сталинграда в 1943–1950-е гг. Многие работы содержат лишь поверхностное ознакомление с данным процессом или рассматриваются в единстве с развитием промышленного комплекса Советского Союза. Проблема, по мнению автора статьи, в основном заключается в том, что современные тенденции исследования послевоенного периода развития промышленности Сталинграда характеризуются снижением интереса именно к данной тематике со стороны молодых ученых.

Литература

1. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции: документы и материалы. М.: Политиздат, 1967.
2. Ананов Н.И. Местные Советы в период Отечественной войны // Советское государство и право. 1946. № 1. С. 23–25.
3. Белов П.А. Вопросы экономики в современной войне. М.: Воен. изд-во, 1951.
4. Булганин Н.А. Тридцать лет Советских Вооруженных Сил: доклад на Торжеств. заседании в Большом театре в Москве. 23 февр. 1948 г. М.: Госполитиздат, 1948.
5. Грановский Е.А. Советская промышленность в Великой Отечественной войне. М., 1949.
6. Двойнишников М.А. Руководство КПСС восстановлением и развитием промышленности в послевоенный период. М.: Политиздат, 1977.
7. Диренко Е.Д. Советское государство в Великой Отечественной войне: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1950.
8. Калинин М.И. Работа Советов в условиях войны // Избранные статьи и речи (1941–1946). М., 1975.
9. Кузнецова Н.В. Восстановление жилищно-коммунального хозяйства в областях Нижней Волги в послевоенные годы (1945–1953 гг.) // Стрежень. 2003. Вып. 3. С. 88–94.
10. Кузнецова Н.В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 гг. // Вестник ВолГУ. 2003. Сер. 4. Вып. 8. С. 12–19.
11. Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953) Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002.
12. Кузнецова Н.В. Нижнее Поволжье в 1945–1953 гг.: социальные проблемы послевоенного восстановления и развития: моногр. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2010.
13. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950. Волгоград: Издатель, 2002.
14. Кузьмина Э.В. Народнохозяйственный комплекс Сталинграда: особенности восстановления в военный и послевоенный период, 1943–1959 гг.: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2001.
15. Лельчук В.С., Молодцыгин М.А. Послевоенная конверсия // СССР и холодная война / под ред. В.С. Лельчук, Е.И. Пивовар. М.: Мосгорархив, 1995. С. 99–141.
16. Поляков Ю.А. Историография истории СССР (эпоха социализма): учебник / под ред. И.И. Минца. М.: Высш. школа, 1982.
17. Приходько Ю.А. Восстановление индустрии: 1942–1950: моногр. М.: Мысль, 1973.
18. Приходько Ю.А. Восстановление промышленности в освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов СССР (1942–1945 гг.) // История СССР. 1968. № 6. С. 9–24.
19. Промышленность и рабочий класс СССР. 1946–1950: документы и материалы. М.: Наука, 1989.
20. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: РОССПЭН, 1996.
21. Хлусов М.И. Развитие советской индустрии. 1946–1958. М.: Наука, 1977.

ULDUZ MARDANOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

RESTORATION OF THE INDUSTRY IN STALINGRAD IN 1943–1950S: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

The article deals with the analysis of the historiographical aspect of the policy of the Soviet state aimed at the restoration of the industry in Stalingrad in 1943–1950S.

Key words: the Great Patriotic War, Stalingrad, historiography, party and state authorities, the policy of industrial restoration.

УДК 94(47)

В.С. МОРОЗОВА

(vika.morozova94@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: МЕМУАРЫ Г.К. ЖУКОВА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ***

Рассматриваются позиции авторов относительно источников личного происхождения. Анализ военных мемуаров Г.К. Жукова и определение значения в изучении Сталинградской битвы.

Ключевые слова: *методы, воспоминания, исторический источник, Сталинградская битва.*

*«Слова, записанные на бумаге, имеют
большие шансов остаться в памяти»*

Джон Максвелл

Единственное, что человек может сохранить – это память, но, к сожалению, и она подвергается искажению.

На наш взгляд, одним из достоверных источников выступают мемуары самих участников исторических событий.

По нашему мнению, мемуары – искреннее повествование, признание, описание тех или иных событий, происходивших в жизни человека, во время определенного периода его жизни.

Потенциал мемуаров военного времени позволяет определить то, как авторы воспринимали время, в которое они жили; передавали настроение эпохи; писали представление о жизни на войне.

В.В. Кабанов изучает источники личного происхождения, рассматривая, прежде всего, субъективность данного вида источников. Он пишет о зависимости источников от определенных взглядов, суждений, а также мнений и представлений самого автора источника. Ведь его субъективность, так или иначе, является неотъемлемым свойством всех источников данного вида. Делая акцент именно на данном свойстве источников личного происхождения (относительно мемуаров), автор В.В. Кабанов подчеркивает, что источники, как никакой другой документ, субъективны, и это не является недостатком, а, наоборот, выступает определенным свойством, которое отражает на себе отпечаток личности автора. Если бы отсутствовало данное свойство, то воспоминания были бы безликими [5].

Л.П. Репина пишет о комплексном анализе исторических источников, указывая на то, что источники личного происхождения требуют субъективного анализа, т. к. исследователь не имеет прямого контакта с прошлой реальностью и понять эту реальность можно только в комплексе [7].

Источники личного происхождения также отражают информацию, которая прошла через память человека и может изменяться в зависимости от объективных особенностей памяти, а также под влиянием социальных факторов. Именно на это обращал внимание психолог и философ С.Л. Рубинштейн [5].

Отметим автора Георгиеву Н.Г., которая указывает на то, что источники личного происхождения в современной российской исторической науке не рассматриваются как второстепенные носители исторической информации. Автор пишет, что в современном источниковедении снят характерный для советского периода развития обществоведения вопрос об отношении к источникам личного происхождения как «неполноценным свидетельствам» с ориентацией источниковедческого анализа на преодоление субъективизма и установление достоверных фактов [1].

Согласно Георгиевой Н.Г. «В источниковедческом аспекте мемуары – особый вид письменных исторических источников, отражающих понимание автором прошедшей действительности и его историческое самосознание, опирающееся на его общественные взгляды и политическую позицию. Важно

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

учитывать, что в воспоминаниях ярко проявляется дуалистическая природа исторических источников. С одной стороны, мемуары фиксируют информацию о прошлом и, следовательно, являются его отражением, а, с другой, представляют собой часть эпохи, в которой они возникали, и того времени, когда они публиковались, становясь известными широкому кругу читателей и выполняя при этом свою социальную функцию» [1].

Большую роль при изучении вопросов Сталинградской битвы играют мемуары военачальников, солдат и гражданского населения, ведь именно они написаны самими участниками событий, которые своими глазами видели происходящее в данный исторический период.

Особую роль хотелось бы уделить воспоминаниям Г.К. Жукова. События в мемуарах военачальника описаны в хронологическом порядке и разделены на периоды.

Мемуары Г.К. Жукова рассказывают не только о событиях Второй Мировой войны, но также о детстве, юности, участии в Гражданской войне и т. д.

Маршал работал над своим трудом около десяти лет, перерабатывал главы, исправлял ошибки, а также добавлял документы, что свидетельствует о достоверности информации, которая подкреплена официальными данными.

Также в воспоминаниях встречаются отрывки из переговоров, например, переговоры Б.М. Шапошникова, С.К. Тимошенко, К.Е. Ворошилова, о стратегии при рассмотрении плана наступательной операции во время Сталинградской битвы.

В воспоминаниях военачальника две главы посвящены событиям Сталинградской битвы. Мемуары интересны тем, что автор даёт подробную характеристику не только военным событиям, но и описывает гражданскую жизнь людей, пишет про настроение и воодушевление советского народа в связи с крупной победой в районе Москвы.

В воспоминаниях представлены точные сведения о количестве боевой техники, орудий и численности личного состава.

Автор оценивает события со своей позиции, выражает согласие или не согласие с определенной стратегией, именно поэтому мемуары представляют большую ценность.

При написании воспоминаний Г.К. Жуков также использовал отрывки из мемуаров и других военачальников, например, А.М. Василевского, что свидетельствует о комплексном изучении вопроса Сталинградской битвы автором.

Г.К. Жуков писал свои мемуары не просто «по памяти», автор опирался именно на разнообразные источники, например: тексты официальных документов, записи особо важных разговоров, архивные материалы, письма, приказы, а также и на воспоминания других авторов, которые на тот момент времени являлись очевидцами событий, освещаемых автором.

Отметим также тот факт, что автор Г.К. Жуков очень подробно дает описание всех основных военных операций, освещает много сведений о состоянии армии и в особенности тыла.

Ценность такой информации состоит в том, что все события описываются с точки зрения самого маршала. Именно это и делает мемуары важными, т. к. читатель может понять, как проходило детство, юность и служба автора, его личность через рассказы автора о своей жизни, используя его суждения и оценки.

Отметим важность системного подхода к информации воспоминаний, реализованного через применение традиционных исторических методов (описательный, хронологический, сравнительный, текстологический).

Анализ источников позволяет рассмотреть внутреннее и внешнее содержание. В свою очередь, синтез позволяет соотнести виды источников личного происхождения и проследить общее и различное в содержании мысли.

Итак, в настоящее время всё большую актуальность приобретает вопрос сохранения исторической памяти о событиях Сталинградской битвы, предотвращении фальсификаций в ходе её изучения. В данном случае, значение мемуаров, как исторического источника, заключается, во-первых, в нали-

чии в них большого фактического материала, зачастую дополняющего другие виды источников; во-вторых, мемуары полны впечатлениями, наблюдениями, оценками и рассуждениями авторов об описываемых событиях, что является очень ценным для исследователей Сталинградской битвы.

Подводя итог, следует отметить, что воспоминания – это очень важный, субъективный, но в тоже время достоверный источник, который несет в себе очень много тайн. Это такой вид источника, который дает очень важные сведения о периоде борьбы СССР с фашистской Германией.

Литература

1. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2012. № 1. С. 126–138.
2. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманит. спец. М.: РГГУ, 1998.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3-х т. 6-е изд. М.: АПН, 1985. Т. 1.
4. Кабанов В.В. Мемуары // Источниковедение новейшей истории России. Теория, методология, практика / А. Соколов, Ю. Бокарев, Л. Борисова, С. Журавлев, В. Кабанов, В. Магидов, М. Мухин, В. Тяжелникова. М.: Высшая школа, 2004. С. 283.
5. Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений [Электронный ресурс] // Электронные журналы. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_11431.html (дата обращения: 01.05.18).
6. Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Ч. 2.
7. Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образцы и судьбы. СПб.: Алетейя, 2010.

VICTORIYA MOROZOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE MEMOIRS OF GEORGIY ZHUKOV AS A HISTORICAL SOURCE OF STUDYING THE BATTLE OF STALINGRAD

The article deals with the authors' positions regarding the sources of personal origin. The military memoirs of Georgiy Zhukov and the definition of their significance in the process of studying the Battle of Stalingrad are analyzed.

Key words: *methods, memories, historical source, the Battle of Stalingrad.*

УДК 902

В.А. ПИСКОТИНА

(viktoria.piskotina@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
СЪЕЗДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
(на примере VII–XVI съездов)***

Выявлены особенности и трудности организации и проведения Всероссийских Археологических съездов второй половины XIX – начала XX вв. Проанализированы труды и мемуары П.С. Уваровой, связанные с проведением VII–XVI археологических съездов. Выявлен вклад в данное дело А.С. Уварова и П.С. Уваровой.

Ключевые слова: *Археологический съезд, «Труды»,
П.С. Уварова, А.С. Уваров, археология.*

Всероссийские Археологические съезды (АС), берущие свое начало с 1869 г. и прерванные в 1914 г., условно, можно разделить, на наш взгляд, на два периода. Первый охватывает 1869–1884 гг., когда роль организатора играл Алексей Сергеевич Уваров. Второй, соответственно, с 1885 по 1914 г., связан с именем его супруги Прасковьи Сергеевны. «Труды» шестого археологического съезда, вышедшие в свет в 1886 г., содержат статью, которая посвящена личности А.С. Уварова, его вкладу в дело по устройству и проведению съездов, созданию Московского Археологического общества, Исторического музея, осуществлению археологических исследований в России [6, с. 3–10].

После смерти А.С. Уварова (декабрь 1884 г.) председателем последующих съездов в России стала его супруга Прасковья Сергеевна [7, с. 129]. Напомним, что в 1884 г. состоялся шестой АС, в организации и подготовке которого огромную роль сыграл А.С. Уваров. Всего же в России в дореволюционный период их было проведено пятнадцать. Шестнадцатый съезд, открытие которого было запланировано на 1914 г., а местом проведения должен был стать Псков, был закрыт за несколько дней до начала работы по объективным причинам. В данной работе речь пойдет об организации и проведении археологических съездов, начиная с седьмого и заканчивая шестнадцатым, а также об особенностях и трудностях, связанных с их подготовкой, т. е. об условно выделенном втором периоде в данном деле.

Уже в 1885 г. П.С. Уварова стала председателем Императорского Московского Археологического общества (ИМАО) и сразу поставила вопрос о продолжении традиции проведения археологических съездов в России. На наш взгляд, проведение седьмого съезда само собой уже является особенностью данного форума, т. к. стоял вопрос об организации и проведении съездов вообще.

Вопрос о месте проведения данного съезда решился не сразу. Изначально АС должен был состояться в Харькове по решению шестого Одесского съезда, но в сентябре 1885 г. на очередном заседании графиня П.С. Уварова предложила заменить Харьков на Ярославль, аргументируя свою позицию «отсутствием памятников древности как в самом Харькове, так и в его окрестностях» [3, с. 96]. Интересно и удивительно, что Харьков в будущем станет местом проведения двенадцатого съезда. VII съезд состоялся в 1887 г. в Ярославле. В работе приняли участие 240 человек, было проведено 21 заседание, представлено 69 рефератов [1, с. 257]. Из «Известий о занятиях Седьмого Археологического съезда» мы узнаем о том, что перед началом работ АС состоялась панихида в память о графе. Затем председатель Ученого комитета С.М. Шпилевский произнес речь, в которой высказал сожаление о смерти «руководителя, первого, самого усердного работника всех бывших съездов», а также акцентировал внимание на фигуре Прасковьи Сергеевны, как продолжательницы сложившейся традиции [2, с. 1].

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Следующий археологический съезд (VIII) был проведен в Москве в 1890 г. Выбор города связан с празднованием двадцатипятилетнего юбилея Императорского Московского археологического общества. Несмотря на то, что Москва ранее уже была местом проведения АС, восьмой съезд было решено провести именно здесь. В своих мемуарах графиня записала следующее: «Ко дню празднования была издана составленная мною записка о деятельности Общества и археологических съездов за время его существования – со дня открытия и до кончины мужа, его основателя и несменного председателя» [7, с. 139]. Следует отметить, что празднование такого знакового события нашло свое отражение не только в выборе места проведения съезда, но и в устройстве археологической выставки при съезде, в состав которой вошли коллекции ИМАО.

IX археологический съезд проходил в Вильне в 1893 г. В работе съезда участвовало 411 депутатов, было представлено 78 рефератов, проведено 26 заседаний в 10 отделениях [Там же, с. 270]. Особенностью организации данного съезда стала популяризация сведений, с одной стороны, о проведении АС вообще, а с другой, с призывом к изучению Западной России. Во время первого заседания Предварительного комитета по устройству и проведению в Вильне съезда в январе 1891 г. был предложен перечень вопросов и запросов, ответы на которые желательно было получить к моменту проведения самого съезда. Было обнаружено, что эти исследования помогут в расширении знаний, касающихся прошлого всей Западной России. Соответственно, причиной такой широкой популяризации данных вопросов и запросов является именно необходимость в углублении или поиске новых сведений об этом регионе. Предполагалось, что статистические комитеты шести северо-западных губерний напечатают список указанных вопросов в своих источниках в 1892 г. [5, с. 4–5].

X археологический съезд был организован в 1896 г. в Риге. В работе приняли участие 624 депутата, было представлено 98 рефератов, в 10 отделениях проведено 33 заседания [7, с. 271]. Из Журнала Министерства народного просвещения мы узнаем, что работа участников съезда была плодотворной и усердной, но негативным моментом отмечается отсутствие системности во всей деятельности. Мы уже говорили о том, что Предварительным комитетом заранее составлялся список вопросов и запросов, на которые ученому сообществу желательно получить сведения. К данному съезду предлагалось более двухсот вопросов, из них на заседаниях самого съезда было получено менее трети ответов, в частности, лишь около тридцати из них обсуждались. Кроме того, весь поток поступившей информации нельзя объединить в одно целое или распределить по группам [1, с. 76].

XI съезд было решено созвать в 1899 г. в Киеве, хотя изначально местом проведения планировалась Варшава. В работе участвовало 500 депутатов, представлено 130 рефератов в 10 отделениях, проведено 47 заседаний [7, с. 272]. В этом городе съезд собирался во второй раз. Изучая Протоколы к данному съезду, в частности, отчет об XI Археологическом съезде, сталкиваемся с тем фактом, что из всех членов первого Киевского съезда лишь 14 стали участниками заседаний в 1899 г., о чем высказано сожаление председателем съезда [4, с. 175].

XII археологический съезд начал свою работу в Харькове в 1902 г. Напомним, что этот город уже рассматривался в качестве места проведения седьмого съезда, но затем был заменен на Ярославль из-за отсутствия памятников древности. Эта ситуация вызывает различные вопросы, ответы на которые пока не найдены. В своих мемуарах Прасковья Сергеевна высказала мысль о том, что Харьков – единственный университетский город России, который в течение длительного периода проведения археологических съездов «отклонял от себя честь принять в своих стенах собрание русских ученых» [7, с. 178]. В этот раз выбор города был не случайным, харьковский представитель обратился к графине и попросил о проведении следующего съезда в Харькове. В связи с этими событиями можно предположить, что в момент решения вопроса о месте проведения седьмого съезда ученое сообщество Харькова самостоятельно отказалось от этой миссии. В заседаниях участвовало 402 депутата, представлено 93 реферата, проведено 32 заседания в 9 отделениях [Там же, с. 274]. Огромная благодарность высказана П.С. Уваровой городскому общественному управлению, который был готов к сотрудниче-

ству, что подтверждается поездкой члена Городской управы Щелкова на заседания Московского Предварительного комитета с целью ознакомления с планами МАО касательно устройства съезда.

Рассматривая XIII и XIV съезды, важно подчеркнуть, что в мемуарах графини информация об их месте и времени проведения перепутана, что подтверждается комментариями. Для этого еще раз уточним, что XIII АС проводился в Екатеринославе в 1905 г., а XIV – в Чернигове в 1908 г. Исходя из даты проведения тринадцатого съезда, нетрудно заметить в каких исторических условиях шла его подготовка и проведение. Тревожность прослеживается и в тексте мемуаров. Стоит отметить, что она была оправданной. Сложившаяся ситуация довольно подробно описана Прасковьей Сергеевной. На последнем собрании АС во время выступления последнего референта в зал заседаний ворвалась группа из 5 человек, не являющихся членами съезда. На вопрос П.С. Уваровой о цели визита последовал ответ: «мы хотели выразить Московскому Археологическому обществу порицание за то, что оно не так ведет собрание, как нам то нужно» [7, с. 186]. Как мы видим, беспокойные исторические условия отразились и на работе самого съезда.

XV Археологический съезд, по праву, можно назвать последним дореволюционным съездом, который не только был организован, но и состоялся. Из его особенностей можно назвать только то, что «съезд прошел с меньшим подъемом и интересом к научным вопросам, чем обыкновенно» [Там же, с. 187].

Завершая обзор дореволюционных АС стоит сказать несколько слов о шестнадцатом съезде. За три дня до открытия, в момент сбора участников съезда, губернатор предупредил Прасковью Сергеевну о том, что съезд необходимо отменять из-за приближающейся войны с Германией. Графиня не послушалась, надеясь, что ситуация прояснится, но в итоге, за день до начала работ съезд был закрыт.

Анализ работы археологических съездов позволил сделать вывод, что количество участников, делов и заседаний варьировалось в зависимости от съезда, места проведения. Если обратить внимание на даты проведения, то можно проследить следующую закономерность: съезды проводились каждые 3 года. Это связано с тем, что за это время удавалось выпустить протоколы заседаний и труды предыдущего АС, а также заняться подготовкой будущего. Предварительный комитет начинал свою работу за два года до открытия съезда с целью изучения региона проведения.

Сама Прасковья Сергеевна, подводя итог делу организации археологических съездов, записала: «честное и сердечное отношение к съездам продержалось все время их созыва, и только в Екатеринославе темные силы прорвались...» [Там же, с. 191]. Действительно, нетрудно заметить, что проведение археологических съездов в России после смерти главного организатора, как его называют многие ученые, не только не приостановилось, но и продолжилось с не меньшей силой, упорством и желанием, несмотря на все трудности и сложности. Особенно хочется отметить вклад в это дело П.С. Уваровой. На наш взгляд, продолжение традиции есть самый главный итог, доказательство того, что дело Алексея Сергеевича Уварова было начато не зря. Подтверждение этому мы можем найти и в настоящее время. Как известно, Всероссийские Археологические съезды после 1914 г. в привычном виде не проводились, и только в 2006 г. произошло их возрождение.

Литература

1. Десятый Археологический съезд в Риге // Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCVIII. СПб., 1896. С. 39–77.
2. Известия о занятиях Седьмого Археологического съезда в Ярославле. № 1. Ярославль, 1887.
3. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890.
4. Протоколы // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899. Т. 2, М., 1902.
5. Труды Виленского отделения Московского Предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна, 1893.
6. Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. 1. Одесса, 1886.
7. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005.

VICTORIYA PISKOTINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ORGANIZATIONAL FEATURES OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL CONGRESSES
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES
(based on the 7–16th congress)**

The features and difficulties of the arrangement of the Russian Archaeological congresses in the second half of XIX – beginning of the XX centuries are revealed. The Proceedings and the memoirs of Praskovya Uvarova, connected with the arrangement of the 7–16th Archaeological Congresses, are analyzed. The contribution of Praskovya Uvarova and Alexey Uvarov in the Archaeological Congress is under consideration.

Key words: *the Archaeological Congress, The Proceedings, Praskovya Uvarova, Alexey Uvarov, archeology.*

УДК 904

А.В. ПИСЬМАРОВА

(pismarova1407@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ ДРАКОНА В ДЕКОРЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ УКРАШЕНИЙ*

Рассматривается образ дракона в культуре Золотой Орды. Анализируется происхождение и семантическое значение символа дракона. Определяются основные характеристики внешнего облика дракона. Выявляются культурные связи Китая и Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, дракон, Золотая орда, Китай, декор, украшения, культура.

Дракон является одним из самых распространенных сюжетов в мировой культурной традиции, в которой нашли отражение различные этапы развития мировоззрения людей. Дракон – это сложный символ, мифологическое существо, которое присутствует во многих культурах, главным образом Азии. В его облике объединялись различные животные, которые символизировали противоположные миры: верхний (имел крылья, как у птицы) и нижний (имел тело змеи). Это обуславливает первую проблему в изучении данного символа – идентификации. На протяжении длительного времени образ дракона претерпевал различные изменения, появлялись новые элементы (усы, конкретное число когтей на лапах) и совершенствовались старые (вместо одной ноги появляется четыре). За много веков существования драконьего сюжета и его культа произошла их значительная трансформация в связи с их распространением и временной протяженностью. Происхождение образа дракона чаще всего относят к культуре Китая. Образ первобытного дракона относится ещё к эпохе неолита 8000–2100 гг. до н. э. (юань лун). Самые ранние находки, связанные с образом дракона, были обнаружены на стоянках, относящихся к культуре Синлунва (6200–5400 гг. до н. э.) на северо-востоке Китая. На стоянках культуры Яншао (5000–3000 до н. э., среднее течение р. Хуанхэ) близ Сиани были обнаружены глиняные горшки с драконьими мотивами. В 1987 г. была раскопана могила в Цзыян (пров. Хэнань), также отнесенная к культуре Яншао, возраст которой был около 6 тыс. лет, где рядом с останками мужчины был обнаружен дракон, сделанный из раковин мидий. Керамика с драконообразными мотивами была обнаружена при раскопках культуры Лянчжу (3400–2250 до н. э., нижнее течение и дельта р. Янцзы) [3]. Тот вид дракона, который известен нам в настоящее время, появляется в эпоху Шань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.).

Ученый ханьского времени Ван Фу записал такое описание дракона, согласно которому он имеет девять анатомических подобий: «Люди рисуют дракона с головой лошади и змеиным хвостом. Далее, существует выражение как «три соединения» и «девять подобий» (дракона). В направлении от головы к плечам, от плеч к груди, от груди к хвосту – это соединения. Девять подобий следующие: его рога – как у оленя, его голова – как у верблюда, его глаза – как у демона, его шея – как у змеи, его брюхо – как у моллюска, его чешуя – как у карпа, его когти – как у орла, его подошвы – как у тигра, его уши – как у быка. На своей голове он имеет нечто, похожее на широкий выступ (большую глыбу), которая называется чиму. Если у дракона нет чиму, он не может подняться в небеса» [Там же].

Китайские драконы внешне напоминают друг друга, но подразумевают разные эмоциональные и абстрактные идеи в разных контекстах. Драконы в восточной символике имеют большое разнообразие относительно символического значения при сходных внешних характеристиках. Таким образом, восточноазиатские драконы внешне гомогенны, но гетерогенны как символы [14].

Имеются точки зрения, что «ханьский» дракон появился вначале у племен Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э., чтобы позже «вернуться» в Китай как заимствование.

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

По другим наблюдениям, истоки образа дракона следует искать на Востоке, в дальневосточном центре возникновения производящего хозяйства. На Ближний Восток мотив дракона-ящера мог попасть через Индию, а на Север Европы – через Сибирь. А.М. Решетов [11, с. 81–93] указывает на широкую географию распространения символа дракона, а районом его формирования считает Юго-Восточную Азию. Он особо подчеркивает, что культ дракона с давних времён существовал у древних аборигенов Индокитая. Доказательством этого утверждения являются его изображения на бронзовых барабанах культуры Донгшон, которые использовались в культовых целях.

В пользу китайского происхождения кусающего свой хвост дракона свидетельствует погребальный комплекс из курганного могильника Маляевка-V, который датируется XIII – начало XIV вв., расположенного на правом берегу р. Ахтубы, вблизи Царевского городища. В 1998 г. в насыпи кургана 8 было исследовано погребение ребенка, где среди инвентаря находились серебряные с позолотой бляшки, с ажурными накладками из слоновой кости. На них было вырезано изображение свернувшегося в кольцо дракона, кусающего свой хвост. Туловище и лапы покрыты рядами резных углублений. От головы дракона назад отходят изогнутые S-видные рога с завитком на конце. На нижней челюсти имеется небольшая борода, а на затылке – подтреугольные заострённые крылья, на которых прорезаны продольные бороздки. Нос дракона загнут вверх завитком. Бляхи видимо служили украшением головного убора [Там же, с. 34]. Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г. относят эти украшения к китайскому происхождению [6, с. 233–246].

При упоминании данного погребального комплекса целесообразно перейти к вопросу распространения образа дракона на территории Золотой Орды. По мнению М.Г. Крамаровского, в монгольском прикладном искусстве образ дракона распространился с XIII в. [4, с. 412]. В золотоордынский период его изображения известны на значительной территории и различных изделиях: на поясных накладках, зеркалах, тканях, посуде, предметах вооружения и украшениях.

Так, например, на территории Золотой Орды бытовали пластинчатые браслеты с изображением дракона. Примером являются браслеты Симферопольского клада. Это парные браслеты, круглые в сечении, со схематическими резными головами драконов на концах. Головы частично покрыты чешуйчатым орнаментом [9, с. 7].

Другим примером использования образа дракона в украшениях является серебряная серьга с Водянского городища. Один её конец был загнут в петельку и оформлен в виде головы дракона, с детальной двусторонней проработкой уха, глаз, разинутой пасти [8, с. 37]. Также примечательными находками украшений являются глиняные формочки для отливки металлических украшений в виде стилизованного изображения дракона (обнаружены на городищах Укек и Самосдельское). Однако Е.М. Болдырева отмечает, что дракон на формочке из Укека отличается от традиционных китайских: у него отсутствует чешуя, нет рогов и гривы и т. д. [2].

Изображение дракона можно встретить и на зеркалах, являющихся атрибутом женского туалета. Примером является зеркальце, найденное у х. Николаевского. Это – круглое зеркало, на обороте, в центре которого круглая площадка, вокруг которой плохо различимое рельефное изображение стилизованных драконов, ограниченное тремя концентрическими валиками и широким бортиком [10, с. 224]. А.В. Пьянков и Б.А. Раев в своей работе обозначают данную находку, как плохую реплику китайского зеркала сунского времени, что, в свою очередь, снова подтверждает факт заимствования. Большая коллекция зеркал собрана с территории городища Укек. На Болгарском городище было обнаружено 54 экземпляра зеркала с изображением драконов и сидящих между ними божеств. Особенностью золотоордынских зеркал является большая стилизованность изображения дракона по сравнению с изображением на тканях [2].

Немногочисленными случаями являются поясные наборы с изображением драконов. Такие поясные наборы были обнаружены на территории города Болгара и на некоторых других памятниках эпохи Золотой Орды. Наиболее ярким примером является поясной набор из погребения могильника «Олень Колодезь» на Дону. Это серебряная позолоченная пряжка от парадного кожаного пояса. Она состоит

из сложно профилированной рамки, щитка и язычка. Между собой эти серебряные детали соединены железной осью. Лицевая поверхность рамки украшена тиснеными изображениями двух обращенных друг к другу драконов. Снаружи рисунок доработан точечной чеканкой. Щиток сделан из согнутой пополам прямоугольной пластины, сверху покрыт растительным орнаментом, а снизу – геометрическим, выполненным методом точечной чеканки [5, с. 97]. Также интересной находкой представляется поясной набор, найденный на территории городища Красный Яр в Астраханской области, украшенный стилизованным изображением дракона, с тщательно проработанными деталями. Е.М. Болдырева указывает на то, что дракон, в данном случае, изображен в китайском стиле, но с несоблюдением некоторых канонов изображения [2].

При определении значения изображения дракона на любой из категорий убранства необходимо учитывать вид дракона. Будь то летящий, играющий с жемчужиной, в виде узла или свернувшийся в кольцо дракон.

Интересной, относительно генезиса мотива свернувшегося в кольцо дракона в золотоордынский период, является находка бронзового медальона в Отраре (Южный Казахстан). На одной его стороне изображен всадник, стреляющий из лука, на второй – закрученный в кольцо дракон. Лапы когтистые, трехпалые; задние ноги повернуты вверх. Узкое змееподобное тело имеет волнистый гребень на спине. Хвост на конце загнут в растительный усик, смыкаясь с оскаленной пастью рептилии. Находка происходит из культурного слоя конца XIII – начала XIV в., датируется XIII в. М.В. Ельников в своём исследовании указывает, что дракон из Отрара близок по изображению китайскому небесному дракону «лун» [4, с. 413]. Две стороны медальона противопоставлены друг другу: реалистичное изображение всадника и фантастического существа – дракона. Учитывая распространённость дуализма во многих религиях, логично связать изображения на медальоне со сценой борьбы добра и зла, праведного и неправедного. Отсюда вытекает возможное отрицательное значение драконьего изображения. Воин – защитник, символ добра и праведности, а дракон, наоборот, – символ зла, который несёт в себе опасность.

В золотоордынский период на огромных просторах между Дунаем и левобережьем Волги бытовали округлые серьги в виде головы дракона-змия, кусающего себя за хвост. Несмотря на то, что такой вид находок встречается на значительной территории (только среди кочевого и оседлого населения), серьги такого вида не являются многочисленными.

Примером такого вида находок является серьга со стилизованной головой дракона-змия из Старого Орхеля. «Определенная как височное кольцо с головой дракона (диаметр серебряного изделия 2,3 см) серьга обнаружена в погребении 57. Змееподобное тело закручено в кольцо, поверхность ровная, в сечении округлой формы, хвост на конце слегка заужен и округлен. Голова, оформленная в вертикальных пропорциях, отделена от туловища незначительным пропилом у нижней челюсти монстра. Уши обозначены заостренными вверх выступами и углублениями. Глаза выделены углубленным горизонтальным полуovalом. Пасть широко открыта, челюсти на концах украшены волютами. Хвост и пасть почти смыкаются» [Там же].

Значительный объём материала по этому вопросу проанализировал М.В. Ельников и пришёл к выводу, что при незначительных отличиях все серьги с головой дракона-змия принадлежат к одной культурной традиции. Это подтверждается и оформлением сюжетной композиции (кусает себя за хвост), и размерами изделий, средний диаметр которых равен 2,2–2,3 см. Не совсем понятна такая деталь как уши (ухо), что может трактоваться также как рог монстра [Там же, с. 419]. Данный элемент соответствует стилистике дракона «лун». Подробно он был рассмотрен в работе А.Э. Терехова «Три аспекта ханьских представлений о драконах (лун)», который отмечает следующую особенность: «бо-шань, как черта внешности дракона, упоминается лишь в описаниях, но, как правило, отсутствует на изображениях» [13, с. 334]. Этим объясняется сложность в определении данного элемента применительно к драконам, распространённым на территории Золотой Орды.

В общем, сюжет в виде головы дракона-змия, кусающего себя за хвост, связывается исследователями с солярной символикой и бессмертием. В дополнение к этому, сакральная нагрузка усиливалась металлом, из которого изготовлены серьги: золото – солнце, серебро – луна.

Итак, дракон – это геральдический символ, который был широко распространен среди монгольских народностей, а также среди народов Сибири и Дальнего Востока как в средневековье, так и в новое время. Причем образ дракона использовался в числе предметов принадлежащих как к элите, так и обычному населению. Исходя из значения символа дракона в Китае (символ императорской власти), степени распространённости драконьей атрибутики на территории Золотой Орды можно предположить, что данный образ являлся показателем имущественного статуса его владельца. В то же время изображение дракона встречается на бытовых предметах и украшениях равно как из дорогого материала (драгоценные металлы), так и из материала недорогого, что указывает на возможность принадлежности предметов с изображениями драконов сословию, не обладающему особой властью и богатством.

Также следует отметить, что иконографически изображение дракона в большинстве случаев на атрибутах украшений соответствует традиционным китайским драконам, но это не может являться показателем того, что перенималось и его семантическое значение. Образ дракона мог использоваться не китайскими народами без особого обращения на его семантическое значение, а на территории Золотой Орды, скорее всего, ему придавался свой особый смысл, отличный от того, который ему придавали в Китае. Об этом может свидетельствовать длительность использования данного образа в культуре кочевников эпохи Золотой Орды.

Таким образом, образ дракона использовался на территории Золотой Орды в качестве особого символа. Существуют общие семантические значения, перекочевавшие вместе с драконьим символом из культуры Китая в культуру кочевников (дракон как олицетворение могущества и величия), однако с трудом можно говорить, например, об аналогичной степени сакральности этого образа у золотоордынцев. С уверенностью можно сказать, что для Золотой Орды драконы являются заимствованием и имеют особое значение в собственной культуре.

Литература

1. Акишев А.К., Байпаков К.М. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара // Советская археология. 1981. № 4. С. 229–237.
2. Болдырева Е.М. Образ дракона на тканях и атрибутах костюма эпохи Золотой Орды [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/12/AE/Boldyreva.pdf (дата обращения: 01.04.2018).
3. Вильямс К.А. Энциклопедия китайских символов (Восточный символизм). М.: Изд-во Царева, 2000.
4. Ельников М.В. Образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект // Stratum Plus Journal. 2005–2009. № 6. С. 410–420.
5. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 93–108.
6. Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. № 1(7). С. 233–246.
7. Королев К.М. Китайская мифология: энциклопедия. М.: ЭКСМО 2007.
8. Лапшин А.С. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых Волго-Ахтубинской археологической экспедицией на Водянском городище у г. Дубовки Волгоградской области в 2015 году. Волгоград, 2016.
9. Мальм В.А. Симферопольский клад. М.: Внешторгиздат, 1987.
10. Пьянков А.В., Рае Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. № 2. С. 219–239.
11. Решетов А.М. Дракон в китайской мифологии // Материальная культура и мифология: сб. музея антропологии и этнографии. Ленинград, 1981. Т. XXXVII. С. 81–93.
12. Сергацков И.В. Отчёт о раскопках курганов близ села Царёв в 1998 г. Волгоград, 1998.
13. Терехов А.Э. Три аспекта ханьских представлений о драконах (лун) // Общество и государство в Китае: XLI науч. конф. М.: Вост. лит., 2011. С. 334–352.
14. Цигуан Чжао. Исследование драконов: Восток и Запад / пер. с кит. В.В. Горошкова. Peterlang, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://dragonology.ru/%D1%87%D0%B6%D0%B0%D0%BE-%D1%86%D0%B8%D0%B3%D1%83%D0%B0%D0%BD-%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0-1/> (дата обращения: 01.04.2018).

ANASTASIYA PISMAROVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE IMAGE OF THE DRAGON IN THE DECOR
OF THE GOLDEN HORDE JEWELRY**

The article deals with the images of the dragon in the Golden Horde culture. The origin and the semantic meaning of the dragon image are analyzed. The main characteristics of the dragon appearance is determined. The culture connections between China and the Golden Horde are revealed.

Key words: *archeology, dragon, the Golden Horde, China, decor, jewelry, culture.*

УДК 94(47)

М.А. ПИЮКОВА
(malina120@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОДВИГ СТАЛИНГРАДА НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ СЕРЕДИНЫ 60-Х ГОДОВ XX В.*

На основе фронтального анализа региональной периодической печати Волгоградской области отображен процесс сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне советским обществом середины 60-х годов XX в., в частности, подвиг советского народа и события, происходящие в период Сталинградской битвы.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградская битва, периодическая печать, общественный отклик, Л.И. Брежнев, подвиг советского народа.*

Победа советского народа в Сталинградской битве, несомненно, является одним из важнейших событий в истории не только Великой Отечественной войны, но и всей Второй мировой войны. Ведь благодаря героизму и отваге солдат и офицеров Красной Армии были сорваны все планы фашистской Германии по дальнейшему ведению боевых действий не только на территории СССР, но и во всем мире.

Периодическая печать предназначена для освещения событий, происходящих в жизни общества, при этом данные события могут происходить как в период выхода газеты, так и быть памятными для истории различных народов, стран, городов и так далее.

Для написания данной статьи была проанализирована периодическая печать Волгоградской области: газета «Волгоградская правда» [2] и «Молодой Ленин» [3] середины 60-х годов XX в. Указанный период был выбран не случайно, ведь в истории нашей страны происходят преобразования в политической и социально-экономической жизни страны. 14 октября 1964 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Леонид Ильич Брежнев. Во главе государства появляется человек-участник боевых действий на Северо-Кавказском (1941–1943 гг.) и Южном (1943–1945 гг.) фронтах Великой Отечественной войны. Соответственно, постепенно как в политической, так и в общественной жизни страны меняется отношение к событиям не только Великой Отечественной войны, но и всей Второй мировой войны. Все это, в свою очередь, отражалось в периодической печати того времени.

В процессе анализа периодической печати было выявлено, что в период с 1963 по 1967 г. в газетах «Волгоградская правда» [2] и «Молодой Ленин» [3] о героическом подвиге советского народа в Сталинградской битве было опубликовано порядка 50 статей.

Следует отметить, несмотря на то, что газеты «Волгоградская правда» [2] и «Молодой Ленин» [3] являются областными изданиями, на их страницах постоянно отображаются исторические события всей Великой Отечественной войны. Упоминания о Сталинградской битве встречаются гораздо реже. Это обусловлено тем, что данные события воспринимаются обществом как одна большая, единая Победа всего советского народа над фашистской Германией.

Все проанализированные статьи в своем содержании несут информацию о подвиге в Сталинградской битве и ее героях. Если говорить более подробно о содержании статей, опубликованных в газетах «Волгоградская правда» [2] и «Молодой Ленин» [3] за период с 1963 по 1967 г., то их можно разделить по нескольким направлениям:

1. события Сталинградской битвы (бомбардировка Сталинграда [7], контрнаступление, уличные бои, оборона тракторного завода, операции «Кольцо» и «Уран», пленение Ф. Паулюса и т. д.);
2. герои Сталинградской битвы, их жизнь и воспоминания о Великой Отечественной войне (И. Людников, В. Чуйков, А.И. Еременко, М.С. Шумилов, Я.Ф. Павлов, А.И. Родимцев и т. д.);

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

3. ветераны боевых действий, их жизнь после войны и воспоминания (И. Козловский – участник боевых действий, герой битвы на Волге, Л.А. Винокур – участник боевых действий, лично присутствовавший при пленении Ф. Паулюса и т. д.), а также оказанная им помощь [5];

4. восстановление города, присвоение улицам города Волгограда имен Героев Сталинградской битвы [6];

5. празднование памятных дат Сталинградской битвы (в исследуемый период ежегодно выходят статьи в номерах газет, приуроченных к памятным датам Сталинградской битвы – 17 июля и 2 февраля. Также периодическая печать середины 60-х годов отображает празднование 20-летней годовщины Победы в Сталинградской битве в 1963 г. Номера газет «Волгоградская правда» и «Молодой Ленин» от 2 февраля 1963 г. пестрят заголовками «Слава народу – Победителю» [4], «Бессмертен подвиг на берегах Волги» [1] и т. д. Данные номера газет имеют цветные вставки, большое количество фотографий, основная масса статей посвящена событиям Сталинградской битвы, а также и торжественному заседанию участников битвы в Волгограде, посвященному 20-летней годовщине Победы под Сталинградом).

Авторами исследуемых статей, в основной своей массе, являлись сами ветераны Великой Отечественной войны, работники музеев, журналисты, секретари комсомольских организаций.

Самое большое количество статей в исследуемых газетах описывает исторические события Сталинградской битвы (примерно 50% исследуемых статей), воспоминания ее героев (примерно 20%). Присутствует также и большое количество воспоминаний ветеранов боевых действий и помощь для них от молодежи и государства (примерно 20%). Меньше всего упоминаний о восстановлении города (примерно 10%). В основной массе выход всех статей приурочен к празднованию памятных дат Сталинградской битвы и напоминает жителям Волгограда и области не только своими заголовками, но и своим содержанием о героическом подвиге жителей Сталинграда в Великой Отечественной войне.

Предназначение периодической печати в современном мире не изменилось. Она по-прежнему передает не просто информацию о событиях, происходящих в мире, но и об отношении общества к ним. Оно является отражением мировоззрения людей в определенные периоды развития нашей страны и формирует его, особенно в современных условиях.

Литература

1. Бессмертен подвиг на берегах Волги // Волгоградская правда (Сталинградская правда). 1963. 2 февр. № 28(14833).
2. Волгоградская правда (Сталинградская правда). 1963. 23 янв. № 19(14824).
3. Молодой Ленин. 1963. 1 янв. № 1(6285).
4. Слава народу – Победителю // Волгоградская правда (Сталинградская правда). 1963. 2 февр. № 28(14833).
5. Тенина М. В гости к ветеранам // Молодой Ленин. 1964. 18 янв. № 13(6555).
6. Улица Наташи // Молодой Ленин. 1967. 16 июля № 84(7219).
7. Чуянов А. Начало конца // Волгоградская правда (Сталинградская правда). 1966. 30 янв. № 28(15752).

MARINA PIYUKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

HEROISM OF STALINGRAD AT THE PAGES OF THE PERIODICAL PRESS OF THE VOLGOGRAD REGION IN THE MID OF 1960S OF THE XXTH CENTURY

The article deals with the process of preserving the historical memory of the Great Patriotic War by the Soviet society of the mid of 1960s of the XXth century, based on the frontal analysis of the regional periodical press of the Volgograd region, particularly, the heroism of the Soviet people and the events, taking place during the Stalingrad battle.

Key words: the Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, the periodical press, public response, Leonid Brezhnev, the heroism of the Soviet people.

УДК 94

С.Ю. ПОВЕТКИН
(povetser@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Анализируется степень изученности истории наградной системы Великой Отечественной войны. Рассматривается процесс расширения научных взглядов с течением времени и определения наиболее перспективных направлений исследования.

Ключевые слова: историография, наградная система, Великая Отечественная война, знаки отличий.

Становление и развитие наградной системы в России имеет многовековую историю и в первую очередь является элементом военного дела. При этом, рассматривая вопрос истории наград, необходимо постоянно держать во внимании, что любая награда – прежде всего способ поощрения, мотивации, убеждения и стимулирования. Этот психологический аспект, в совокупности с военной исторической хроникой, позволяет выявлять и анализировать специфику развития наградной системы.

Первая половина XX в. в военной истории России является временным отрезком, наполненным знаменательными событиями, последствия которых отразились и в области военных наград. Трансформация государства из империи в союз республик, отказ от сословности, кардинальная смена идеологической составляющей привели к пересмотру наградной системы. Если в начале XX столетия наградная система представляла собой чётко организованную, но сложную схему, ориентированную на иерархию сословий и чинов, то после 1917 г. начинают меняться основополагающие принципы награждения как такового. Всё чаще возникают прецеденты коллективного награждения, причём не только в военной отрасли, но и сфере социалистического труда.

Свои коррективы в наградную систему привнесла Великая Отечественная война, в очередной раз заставившая пересмотреть морально-этический аспект присуждения и лишения наград.

Профессиональное исследование истории наградной системы было востребовано в разные периоды отечественной науки. Актуальность этой темы незыблема ввиду того факта, что военная деятельность для Российского государства является одной из приоритетных и показательных с точки зрения геополитического потенциала страны и её международного авторитета. В гражданской сфере системе награждения также уделяется много внимания. Процедуры вручения наград и особые случаи представления к награде регулярно освещаются СМИ.

В то же время нельзя говорить о наличии комплексных всесторонних исследований наградной системы. Вне поля зрения ученых часто остаются такие способы поощрения и мотивирования, как денежные премии, наградное оружие, военная техника, вручение грамот, памятных подарков и т. д. Иногда препятствием для тщательного изучения вопроса является огромное количество потенциальных источников, которые невозможно вовлечь в исследование ввиду специфики военного архивного материала.

Преобладающее количество научных работ посвящено именно наградам военного характера: работы, освещающие историю наград, деятельность органов военного управления, подробно исследующие награды каких-то определённых войн и сражений, отдельного исторического периода; дающие поверхностный обзор эволюции военной наградной системы. Эпохальность Великой Отечественной войны в нашей истории повлияла на очень узкий тематический подход к изучению наград, существовавших и появившихся в промежутки 1941–1945 гг.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Следует выделить и рассмотреть подробнее два основных хронологических этапа в исследованиях: советский и постсоветский.

При этом внутри советского этапа особенно выделяются труды, вышедшие в годы войны и первое послевоенное десятилетие [4; 10; 11, 33; 34; 37; 38, 46]. Их отличие, как и другой научной публицистики, просматривается в идеологизированном подходе к изучению вопроса. Аспект наградной системы как нельзя лучше подходил для возвеличивания доблести советского народа и в особенности заслуг советского партийного руководства.

Для исследований военного времени также характерно обобщение и аналитика нормативно-правовой базы, т. к. накануне войны возникла необходимость систематизации всех документов, законодательно оформивших новую советскую систему военных наград и званий. Стоит подчеркнуть вклад в эти сведения А.Н. Васильева и ряда его коллег, которые накануне военных действий и на их протяжении издавали соответствующие пособия [9]. В них затрагивались следующие темы: краткая история наградной системы СССР, положения медалей и статуты орденов, вопросы социального обеспечения кавалеров наград, процедура вручения наград и др.

Таким же детальным описанием существовавших наград является работа П.И. Туманова [47], в которой уделяется особое внимание нагрудным знакам отличия. Раскрывая вопросы области применения и случаи представления к награде, с указанием соответствующей нормативной документации, автор отказывается от рассмотрения вопроса существования этих знаков отличия в общей наградной системе, что снова превращает исследование в справочное пособие.

Для работ советского периода не характерно было выходить за пределы описательного подхода с чёткой периодизацией военных действий и констатацией соответствующих им орденов, медалей, званий и пр. Авторы редко задавались вопросами исторической преемственности знаков отличия, их исторической подоплёкой, сравнением эпизодов награждения с целью выявления каких-либо закономерностей. И тем более не затрагивались вопросы лишения наград, фактов несостоявшихся процедур награждения и т. д. Отсутствовал и системный взгляд на роль наградной системы в военной истории Отечества и ее социальный смысл. Информация преподносилась сжато, строго, на основании чего можно сделать вывод о прикладном характере этих работ и их первоочередной практической роли.

Несомненно, своего исследовательского внимания заслужили и трудовые достижения советского народа [1]. Отдельным пластом такого рода исследований можно назвать труды по истории Сибири военных лет, где было сосредоточено основное тыловое производство [42].

Вышеперечисленные исследования базировались на богатом источниковом материале. В распоряжении авторов были документальные сборники, материалы научных конференций, воспоминания участников военных действий. На сегодняшний день эта часть научных работ составляет существенную долю краеведческой литературы отдельных регионов [2; 5; 6].

Историография наградной системы существенно дополняется публикациями фундаментального характера, основу которых составляет аналитика деятельности высших государственных учреждений и соответствующей нормативно-правовой документации. Так в советские годы был издан коллективный труд сотрудников Главного управления кадров Министерства обороны СССР (ГУК МО СССР), под руководством А.П. Белобородова [14], в котором собраны и проанализированы все основные документы по работе с военными кадрами накануне и в период Великой Отечественной войны, продемонстрировано взаимодействие партийного руководства с командным составом армии и флота, освещены процессы образовательно-воспитательного характера в деле пополнения военных сил опытными квалифицированными кадрами. Это издание имело огромную практическую ценность и широко применялось в военных структурах в последующие годы.

Некоторые изменения в историографии наградной темы стали происходить после смерти И.В. Сталина, а также XX съезда Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Прежде всего, это выразилось в большей доле аналитики и превалировании системного метода изучения темы. Труды 1960–1980 гг., помимо скрупулезного иллюстрированного перечисления медалей

и орденов, рассматривают каждого из них в контексте непрерывной истории развития наградной системы, имеющей глубинные связи с политической и социальной историей государства. Такими являются работы Г.А. Колесникова и А.М. Рожкова [31], В.А. Дурова [19; 20; 21]. Подчеркнём, что в этих исследованиях уже гораздо активнее происходит обращение к примерам лишения воинских наград; предпринимаются попытки вовлечения в сравнительный анализ наград, имеющих вековую историю, отсылающую к имперскому периоду государственной истории.

Гораздо больше внимания в этот период времени стало уделяться символике, используемой в наградах, тщательнее и точнее стала разрабатываться сводная классификация орденов и медалей. К историческим исследованиям стали активнее привлекать такую прикладную дисциплину как фалеристика [7; 8].

По-прежнему в своих исследованиях историки обращаются к теме советского тыла и соответствующих способов материального поощрения работников военного производства [28; 29; 30 40; 45].

Пожалуй, одной из редких попыток комплексного взгляда на историю наградной системы являются научные изыскания В.В. Веревкина [12]. В работе автор старался рассматривать параллельно с исторической нитью развития наград символическое значение каждого знака отличия, документальное подкрепление причины его появления, предоставить своё видение классификации наград. Особое внимание автор уделяет трудовым наградам, видя в самом факте их появления качественный рост социалистического общества и его особенное отношение к человеку труда.

Таким образом, завершение советского историографического этапа характеризуется более обширным и всесторонним изучением темы, появлением новых аспектов исследования, более аналитическим и системным взглядом на предмет изучения. Но необходимо учитывать наличие в ту пору многих сдерживающих факторов, ограничивающих масштабность и подробность исследований. В частности, неотъемлемой особенностью работ является их намеренное подчеркивание роли коммунистической партии в военных заслугах.

За данный период было сформировано три основных направления, в которых развивалась тема истории наградной системы: 1) законодательная и практическая деятельность органов государственного и военного управления в области создания и присуждения воинских знаков отличия; 2) символический и художественный аспект развития тех или иных наград; 3) история эволюции наградной системы в разные хронологические периоды. По настоящий момент исторические исследования можно с определённой долей условности разделить на те же самые тематические направления.

Второй – постсоветский период в историографии изучаемой темы характеризуется прежде всего общими для всей исторической науки тенденциями: значительно расширяется объем источников, доступных для вовлечения в исследование; исчезает идеологическая цензура работ.

Однако в первое время исследовательский стиль в изучении наград Великой Отечественной войны существенно не изменился. Большинство специалистов предпочли просто расширить, благодаря новым архивным материалам, общий список наград, которые получили своё более подробное описание [17; 18; 22; 23; 24; 25; 27]. Гораздо меньше внимания стало уделяться рассмотрению вопросов механизма влияния наградной системы на успехи в военных действиях, работы органов государственного и военного управления, эволюции наградной системы в годы войны и т. д.

Первая попытка сделать максимально полный каталог орденов и медалей была предпринята В.В. Санько [41]. Примечательно, что автор не ограничился знаками отличия военной специфики, а включил в общий реестр и дал описание наградам, которые вручались гражданским лицам, трудовым коллективам, творческим и учебным организациям, присуждались республикам, областям, городам, военной технике и т. д. Издание, впервые вышедшее в 2004 г., позже было переиздано. Каждый раз это был увлекательный, дополненный прекрасными иллюстрациями, статистическими данными сборник.

Аспектное изучение наградной системы также имело своё продолжение. Так в рамках фалеристики издается работа А.Н. Малинкина [35], который, помимо акцентного рассмотрения вопроса изобразительной символики на советских военных наградах, предложил использовать этот аспект как признак классификации наград.

В этой области следует особое внимание уделить работе регионального исследователя А.В. Материкина [36], который, работая с материалами местных архивов, создал оригинальное исследование истории учреждения медали «За оборону Сталинграда». В этом труде впервые представлен, пусть и на примере одной награды, комплексный всесторонний подход к изучению медали, позволяющий представить и историю её существования, и её разновидности в хронологическом ракурсе. Благодаря этой работе, было обращено внимание на статистические несоответствия в данных о количестве награжденных этой медалью воинах, указанных в ранее изданных источниках.

Еще одним новым веянием в историографии стало обращение непосредственно к историческим личностям – обладателям тех или иных наград. В работах А.Н. Володина и Н.М. Мерлая предоставлена информация о кавалерах орденов, правилах ношения наград; описана процедура награждения, и всё это помимо подробного экскурса в историю возникновения самой награды [15].

Исследователи последних лет всё чаще стали перепроверять данные о награжденных и в своих работах выдавать обновленную и уточнённую информацию, что, несомненно, повышает ценность данных исследований несмотря на их справочное назначение. Этим достоинством отмечена работа В.П. Воробьева и В.П. Ефимова [16], посвященная Героям Советского Союза.

В то же время можно говорить и о некоторых попытках системно-аналитического подхода в работе исследователей.

Здесь в первую очередь выделяется документальный очерк, созданный под руководством генерал-полковника Н.А. Панкова [39]. Коллектив авторов был заинтересован в раскрытии механизма вручения военных наград за всю историю существования Красной армии. Была приведена оценка решений органов военного управления, принятых по вопросам создания и трансформации, вручения и лишения наград. Книга располагает большим количеством статистических данных.

Определённым достижением в расширении наградной тематики стало издание «Символы Родины и воинской доблести», в которой впервые рассматривается история боевых знамён как наград воинских частей [49]. Несмотря на год издания этого труда, его стоит отнести ко второму хронологическому периоду в историографии, поскольку все последующие исследования этого вопроса имели место значительно позже.

Например, только спустя 10 лет в 1994 г. была опубликована диссертация о знамёнах Советской армии, где, в частности, изучались боевые знамёна, существовавшие в годы Великой Отечественной войны [25]. Автором впервые затронут аспект вручения «гвардейских» знамён, а также вопросы церемоний вручения знамён и государственной символики, отображенной на них.

Кроме вышеперечисленных авторов, тема боевых знамён поднималась позднее в работе А. Виктора [13]. Её основное отличие заключается в широком и детальном охвате истории всех существовавших отечественных военных знамён и соответствующих им при вручении наградных грамот.

Знаменательным явлением для современной историографии стало обращение к социальному аспекту темы наградной системы. Пристальным взглядом историков пересматривались вопросы сути подвигов русских воинов, удостоенных наград; вклада тружеников тыла в дело Победы; способов материального стимулирования солдат и работников производственной сферы в годы войны [26; 32]. Во-первых, это свидетельствовало о вовлечении новых источников и их более разностороннем изучении. Во-вторых, за каждым орденом и медалью видели не только факт неординарного героического поступка, а личность человека, его совершившего, и далее обобщённый образ русского воина. В-третьих, подвиги и достижения тыла, случаи, когда прибегали к материальному стимулированию, позволили углубить представления о том, какой именно ценой была завоёвана Победа.

Исследователем Д.В. Шуняковым была достаточно высоко оценена работа П.В. Ахманаева «Советская наградная система» [3]. Для последних лет её можно назвать наиболее системной. Автор охватил и систематизировал все виды военных наград, функционировавших с 1917 по 1991 г., ввёл новое количество документов, в том числе по прецедентам нарушения процедуры вручения и лишения наград, рассмотрел примеры вручения награды «За выслугу лет», а также дал краткий обзор вопроса ма-

териального поощрения кавалерам государственных наград. Тем не менее, Д.В. Шуняков отмечает, что некоторые проблемы были исследованы слишком поверхностно, либо проигнорированы, как, например, награждение гвардейскими знамёнами, хотя данная тема в истории не является новой [49]. Таким образом, исследовательская системность и всесторонность продолжают оставаться уязвимыми местами современных научных изысканий в области истории наградной системы СССР.

Подводя итог краткого анализа изученности истории наградной системы в годы Великой Отечественной войны, можно отметить:

- для современных историков становится доступным большее количество источников, работа с которыми позволит повысить степень исследованности заявленной темы;
- популярность исторической антропологии даёт возможность рассмотрения награды как социального феномена, изучить глубинные морально-этические механизмы управления народными массами посредством наград военного и гражданского характера, что, в свою очередь, определяет перспективы в раскрытии истории наградной системы;
- исследования историков бывших республик СССР могут быть вовлечены в общую канву исследования и способствовать его комплексности;
- изучение истории наградной системы сохраняет свою актуальность по сегодняшний день. И чем больше научный интерес будет проявлен к данному вопросу, тем больше шанс, что результаты исследования пригодятся в современной практике военного дела и поощрения труда.

Литература

1. Антонян М.О. Труженики тыла в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1960.
2. Ардашев М.А. Герои Советского Союза – кировчане: в 2 кн. Киров: Киров. отд-ние. 1985. Кн 2.
3. Ахманаев П.В. Советская наградная система. М.: Русские Витязи, 2014.
4. Бабийчук Р.П. Воспитательная работа при награждении офицерского состава и вручении орденов и медалей СССР // Военный вестник. 1945. № 14. С. 22–23.
5. Барсуков А.А., Омуралиев А. Герои Социалистического Труда Киргизстана. Фрунзе: Кыргызстан. 1966.
6. Басович Я.И., Тюльников Л.К. Герои Советского Союза – горьковчане. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1972.
7. Бурков В.Г. Фалеристика: учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1985.
8. Бурков В.Г. Развитие советской фалеристической литературы в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время (1941 г. – середина 50-х гг.) // Тез. докл. IV Всероссийской нумизмат. конф. (22–23 янв. 1996 г.). СПб., 1996.
9. Васильев А.Н., Каргапцев И.П., Павлов Л.В. Ордена и медали СССР. М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940.
10. Васильев А.Н. Что необходимо знать военнослужащему об орденах и медалях СССР: вопросы и ответы. Красноярск: Воениздат, 1942.
11. Вдохновляющий образ наших великих предков // Известия. 1942. 30 июля.
12. Веревкин В.В. Награды за трудовые достижения в СССР, история учреждения орденов, медалей и знаков отличия и их значение как исторического источника. 1920 – июнь 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982.
13. Викторов А. Русское знамя XIX–XXI веков. СПб: Бранко, 2012.
14. Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. А.П. Белобородова. М., 1963. [Электронный ресурс] // ЭБ «Военная литература». URL: http://militera.lib.ru/h/sb_voennye-kadry-sovetskogo-gosudarstva-v-vov/index.html (дата обращения: 20.12.2017).
15. Володин А.Н., Мерлай Н.М. Медали СССР. СПб.: ГПП «Печ. Двор», 1997.
16. Воробьев В.П., Ефимов В.П. Герои Советского Союза: справочник. СПб.: Аграф+, 2010.
17. Дуров В.А. Орден Ленина. Орден Сталина (проект): история учреждения, эволюция и разновидности. М., 2005.
18. Дуров В.А. Отечественные награды 1918–1991 гг. М.: Просвещение, 2005.
19. Дуров В.А. Русские и советские ордена. М., 1973.
20. Дуров В.А. Русские и советские наградные медали. М., 1977.
21. Дуров В.А. Русские и советские боевые награды. М., 1989.
22. Дуров В.А., Павликов А.А. Советские флотоводческие ордена. Орден Ушакова. Орден Нахимова. М.: Звезда и Крест, 2005.
23. Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени. М.: Collector's Book, 2005.
24. Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красной Звезды. М.: Collector's Book, 2008.
25. Зайцева Л.П. Знаменная коллекция музея Вооруженных Сил как исторический источник по истории Советской Армии (1918–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
26. Зефилов М.В., Дёгтев Д.М. Всё для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009.

27. Изотова Т.Б., Царева М.А. Все награды России и СССР. Ордена, медали и нагрудные знаки. М., 2009.
28. Историография советского тыла периода Великой Отечественной Войны: сб. ст. М.: Ин-т истории СССР, 1976.
29. Караваев А. Медаль за бой, медаль за труд: в 2 кн. М., 1970–1975. Кн. 2.
30. Кисилев В.П. Проблема моральных стимулов к труду в социалистическом обществе. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968.
31. Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. 2-е изд. М.: Воениздат, 1978.
32. Кустов М. Цена Победы в рублях: расследование длившееся 65 лет. М.: АСТ, 2010.
33. Лобода В.Ф., Каргальцев И.П. Правила ношения орденов и медалей СССР, нагрудных знаков и орденских лент: справочник. М.: Воен. изд-во, 1948.
34. Лобода В.Ф., Каргальцев И.П. Ордена и медали СССР: справочник. М.: Воен. изд-во, 1950.
35. Малинкин А.Н. Об основаниях классификации государственных наград СССР. Исследование по социологии наградного права. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 2005.
36. Материкин А.В. Медаль «За оборону Сталинграда»: история учреждения и награждения. Волгоград: Панорама, 2008.
37. Минц И. Великая Отечественная война Советского Союза. М. 1947.
38. Орден Отечественной войны // Красная Звезда. 1942.
39. Офицерский корпус и кадровые органы Вооружённых Сил России: крат. докум.-ист. очерк. М., 2003.
40. Подвиг тыла: документы, материалы газет и радио воен. лет, дневники, письма, воспоминания. М.: Политиздат, 1970.
41. Санько В.В. Ордена и медали СССР. Минск: Харвест, 2004.
42. Сибиряки на фронтах Великой Отечественной войны: (библиографический указатель). Иркутск, 1945. [Электронный ресурс]. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-7048/> (дата обращения: 11.01.2018).
43. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июль 1956 г. / под ред. Мандельштам Ю.И. М.: Государ. изд-во юрид. лит-ры, 1956.
44. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени / под общ. ред. А.А Бубнова: в 3-х т. Ленинград: Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1942–1945.
45. Советский тыл в Великой Отечественной войне: в 2-х кн. / под общ. ред. П.Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974.
46. Солдатенко Е.И. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1954.
47. Туманов П.И. Высшие степени отличия, ордена и медали СССР, нагрудные знаки Красной Армии: справочник. М.: Воен. изд-во, 1944.
48. Шелекасов В., Делия В. Символы Родины и воинской доблести. М., 1984.
49. Шуняков Д.В. К вопросу о состоянии изучения истории наградной системы СССР в годы Великой Отечественной войны: источниковедческий и историографический обзор // Маршал Победы в военной истории России. X Уральские военно-исторические чтения, посвященные 120-летию великого полководца, Маршала Советского Союза Г.К. Жукова: сб. науч. ст. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. С. 143–156.

SERGEY POVETKIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

HISTORIOGRAPHICAL ASPECT OF THE EXAMINATION OF THE AWARD SYSTEM OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

*The article deals with the analysis of the degree of examining the history of the award system of the Great Patriotic War.
The process of the enlargement of scientific views and the definition of the most perspective directions
of research are under consideration.*

Key words: *historiography, award system, the Great Patriotic War, records of achievements.*

УДК 93/94

Л.Н. ПОЛЕТАЕВА

(lyubov.poletaeva.1999@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Рассматриваются причины и характер миграций с периода окончания Второй мировой войны и до современности; проблемы, вызываемые миграционными процессами в политической, экономической и социальной сферах жизни общества. Проведено сравнение структуры миграционных процессов в Европе и России.

Ключевые слова: миграционные процессы, мигранты, причины, последствия, Европа, Российская Федерация

Обращение к данной теме обусловлено обострением миграционных проблем с периода окончания Второй мировой войны и до современных военных конфликтов на Ближнем Востоке, которые привели к неконтролируемым изменениям не только в этнической среде стран Европейского союза (ЕС), России, но и в их политической, социальной и экономической сферах. Особую важность в последние годы приобрела напряженная военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке. В связи с глобализацией мира миграция становится одной из наиболее действенных движущих сил, формирующих картину мира, особенно ее социальную часть. В связи с чем, актуальным представляется изучение механизмов и тенденций миграционных процессов, форм и путей социальной интеграции мигрантов и межнационального взаимодействия.

Целью нашего исследования является изучение истории и видов миграционных процессов в Европе и России с 1945 г. до современности, выявление причин и закономерностей этих процессов.

Изучение источников и материалов по теме позволяет выделить три периода в истории миграционных процессов на территории Европы и России, отличающихся своей структурой, причинами и последствиями.

Первый этап: с 1945-го до 1970 г. Миграционные процессы в послевоенные годы имели ряд особенностей: вынужденный характер и массовость. В Европе было зарегистрировано около 13,5 млн перемещенных лиц. Для решения проблем беженцев после войны был разработан план их расселения. Основным процессом являлась вынужденная миграция немецкого населения. По разным оценкам разными способами (эвакуация, бегство и т. д.) были перемещены от 10 до 14 млн немцев с территорий стран бывшего Третьего рейха, которые отходили к СССР, Польше и другим странам, а также происходила депортация немцев в границы других стран. Так С.В. Кретинин отмечает, «что на период окончания Второй мировой войны были исчерпаны все возможности для дальнейшего мирного сосуществования немцев и основных народов этих государств. Поэтому депортация была по сути единственно возможным решением проблемы (если не принимать в расчет возможности геноцида)» [6, с. 1]. При этом выселяли, совершенно не разбирая, кто являлся сторонником нацизма, а кто нет. В ряде стран выселения сопровождалось жестоким обращением, ограблениями, убийствами. Число погибших в результате высылки варьировалось от 2 до 2,5 млн гражданских лиц. Рост миграции также был связан с концентрацией инвестиций и расширением производства в высокоразвитых странах – миграция из полупромышленных и периферийных стран Южной Европы в страны Северной. Быстрый экономический рост в странах Западной, Северной и Центральной Европы стимулировал волну миграционных потоков из стран Средиземноморья: с 1950-го до 1970 г. сюда мигрировало 2,3 млн человек из Италии, 1,5 млн – из Испании, 2 млн – из Португалии, 600 тыс. человек – из Греции [14, с. 80].

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

В России, входившей в состав СССР, наблюдались схожие миграционные процессы. Имели место депортации населения, не только немецкого, но и русского. Так в июне 1948 г. впервые гонениям подверглись так называемые «тунеядцы».

Второй этап: 1970–1990-е гг. 1960 – начало 1970 гг. – время трудовой миграции в странах Европейского Союза. До 1973 г. трудовая миграция являлась следствием широкомасштабной государственной политики привлечения иностранной рабочей силы в западноевропейские страны, но нефтяной кризис 1973–1974 гг. вызвал взлет цен и безработицы в Западной Европе. Это повлекло за собой сокращение рабочих мест, прекращение либеральной иммиграционной политики, введение рестриктивных мер. Основной целью миграционной политики стала стабилизация потоков мигрантов, т. к. уменьшение численности иммигрантов в сложившихся условиях было недостижимо. В большинстве стран, принимающих эмигрантов, усилия были направлены на то, чтобы остановить их приток и побудить вернуться на родину часть уже переселившихся рабочих. Несмотря на ужесточение иммиграционной политики, достижения цели, а именно сокращения численности иностранцев, въезжающих в страны ЕС, не произошло. Большинство иммигрантов не покинули принимающие государства во время очередного кризиса, т. к. в их родных странах безработица на тот момент приняла огромные масштабы. Многие из них предпочли воспользоваться пособиями по безработице и остаться в принимающей стране. Увеличилась нелегальная миграция и изменилась структура миграционных потоков – в Европу стали приезжать не только мужчины трудоспособного возраста, но и женщины, и дети. Для Европы следствием этого переселения стало углубление экономического кризиса из-за необходимости выплачивать миграционные пособия, увеличение безработицы [12, с. 52–54].

В России, входящей в состав СССР, миграционные процессы были в основном представлены внутренней миграцией населения, урбанизацией, переселением из сел в строящиеся города, а также миграцией, связанной с масштабным строительством. Следствием стал рост городов, усиление их роли, увеличение необходимой инфраструктуры, но в то же время в 1990-е гг. наблюдался упадок сельского хозяйства.

Третий этап: 2000 г. – современность – трудовая миграция дополнилась миграцией по политическим мотивам. Происходит перемещение масс населения в связи с нестабильной политической ситуацией и/или из-за возникновения военных конфликтов на местах постоянного проживания беженцев. Политика «открытых границ» и «мультикультурализма» оказалась чревата межэтнической конфликтностью уже в «благополучной» Европе.

Следствием столкновения культур и религий стали протестные акции граждан европейских стран против всесторонней помощи беженцам и снисходительного отношения к их поведению. Коренные жители европейских государств обеспокоены сложившейся ситуацией и многие отрицательно относятся к приезжим и беженцам. Это связано с тем, что с ростом мигрантов увеличилась преступность, на улицы многих европейских городов стало опасно выходить в темное время суток. Криминальные новости о мигрантах все чаще появляются в европейских сводках [2]. Так в новогоднюю ночь 2016 г. в Германии в Кёльне во время празднования Нового года десятки женщин подверглись нападениям и домогательствам со стороны приезжих [1]. В декабре 2017 г. в шведском городе Мальме банда мигрантов жестоко надругалась над 17-летней школьницей на детской площадке. Такое поведение мигрантов в странах Европейского союза вызывает не просто непонимание, но и возмущение не только граждан, но и всего мира. Одной из причин, по которым многие европейцы отрицательно относятся к приезжим, в особенности к мусульманам, стали террористические атаки. Ответственность за многие из которых взяла на себя террористическая исламистская группировка ИГИЛ. Эти события стали причиной, по которой коренные европейцы все больше начинают опасаться выходцев из мусульманских стран [13].

Результатом становится глубокая ненависть к самим мигрантам и к тем, кто создал условия для их появления в ЕС, – действующим политикам. В странах ЕС можно отчетливо увидеть рост национализма, увеличение популярности ультраправых партий, которые выступают за защиту традиционных

ценностей, прав коренного населения, регулирование потока мигрантов. Следствием миграционных процессов также стало снижение рождаемости среди коренного населения, подрыв экономики.

В России наблюдается трудовая и часто незаконная миграция из стран ближнего зарубежья, стран постсоветского пространства, Ближнего Востока. Важную роль в миграции из стран Востока играет «Северный путь», проходящий в Европу через Россию в Норвегию, некоторая часть беженцев остается в Российской Федерации, где им предоставляются условия проживания и работы [13]. Это ставит перед Россией новые задачи в сфере национальной политики.

Литература

1. Благоев И. В новогоднюю ночь в Кёльне десятки женщин подверглись домогательствам на улицах со стороны мигрантов [Электронный ресурс]. URL: https://www.ltv.ru/news/2016-01-05/3888-v_novogodnyuyu_noch_v_kyolne_desyatki_zhenschin_podverglis_domogatelstvam_na_ulitsah_so_storony_migrantov (дата обращения: 23.12.2017).
2. Ваккасова М.В. Понятие «Иммиграции» и ее влияние на культурную безопасность Европы в работах Д. Биго // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://chita.ranepa.ru/downloads/docs/science/%D0%A1%D1%8B%D1%87%D1%91%D0%B2%D0%B0-2015%202.pdf> (дата обращения: 09.01.2018).
3. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.
4. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/ItoGovuy_doklad_na_19.02.16.pdf (дата обращения: 07.01.2018).
5. Кравченко В.А., Боташева А.К. Современные миграционные процессы в Европе: их влияние на политическую ситуацию // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интер-актив плюс», 2016. № 2(8). С. 43–44.
6. Крети́нин С.В. Массовые депортации немцев после 1945 г.: проблемы исследования и преподавания в российских вузах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusgermhst.ru/documents/konferenzii/moscow/doklady/rus/kretinin.pdf> (дата обращения: 07.01.2018).
7. Куликова Ю.О. Проблемы миграции в странах Европы // Молодой ученый. 2017. № 12. С. 417–420 // [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/146/41009> (дата обращения: 18.03.2018).
8. Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. статей / отв. ред. Н.Н. Аблажей, А.Блюм. Новосибирск: Наука, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://museum.gulagmemories.eu/sites/default/files/Migrations_1.pdf (дата обращения: 18.03.2018).
9. Нестерова И.А. Миграционные процессы [Электронный ресурс] // Образовательная энциклопедия “Odiplom.ru”. URL: <http://odiplom.ru/lab/migracionnye-processy.html> (дата обращения: 04.02.2018).
10. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Наука, 1987.
11. Соловьева Е.А., Иванченко Д.Ю. Понятие и сущность миграционного процесса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pglu.ru/upload/iblock/12a/10.pdf> (дата обращения: 04.01.2018).
12. Сухов А.Н., Трыканова С.А. Миграция в Европе и ее последствия: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2011.
13. Февральская М.А. Проблема миграции в современной Европе: причины и последствия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 921–925. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86201.htm> (дата обращения: 04.01.2018).
14. Юдина Т.Н. Социология миграции: учеб. пособие для вузов. М: Академический Проект, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/2165638/> (дата обращения: 06.01.2018).

LUBOV POLETAEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

MIGRATION PROCESSES IN MODERN EUROPE AND THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the nature and the causes of migrations from the period of the end of the Second World War to the present; the problems, caused by the migration processes in the political, economic and social spheres of society. The comparison of the structure of migration processes in Europe and Russia is made.

Key words: *migration processes, migrants, causes, consequences, Europe, the Russian Federation.*

УДК 94(470)

Е.И. ПОПОВА

(popova.eugenia.igorevna@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**СОВРЕМЕННЫЕ РУССКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ***

Предпринята попытка изучения политических и межэтнических русско-грузинских отношений. Представлен прогноз на будущее развитие связей между странами, а также возможные пути решения противоречий между Россией и Грузией на современном этапе.

Ключевые слова: русско-грузинские отношения, межэтнические отношения, дипломатические отношения, экономические проблемы, межкультурный диалог.

В последние два десятилетия вопрос взаимоотношений между Грузией и Россией не перестает быть актуальным как по причине традиционно тесных торговых связей, стратегий рыночных реформ, так и из-за социально-политических мероприятий, проводимых правительствами двух государств. Тем более интересно на этом фоне проанализировать сложившуюся межэтническую ситуацию в отношениях Грузии с Россией. Данная тема актуальна и в контексте современных политических взаимоотношений, которые развиваются в целом в современном мире и охватывают все страны, а также в связи с имеющейся общей границей между территориями Российской Федерации (РФ) и Грузией.

Датой установления первых политических взаимоотношений принято считать 1491 г., когда ко двору Ивана III прибывают послы Грузии, с целью доставить грамоту от Кахетинского царя Александра I. В 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, по которому над Картли – Кахетинским царством устанавливался российский протекторат, однако в 1801 г. российским императором Александром II был издан указ о его упразднении и присоединении его территорий к России, XIX в. ознаменовался постепенным включением территорий Западной Грузии в состав Российской Империи. Присоединение к России устранило угрозу Грузии со стороны Ирана и Османской империи, что способствовало сохранению культуры и национальных традиций грузинского народа, восстановлению и развитию экономики грузинских земель, а в дальнейшем постепенной модернизации всех сфер жизни грузинского общества. В ходе распада Российской Империи, которое было вызвано Великой Октябрьской социалистической революцией, в 1918 г. Грузия приобретала самостоятельность. Однако в 1921 г. на территории Грузии при помощи Красной армии была установлена Советская власть, в результате чего Грузинская демократическая республика была ликвидирована. В дальнейшем при образовании СССР 30 декабря 1922 г. Грузия входит в ее состав, в 1991 г. была признана международным сообществом как суверенное государство [7, с. 15].

В настоящее время большинство политологов и исследователей в данной области делают вывод о том, что между Россией и Грузией разорваны дипломатические отношения и перспектива восстановления их пока не видна. В формате двустороннего российско-грузинского диалога важную роль сыграло направление грузинских спортсменов в Сочи по инициативе правительства «Грузинской мечты» в конце 2012 г.

Для решения проблем гуманитарного характера и безопасности были созданы Женевские международные консультации, которые, к сожалению, не приносят положительных результатов после переговоров представителей от стран Грузии и России. Признав независимость Абхазии и Южной Осетии, Россия создала в правовом смысле «заколдованный круг». Существуют некоторые обязательства, которые не были выполнены со стороны России, что ведет, по мнению некоторых аналитиков, к деградации отношений двух стран в настоящее время. В 2010 г. Грузия, в одностороннем порядке, взя-

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ла на себя международное юридическое обязательство о неприменении силы, однако ответных действий не последовало от правительства РФ, и Грузия интерпретировала это как нежелание сближения и урегулирования взаимоотношений России и Грузии. При этом поднимается и главный вопрос о том, что Россия не будет отменять свое решение о признании Абхазии и Южной Осетии независимыми государствами. Отмена закона «Об оккупированных территориях» Абхазии и Южной Осетии не представляется возможной для Грузии в обозримой перспективе, в связи с тем, что она связана с позицией Грузии по вопросу суверенитета и территориальной целостности [10, с. 20]. Президент РФ, В.В. Путин неоднократно заявлял, что грузины, абхазы и осетины должны найти общий язык и решить противоречия, возникшие между ними, в свою очередь, Россия готова участвовать в переговорах, т. к. это входит в круг ее политических, экономических и национальных интересов, в связи с имеющейся территориальной границей. Кроме того, это напрямую способствует стабилизации русско-грузинских отношений, т. к. других взаимных претензий такие страны как Россия и Грузия друг к другу не имеют. Представители власти в Грузии утверждают, что такое примирение возможно лишь при заинтересованности и честном соучастии Москвы в процессе переговоров. Грузия готова к диалогу с абхазами и осетинами в рамках обсуждения практических и гуманитарных вопросов, однако при условии, что до восстановления доверительных отношений, вопросы статуса будут отодвинуты на второй план.

Усугубляется положение также тем, что правительство и парламент Грузии твердо намерены следовать по пути дальнейшей тесной интеграции Грузии с Европой. На фоне этого самыми популярными вопросами в Грузии становятся: какие меры применит Россия по отношению к Тбилиси; введет ли Москва новые торговые пошлины на ввозимые Грузией товары? По данным вопросам можно судить о настроении грузин и степени их недоверия по отношению к России. На сегодняшний день, социологические опросы показывают статистику, которая складывается не в пользу россиян: 70% населения Грузии высказывается за поддержание диалога с Россией, однако большинство из них считает Россию главной внешней угрозой, 59% выступают за продолжение диалога с Россией [4].

При этом стремление интеграции с Европейским союзом (ЕС) Грузия объясняет тем, что свободный торговый режим не помешает тому, чтобы Грузия расширяла такое же сотрудничество в рамках российско-грузинских отношений, т. к. небольшая по территории страна заинтересована в интеграции в развитые рынки, без чего у нее маловероятна модернизация. Многие российские ученые разделяют мнение о том, что Россия не должна препятствовать взаимоотношениям Грузии и Европы, т. к. поддержка Москвы в построении Грузии по европейскому образцу в значительной степени укрепила бы ее авторитет, стала бы важным фактором в урегулировании взаимоотношений между Россией и Грузией. Грузия заинтересована в сильном и предсказуемом соседе в лице России, тем более интересен вопрос о том, что цели борьбы против терроризма и радикализма у Тбилиси и Москвы одинаковые [3, с. 40].

Реализация общих экономических интересов двух стран может способствовать справедливому решению существующих политических проблем. Грузия открыто заявляет о том, что она готова рассмотреть совместные международные и инвестиционные проекты в сфере энергетики, транспорта, инфраструктуры и др., примечательно, что на современном этапе такие проекты уже привлекают интерес российских предпринимателей [6, с. 110].

Несмотря на существующие противоречия, следует отметить, что грузинский народ любит и ценит русскую культуру, такое же отношение к грузинской культуре в России. Взаимопроникновение и взаимодействие наших культур началось с древности и продолжается до сих пор. Так, в 2014 г. Тбилисский театр им. Грибоедова признан Москвой лучшим русским театром за рубежом. Осуществляется непрерывное сотрудничество между русской и грузинской православными церквями, которые не прекращали взаимодействие даже в дни августовской войны.

При этом следует учитывать, что на современном этапе развития американское правительство обеспокоено российской пропагандой в Грузии, периодически обсуждается вопрос о запрещении вещания российских телевизионных каналов, т. к. у них имеется своя аудитория телезрителей. Российс-

кую пропаганду ищут среди грузинских общественных организаций, несмотря на то, что подрастающее поколение грузин уже не владеет русским языком.

Отдельно стоит проблема «свободы передвижения», которая связана непосредственно с границами Грузии и России, а также границами между Грузией, Абхазией и Южной Осетией. В данном вопросе так же существуют разногласия, т. к. Грузия в 2012 г. в одностороннем порядке отменила визовый режим для россиян, а получение российских виз для граждан Грузии до сих пор является проблематичным. Въезд в Грузию российских граждан со стороны Южной Осетии или Абхазии рассматривается как незаконное пересечение государственной границы через нелегальные пограничные пункты пропуска и наказывается штрафом или лишением свободы на срок от 2 до 4 лет, что препятствует развитию туризма.

Несмотря на существующие проблемы, статистика поступления студентов Грузии на 2014 г. в процентном соотношении соответствует общим тенденциям в области образовательной миграции в Россию. Ситуация в системе российского высшего образования не поменялась после конфликта 2008 г. Россия остается открытой для иностранных студентов, в том числе и представителей Грузии. В настоящее время существует, правда, препятствие в виде низкого спроса в Грузии на специалистов с российским образованием. Однако у Грузии, как и у России, существует спрос на совместные научные проекты, студенческие обмены и научные стажировки. В связи с этим имеется надежда, что личные контакты, особенно в научной сфере станут лучшим стимулом к развитию отношений и созданию прочной основы для будущего российско-грузинских отношений.

Несмотря на существующие противоречия и нерешенные вопросы в области внешней политики и экономики, межкультурная и межэтническая сфера русско-грузинских отношений представляет собой вполне оптимистичную картину. «В Грузии наблюдается процесс сближения друг с другом проживающих там этносов. Так, русские, живущие в Грузии, говорят с выраженным грузинским акцентом, сохраняющимся у них даже в случае переезда в Россию. Примером может служить российский экс-премьер-министр Евгений Максимович Примаков, родившийся и выросший в Грузии. <...> Переселившиеся в Сочи 143 года назад грузины из Кутаисской губернии Российской империи привезли с собой все присущие их предкам обычаи и традиции, в первую очередь – толерантность к иным культурам и верованиям. Сочинские грузины никогда не проявляли никаких элементов неприязни к своим инонациональным соседям. Напротив – они жили с ними в добром мире и согласии, разделяя с ними все трудности пребывания на необжитой земле и всячески помогали друг другу во всем. Это помогало выжить на трудном этапе освоения новых условий жизни. При этом непрерывно происходил процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур всех этносов изначально многонационального Сочи.

Сочинские грузины поддерживают истинно братские отношения как с единоверными русскими братьями, так и со всеми остальными этносами, представленными в Сочи, включая абхазов и осетин. Созданный сочинскими грузинами почти четверть века назад культурный центр “Иверия” широко открыл свои двери для культурного общения с представителями других этносов. В танцевальных и вокальных ансамблях “Иверии” к грузинскому искусству приобщаются представители также и других народностей, что содействует взаимообогащению культурными ценностями. В репертуаре ансамблей помимо грузинских танцев и песен есть также и русские, осетинские и абхазские танцы и песни» [11].

Исходя из изучения социологических опросов, а также роликов и видео, выкладываемых в СМИ за последние несколько лет, можно сделать вывод о том, что недоброжелательное отношение грузин к русским, посещающим туристические места Грузии, притеснение и неуважительное отношение к правам русских граждан – миф, который инспирируется и время от времени актуализируется разного рода политиками с помощью ангажированных СМИ. Российские туристы утверждают, что Грузия – доброжелательная страна, радушно принимающая представителей русской национальности, частные лица на форумах и сайтах самым положительным образом отзываются об отдыхе и в целом об этой стране и ее населении, не считая незначительные проблемы как издержки развития современного мира.

Основные противоречия носят исключительно политический характер. Одним из путей решения противоречий между Россией и Грузией может выступать расширение круга лиц, имеющих возможность получить визу и упрощение процедуры ее оформления в рамках сотрудничества в образовательной и интеллектуальной сфере, а также для развития межэтнических и межкультурных взаимодействий. Необходимо решить вопрос о преодолении ограничений на передвижение людей для установления нормальной жизни в грузинском, южноосетинском и абхазском регионах посредством русско-грузинских переговоров, при участии Южной Осетии и Абхазии.

Исходя из того, что Грузия и Россия имеют ряд политических, экономических, национальных, межкультурных и межэтнических интересов, вопрос о налаживании взаимоотношений в ближайшем будущем будет проявляться все сильнее и при посредстве специалистов в области дипломатии и переговоров на специально созданных Женевских консультациях. Путем совместных уступок и компромиссов договориться можно о многом.

Литература

1. Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М.: Европа, 2006.
2. Гарибашвили И.Т. Грузия – Россия: поиски выхода из тупика // Россия в глобальной политике. 2014. № 1. С. 75–77.
3. Гулбаат Р.И. Поворот: общественное мнение Грузии и будущее российско-грузинских отношений // Стратегия России. 2017. № 1. С. 37–44.
4. Интервью руководителя отдела IRI в Грузии Стивена Никса «Голосу Америки». 9 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pia.ge/show_news.php?id=67167&lang=geo (дата обращения: 19.02.18).
5. Крутов А.А. Исторические истоки «Пятидневной войны»: деятельность политиков Грузии по развалу СССР. М., 2012. № 11. С. 164–174.
6. Левченко Л.В. Россия и Грузия: перспективы внешнеэкономического сотрудничества в условиях современной мировой экономики // Экономические науки. 2015. № 3. С. 106–111.
7. Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней: худож. произведения, документы, письма, мемуары, статьи. 2-е изд. доп. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1967.
8. Об установлении порядка выдачи виз гражданам Грузии от 15.06.2009. Федеральная миграционная служба России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms-nso.ru/press/news/28522> (дата обращения: 12.02.18).
9. УК Грузии. Ст. 344. Незаконное пересечение Государственной границы Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241370&subID=100095257,100095259,100095270,100095678,100095722#text> (дата обращения: 17.02.18).
10. Хроленко А.Т. Уроки «Пятидневной войны»: взгляд в будущее // Ориентир. 2010. № 4. С. 19–21.
11. Цверганишвили Г. Традиции грузин по укреплению семейных и межэтнических отношений // Научно-культурологический журнал. 2014. № 8(281) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D3921%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles> (дата обращения: 17.02.18).

YEVGENIYA POPOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

MODERN RUSSIAN-GEORGIAN RELATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article deals with studying political and interethnic Russian-Georgian relations. The forecast for the future development of relations between the countries and the possible ways of solving the contradictions between Russia and Georgia at the present stage are under consideration.

Key words: the Russian-Georgian relations, interethnic relations, diplomatic relations, economic problems, intercultural dialogue.

УДК 94(47)

А.А. ПРОЗОРОВ

(alprozorov94@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

НЕСТОР МАХНО И «МАХНОВЩИНА» КАК ЯРКИЙ ПРИМЕР ЗЕЛЕННОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ*

Анализируется деятельность Нестора Ивановича Махно, как лидера анархо-коммунистического повстанческого движения на Украине, и его взаимоотношения с большевиками.

Ключевые слова: *Н.И. Махно, анархо-коммунизм, большевики, Гуляйполе.*

Революция и последовавшая за ней Гражданская война в России являлись временем, безусловно, неоднозначным. С одной стороны, это – братоубийственный конфликт, разразившийся из-за неразрешимых противоречий в российском обществе с огромным количеством жертв с обеих сторон. С другой стороны, это был период, когда различные социальные слои, политические движения, а так же народы бывшей Российской империи могли заявить о себе во всеуслышание.

Различными политическими движениями предпринимались попытки осуществления социальных экспериментов, т. е. пытались создать новые формы социально-политической организации. Анархисты радели за создание особого общества без государственной власти, т. к. считали любую власть порождением угнетения одних другими. Анархисты в период Гражданской войны были серьезной силой как политической, так и военной. Достаточно сказать, что кроме Красной и Белой гвардии, была еще одна – Черная гвардия, состоявшая из анархистов. Это свидетельствует об их военном потенциале. Что касается политической составляющей, то почти в каждом городе, а также в крупных селах действовали анархические ячейки, которые занимались пропагандой и активно участвовали в политической жизни.

Среди анархистов было немало ярких деятелей Гражданской войны. Но самой известной и одиозной личностью из них был Н. Махно. Ведь именно он смог, пусть на короткий срок, осуществить анархо-коммунистическую концепцию на базе своего родного села Гуляйполе и прилегающих территорий. Махно и соратники отошли от рассуждений об анархизме к его практическому применению и это является уникальным опытом не только для России.

На тему махновского движения сохранилось большое количество исторических источников. В период Гражданской войны все конфликтующие стороны имели свое делопроизводство и фиксировали происходящие события (это отчеты, статистики, телеграммы, листовки и т. п.), поэтому недостатка в данных изучающие этот период не испытывают. Например, источники личного происхождения – мемуары Н.И. Махно (лидера повстанческого движения), П.А. Аршинова (его ближайшего соратника), сочинения В.А. Антонова-Овсеенко (верховного главнокомандующего советскими войсками Юга России) и др. Эти источники ценны тем, что написаны непосредственными участниками драматических событий 1917–1922 гг. Также были проанализированы научные работы М. Кубанина «Махновщина», С. Семанова «Махновщина и ее крах», В. Волковинского «Нестор Махно и его крах» и др. Безусловно, данные труды важны, т. к., несмотря на свою явную антимяхновскую позицию, авторы вышеперечисленных работ используют архивные источники.

Для того чтобы понять, кто такой Нестор Иванович Махно и как он встал во главе одного из самых крупных и неоднозначных народных движений в годы Гражданской войны в России, нужно проследить путь его становления как анархо-коммуниста.

Нестор Иванович Махно думал, что он родился 27 октября 1889 г. Однако в метрической книге говорится про 26 октября 1888 г. Родители исказили год рождения сына, чтобы подольше не отдавать его в армию.

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Отец Нестора, Иван Родионович Махно, – бывший крепостной крестьянин, а затем конюх помещика Мабельского, кучер заводчика Кернера, скончался в 1890 г., оставив пятеро детей без средств к существованию. Жизнь была полна лишений. И только заработки старших братьев позволяли не умереть с голода и поддерживать хозяйство. Будучи подростком Н. Махно поступил чернорабочим на чугунолитейный завод Кернера и там же стал участвовать в постановках любительского театрального кружка.

Можно сказать, что в этот период у него закладываются некоторые черты характера и приобретаются умения, определившие его судьбу, а именно: он был из бедной семьи и привык пробиваться по жизни, отвечать за свои поступки. Махно, как и многие молодые люди того времени, хотел выбраться из этой бедной обыденности и видел выход, как мы узнаем далее, лишь в свержении старых порядков. Нестор Иванович был явным максималистом и романтиком. Он верил в идеалы революции. Также большую роль в формировании бунтарской натуры подростка сыграли рассказы гуляйпольцев о казачьей вольнице, воспоминания о которых передавались из поколения в поколение. Его театральные навыки, безусловно, помогали ему в политической жизни в плане агитации, умении держать себя уверенно на митингах, таким образом завоёвывая толпу.

Махно впервые окунулся в политическую жизнь во время революции 1905 г. 22 февраля завод Кернера забастовал. Рабочие требовали улучшений условий труда, отмены штрафов и сверхурочных работ.

С сентября 1906 г. в Гуляйполе начала действовать террористическая организация «Союз вольных хлеборобов». В течение года группа провела четыре бескровных ограбления, представляясь анархистами. Жертвам своих ограблений они утверждали, что денежные средства пойдут «голодающим села» [2, с. 17–19].

В дальнейшем Н. Махно неоднократно подвергался преследованиям со стороны сил правопорядка, несколько раз ему и другим членам банды угрожал полевой суд, и 20 марта 1910 г. группа анархистов, в том числе юный Нестор Иванович, предстала перед военно-полевым судом.

22 марта Нестор Махно вместе со своими товарищами «за принадлежность к злонамеренной шайке, составившейся для учинения разбойных нападений, за два нападения на жилой дом и покушение на такое же нападение» был приговорен к смертной казни через повешение [2, с. 26].

Однако, приговор пересмотрели, и вынесли решение о замене смертной казни на каторгу. Это связано, прежде всего, с тем, что Н. Махно был еще несовершеннолетним, а также не участвовал непосредственно в убийствах.

2 августа 1911 г. Н. Махно был отправлен в Московскую центральную пересыльную тюрьму (Бутырская). Здесь он продолжал бунтовать, спорил с тюремным начальством, за что часто отправлялся в карцер. Итог – туберкулез, болезнь, которая приведет Нестора Ивановича к смерти в 1934 г. [6, с. 5]. В тюремной камере Нестор Махно не сидит сложа руки, и в беседах с заключенными-революционерами повышает свой уровень знаний теории анархизма и коммунизма с помощью Петра Андреевича Аршинова.

Вышел из тюрьмы Махно вместе с П.А. Аршиновым в марте 1917 г. по амнистии в честь Февральской революции, т. к. оба были политическими заключенными. Н. Махно возвращается в Гуляйполе, но теперь он стал политическим вожаком. В этот период он находился под общим для анархистов того времени влиянием идей П.А. Кропоткина, понимаемых крайне абстрактно и упрощенно [8, с. 16].

Махно и его дореволюционные товарищи создают группу анархо-коммунистов (ГАК), которая решала задачи распространения основных идей анархизма в Гуляйпольском р-не.

Далее они созывают уездный партийный комитет Крестьянского союза, который парализует работу Временного правительства. Крестьяне утверждают Н. Махно как председателя Крестьянского союза.

С этого периода Махно и возглавляемый им ГАК и Крестьянский союз становятся главной политической силой в регионе. Они осуществили передел и передачу земли крестьянам, создали произ-

водственно-распределительную организацию (профсоюз), заключали союзы с рабочими (тесное взаимодействие с рабочими являлось отличительной чертой анархо-коммунистов).

Но прогремела Октябрьская революция и появляется новый, куда более сильный, чем представители Временного правительства, политический игрок – большевики. С этого момента начинается очень сложный этап в жизни Н. Махно и его анархо-коммунистического оплота, т. к. отношение большевиков и махновцев друг к другу было неоднозначным. Эволюция их взаимоотношений, на наш взгляд, является одной из самых трагичных страниц Гражданской войны, т. к. большевики и махновцы бок о бок сражались с Деникиным, с Петлюровцами, были братьями по оружию и по идеологическим соображениям, но впоследствии навели оружие друг на друга.

Анархисты или анархо-коммунисты (по П. Кропоткину) считали большевиков своими союзниками, причем слева, аргументируя это революционными целями, а именно победой над общим врагом – Временным правительством, и имели точки соприкосновения по вопросам войны и земли. И те и другие выступали за прекращение военных действий и за мир без контрибуций [3;4], а также за конфискацию всех помещичьих земель. Но все же сосуществовать в мире после Октябрьской революции у большевиков и анархистов не получилась. Виной всему выступали различия в понимании конечных целей революции. Большевики создавали государство диктатуры пролетариата. В.И. Ленин определял ее, как «неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс пролетариата» [4].

Анархисты, в том числе и Нестор Иванович Махно, считали не приемлемыми действия большевиков в период Гражданской войны: политика Военного коммунизма, создание ВЧК, введение продразверстки и т. п.

Итак, еще до «триумфального шествия советской власти» (ноябрь–декабрь 1917 г.) в Гуляйполе уже была власть Советов. Ещё 25 сентября 1917 г. Н. Махно подписал декрет уездного Совета о национализации земли и разделил её между крестьянами.

Махно, как и большевики, не поддерживал создание национального украинского государства, и II съезд Советов Гуляйпольского района принял резолюцию «Смерть Центральной Раде».

С весной 1918 г. немецко-австрийские войска начинают наступление. Красная Армия отступает. Для поддержки красноармейцев создается гуляйпольский «Вольный» батальон, выступивший на фронт против немцев, а тем временем 15–16 апреля в самом Гуляйполе происходит переворот Петлюровцев. Соответственно, Н. Махно теряет опорную базу и ему приходится отступать вместе с частями Красной Армии.

Началось путешествие Махно по России. Наблюдал Царицынскую историю, когда разоружали красные отряды, уходившие с Украины. Ему это все не понравилось, судя по мемуарам. Его возмущала история с отрядом Петренко. В дальнейшем он участвовал в анархистских организациях в Астрахани, Саратове, Ростове. Наблюдал за деятельностью анархистов в этих городах. И, в конце концов, оказался в Москве [8, с. 13].

И здесь, по его утверждению, он встречается с Лениным. По итогам беседы договорились о содействии большевиками в перебросе Н. Махно на Украину. Перебравшись с помощью большевиков Махно с соратниками начинают повстанческую войну против оккупантов и даже захватывают с. Дебривки, дав бой превосходящим силам немцев. А в ноябре 1918 г. прогремела революция в Германии и немецко-австрийские войска стали отступать из Украины. Н. Махно входит в Гуляйполе, устанавливает прежние порядки. А в декабре вместе с местными большевиками решается атаковать Екатеринослав и захватывает его [Там же]. Здесь мы видим хорошее взаимодействие и понимание между анархистами и большевиками.

Противоречия нарастают в феврале – марте 1919 г. Проходила постепенная интеграция в Красную армию многочисленных украинских повстанческих движений. Быстрый рост рядов «бригады» Махно, военные успехи махновцев – все это до времени способствовало терпимому отношению центра к политическим вольностям [7].

Но уже весной 1919 г. видно, что большевики относятся с недоверием к махновцам.

Однако даже в условиях тотальной подозрительности и откровенных провокаций большевиков, части Н. Махно успешно сражались с белыми. Например, в тяжелейшем сражении отбили Мариуполь. Антонов-Овсеенко отмечал: «прежде всего, факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места – района Гуляйполя, Бердянск – неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель – май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении организованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги» [1, с. 98].

Однако, несмотря на военные успехи «махновщину» собирались ликвидировать. 15 апреля 1919 г. член РВС Южного фронта телеграфировал Л. Троцкому о необходимости устранить Махно от командования. Ленин также поддержал эту идею [5, с. 122].

25 апреля 1919 г. в Харьковских «Известиях» появилась статья «Долой махновщину».

В ответ на газетную статью III районный съезд в Гуляйполе принимает резолюции, которые были направлены против военно-коммунистической политики РКП (б) [9, с. 23–24].

Ситуация накалялась, и даже посещение махновского района Антоновым-Овсеенко и Каменевым, а также то, что махновцы не поддержали восстание красного комдива Григорьева не спасло ситуацию.

Поводом к новому резкому обострению отношений стало развертывание 3-й бригады в дивизию. Бригада махновцев была столь велика, что ее просто необходимо было переводить в разряд дивизии. Но это и увеличивает статус Н. Махно. Однако нарком по военным делам Украины Межлаук требовал «не переформировывать, а сокращать» махновцев [5, с. 145]. Махно все больше расценивался как потенциальный противник.

Узнав о намерениях командования, Махно заявил 28 мая о сложении с себя полномочий комбрига и комдива. Но Махно уходил не просто так: «Даю свободное право каждой бригаде, входящей в повстанческую дивизию, входить в состав Южфронта и Чикваная, либо разбиться на самостоятельные отряды и работать в интересах народа – это их воля» [Там же, с. 306].

3 июня командующий Южным фронтом В. Гиттис отдал приказ о начале ликвидации «махновщины».

В этот период происходит интереснейшее событие. По воспоминаниям жены Махно, Ворошилов, призванный уничтожить махновщину награждает его орденом Красного знамени [7]. По сей день историки спорят, имело ли место это награждение, т. к. опять же, в большевистских источниках нет упоминаний о вручении награды Махно, но встреча с Ворошиловым действительно была.

С июля 1919 г. большевики стали массово уничтожать повстанческих командиров. На тот момент, потерпев очередное поражение на Украине, они решили разобраться с внутренними «врагами». В ночь на 16 июня семь членов махновского штаба (половина – левые эсеры), в том числе и Озеров, были расстреляны в ЧК. Этот расстрел окончательно сделал Махно врагом партии большевиков. И даже временный союз против Врангеля уже мало что значил. Как только с белым движением в Крыму было покончено, Махно в очередной раз объявлен вне закона и в конце лета 1921 г. с боями навсегда покидает территорию Советской Украины [Там же].

В отличие от большинства военно-политических лидеров времен гражданской войны, Махно понимал специфику большевистской власти. Коммунистическая партия смогла мобилизовать на свою сторону радикальные массы России. Н. Махно и сам был частью этих радикальных масс и стремился вплоть до победы над белым движением идти вместе с большевиками, сохраняя автономию своего района, защищая его от неприемлемых для крестьян мер большевиков и проводя демократическую корректировку их курса.

Резюмируя результаты проделанной работы, можно сделать вывод, что анархо-коммунист Н. Махно – очерненный большевистской историографией герой Гражданской войны, без которого советская власть, скорее всего, не смогла бы победить в Украине.

Литература

1. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне: в 4-х т. М.; Л., 1933. Т. 4.
2. Волковинский В.Н. Махно и его крах. М.: Изд-во ВЗПИ, 1991.
3. Ленин В.И. Апрельские тезисы [Электронный ресурс]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/ref_encyc/bse/7n/j23.html (дата обращения: 03.02.2017).
4. Ленин В.И. Государство и революция (август–сентябрь 1917 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://leninism.su/works.html> (дата обращения: 03.02.2017).
5. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006.
6. Шубин А.В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми: Нестор Махно как зеркало Российской революции. М.: Эксмо: Яуза, 2005.
7. Шубин А.В. Махно и большевики: обстоятельства раскола [Электронный ресурс] // Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета: научное периодическое издание. URL: <http://istznu.org/page/issues/21/21/shubin.pdf> (дата обращения: 07.02.2017).
8. Шубин А.В. Махно и махновское движение. М.: МИК, 1998.
9. Яковлев Я.А. Русский анархизм в Великой русской революции. М.: Гос. изд-во, 1921.

ALEXANDER PROZOROV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

NESTOR MAKHNO AND “MAKHNOVSHCHINA” AS A STRIKING EXAMPLE OF THE GREEN REBEL MOVEMENT

The article deals with the analysis of the activities of Nestor Ivanovich Makhno, as the leader of the anarcho-communist rebel movement in Ukraine, and his relationship with the Bolsheviks.

Key words: *N.I. Makhno, anarcho-communism, the Bolsheviks, Gulyaypole.*

УДК 908(470+571)

Н.В. СЕМЕНЦОВА

(n.v.sementsova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ШКОЛЬНИКОВ В ВОЛГОГРАДЕ (1960-Е ГГ.)*

Работа посвящена рассмотрению основных форм организации досуга школьников Волгограда, реализуемых на протяжении 1960-х гг. и нашедших отражение на страницах периодической печати.

Ключевые слова: школа, дети, досуг, Волгоград, образование, воспитание.

Период «оттепели» в СССР совпал со временем поиска новых направлений развития общественной жизни. Не было исключено из этих процессов и подрастающее поколение. Дети того времени – октябрята, пионеры – принимали участие во многих мероприятиях. Это позволяло формировать такие важные качества личности, как инициативность, самостоятельность. Новым явлением в 1960-е гг. становится развитие любительского движения. Под любительскими движениями подразумеваются объединения людей согласно своим устойчивым интересам. Так, решением внеочередного XXI Съезда было постановлено «развитие инициативы и самостоятельности на производстве и в общественной жизни» [1, с. 151]. «При Дворцах, Домах культуры, клубах стали создаваться устойчивые группы людей, объединенных общим интересом к какому-либо виду деятельности» [5]. Это были «любительские клубы» и «клубы по интересам». «Возникли клубы любителей музыки, поэзии, литературы, клубы кинолюбителей, радиолюбителей, фотолюбителей, любителей науки, техники, природы, спорта, туризма, клубы коллекционеров» [Там же]. В периодической печати того времени широко освещалась деятельность молодежи младшего возраста – пионеры.

По мнению академика Ю.А. Полякова, «важнейшей задачей современной историографии стало изучение не столько производственной и политической деятельности, не столько научных и культурных достижений, сколько “самого человека, как такового, его жизни, какой она была и какой стала”» [11, с. 126].

Анализ литературы по проблеме социальной повседневности можно разделить на два блока: междисциплинарный и исторический. Как пишет Е.В. Косматова в статье «Социальная повседневность 1950–1960-х гг. К историографии вопроса»: «в первую очередь, эта общая литература, в которой представлены работы о социологии быта, свободном времени, досуге и образе жизни. Следует выделить публикации Л.А. Гордона, Н.М. Римашевской, Б.А. Грушина, А.А. Возьмителя, В.А. Ядова, Э.В. Клопова, А.И. Исмаилова. В исследование быта городского населения большой вклад внес И.П. Труфанов. Он раскрыл значение сферы быта, исследовал организацию быта жителей города. Однако в его работе слабое освещение получили вопросы трансформации бытовых условий и частной жизни людей в период реформ сер. 1950–1960-х гг.» [2]. «Несмотря на явный рост интереса к изучению истории повседневности, методологическая основа этого научного направления и сегодня не слишком внятна. <...> Но в практике исследований чаще всего под повседневной жизнью понимается некий синтез элементов материальной и духовной культуры, изучение таких проявлений человеческой обыденности, как жилище, одежда, питание, частная жизнь и т. д. И здесь будет уместно процитировать слова выдающегося русского ученого Л.П. Карсавина: “Материальное само по себе в своей оторванности неважно. Оно всегда символично и в качестве такового необходимо для историка во всей своей материальности. Оно всегда выражает, индивидуализирует и нравственное состояние общества, и его религиозные и эстетические взгляды, и его социально-экономический строй”» [3].

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Н.Б. Лебина пишет о том, что и Ю.М. Лотман ранее подчеркивал, – важность знания «простой жизни». Так последний ученый говорил, что «без понимания “мелочей” обыденной жизни не может быть истинного понимания истории в целом. Ученый предлагал путь познания прошлого через повседневный быт, что, по его мнению, должно было помочь осмыслению и истории государств, и истории войн, и истории идей. Быт, подчеркивал Ю.М. Лотман, – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. Быт окружает нас как воздух, и, как воздух, он замечен нам только тогда, когда его не хватает или он портится. Мы замечаем особенности чужого быта, но свой быт для нас неуловим – мы склонны его считать “просто жизнью”, естественной нормой практического бытия. Но и в данном случае необходимо использовать некий методологический инструментарий. В противном случае, как справедливо отмечает М.М. Кром, история быта сведется опять к описательности, к импрессионистическим картинкам или к механической сумме отдельных явлений той или иной эпохи» [3].

Второй блок литературы – это исследования историков. Особенный интерес здесь представляют работы Н.Б. Лебиной и А.Н. Чистикова [4, с. 23]. Авторы размышляют над вопросом, как живет обычный людям, «обывателям» в условиях крупного города. М.В. Ромашова пишет, что Л.Б. Брусиловская обращается к изучению истоков «оттепели», исследуя прозападные настроения советских подростков по музыкальным и книжным предпочтениям, стиляжной моде [12, с. 8].

В рассматриваемый период в организации досуга пионеров ключевую роль играл Дворец пионеров. Но, кроме работы привычных кружков, при организации были и другие формы реализации пионеров. Так, в статье Г. Александровой «Друг мой, Колька!» говорится, что при Сталинградском Дворце пионеров был создан пионерский театр «Сталинградец», название которому дали сами участники с целью «показать человека-героя. Рыцарски самоотверженного, страстно влюбленного в свою идею». Первым спектаклем пионерского театра стал – «Друг мой, Колька!» А. Хмелика. Пьеса была выбрана не случайно: герои пьесы – ровесники артистов; подняты волнующие вопросы: учеба, пионерская жизнь, увлечения и огорчения [7, с. 4].

Нередко досуг пионеров был связан и с производством. Так, статья А. Светозарова «Юные хозяева фабрики» рассказывает о деятельности пионерской фабрики, которая была открыта при содействии школы № 21 г. Сталинграда. Все должности, которые существовали на фабрике, должны были быть заняты здесь пионерами – от директора до рядового рабочего. Впрочем, все должности совпадали с должностями на «взрослой» фабрике. Здесь были и директор, и главный инженер, начальник ОТК, бригадир, начальник снабжения и сбыта и т. д. На фабрике работали и старшеклассники-комсомольцы, но в основном коллектив состоял из пионеров. Довольно широкий был и круг заказов на фабрике. Так, картонажный цех выполнял заказ ремонтно-обувной фабрики артели «Прогресс»; столярный цех ремонтировал и изготавливал для детских садов Советского района игрушки: теремки, стульчики, раскладушки; пошивочный цех – шил для малышей наволочки, простыни, майки и т. д. Работа фабрики производилась на полном хозрасчете. Средства, поступающие от реализации продукции, расходовались на приобретение материалов и оборудования, на строительство учебных мастерских, организацию культурно-массовых мероприятий (походы в театр, туристические поездки и экскурсия в Москву, на Черное море и т. п.). В «Правилах внутреннего трудового распорядка» четко прописывалось, что все работники обязаны учиться без двоек, знать и строго соблюдать правила техники безопасности, соблюдать трудовую дисциплину, беречь инструменты и оборудование, рабочее место содержать в чистоте. Эти правила выполнялись неукоснительно, нарушители наказывались вплоть до увольнения [6, с. 1].

Зачастую пионеры не только занимались организацией своего досуга, но и уделяли внимание своим младшим товарищам. В статье «Воскресенье – день веселья» говорится об организации воскресного детского сада. В домоуправлении № 5 Краснооктябрьского района была выделена комната для организации досуга детей. В будние дни в ней занимались сами школьники, а в воскресенье комната представлялась малышам и стала называться – Воскресный детский сад. Здесь малышам учили правильно танцевать под музыку, читали сказки, играли, даже был проведен конкурс на лучший рисунок [9, с. 3].

Иногда инициатива в организации своего досуга принадлежала пионерам. Об одном из наиболее ярких примеров такого начинания говорилось в статье старшей пионервожатой средней школы № 1 г. Волжского Л. Максимовой «Если бы стены заговорили». Она писала, что сами пионеры обратились за помощью в жилищно-коммунальную контору (ЖКК) о предоставлении им комнаты для проведения дополнительных занятий. В итоге была выделена комната в доме № 2 на пересечении улиц Пушкина и Коммунистической в г. Волжский. Дети решили в помещении оборудовать библиотеку. Средства для помощи пионерам выделила жилищно-коммунальная контора. Однако здесь, кроме чтения книг, слушали песни, рисовали, занимались лепкой. В библиотеке действовал строгий распорядок, установленный самими пионерами. С 12 до 2 часов дня в комнате, которая стала называться детской, занимались младшие ребята, с 3 и 5 часов вечера – старшие, хотя на это время оставались и малыши. Для соблюдения порядка были назначены дежурные. Занятия с детьми организовывали сами пионеры. Так ученица 8 «Б» класса Оля Стаценко разучивала с детьми танцы. Устраивались занятия по теннису, читали книги, показывали фильмы (в библиотеке имелся собственный фильмоскоп), занимались фотоделом, играли в шахматы. В разработках библиотеки была даже организация собственного авиамодельного кружка, как для малышей, так и для пионеров [9, с. 4].

Как правило, в рамках деятельности пионерской организации назначались вожатые, которые курировали младших товарищей – октябрят. Однако такое формальное общение иногда выходило из своих рамок. Таким примером служит статья, написанная Л. Игнатьевой «Когда есть друзья», в которой она рассказывает о пионерах 5 «Д» класса средней школы № 3, Алле Сизюмовой и Вале Куссаиновой, которые были вожатыми у учеников 1 «Д» класса. В своей деятельности девочки не только подготовили малышей к празднику красной звездочки – познакомили с правилами октябрят, помогли подготовить номера художественной самодеятельности, организовывали регулярные занятия: разучивали песни, читали книги, играли. Однако, несмотря на всю формальность общения детей, в статье еще говорится о том, что вожатые проводили с малышами беседы, в которых рассказывали о пионерах и традициях, о красном галстуке, о пионерском знамени, о первых пионерах и их работе [Там же, с. 1].

Организация пионерской работы сводилась не только к устным формам работы. Дети также оказывали помощь своим младшим товарищам. В подготовке к весенней встрече птиц октябрят готовились, еще начиная с зимы. Активными помощниками являлись пионеры, которые не только показывали, как делают скворечники, но учили мальчиков обращаться с инструментами и досочками [Там же, с. 3].

К примеру, в статье «Что такое клуб, массовка и актив» рассказывается о деятельности пионеров школы № 62 Красноармейского района г. Сталинграда. В этой школе был создан клуб под названием «Веселый пионер», в который приглашались пионеры первой, второй и третьей ступени. В рамках работы клуба подростки пели песни, разучивали новые танцы, устраивали различные конкурсы, к примеру, на лучшее исполнение бального танца с раздачей премий и поощрительных призов в виде тортов и шоколада [8, с. 4].

В рамках деятельности школы для малышей устраивались представления. Так, ученица школы № 60, Валя Петрова, являлась одной из активисток пионерского кукольного театра вместе со своими подругами пионерками Светланой Рыжиковой и Ларисой Саркисовой. Вместе они продумывали свои выступления, следили за порядком в кукольном хозяйстве. Большая часть принадлежностей для постановок изготавливалась самими ребятами: за костюмы и их пошив отвечали девочки, мальчики в школьной мастерской выпиливали декорации, эскизы которых продумывали сами дети. Свои постановки дети показывали перед пионерами, октябрятами. В летние каникулы спектакли организовывались для малышей из детских садов [10, с. 3].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что мероприятия самодеятельного характера имели самый разнообразный характер. Важно отметить, что такие мероприятия отмечаются своей заранее подготовленной программой. Они не носили спонтанного характера, что уже говорит о работе клубов, красных уголков в этот период.

Литература

1. Внеочередной XXI съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 27 янв. – 5 фев. 1959 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1959.
2. Косматова Е.В. Социальная повседневность 1950–1960-х гг. К историографии вопроса // Вестн. Южно-Уральского государ. ун-та. Сер: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 190–191.
3. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю [Электронный ресурс]. URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/68837/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 31.03.2018).
4. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевско-го десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин. 2003.
5. Лютова Н.К. Культурно-досуговая сфера московского мегаполиса: состояние, проблемы, перспективы развития: дис. ... канд. социол. наук, М., 2015.
6. Молодой ленинец. 1959. № 98(5349). С. 1.
7. Молодой ленинец. 1961. № 37(5807). С. 4.
8. Молодой ленинец. 1961. № 75(5845). С. 4.
9. Молодой ленинец. 1962. № 27(6054). С. 3.
10. Молодой ленинец. 1963. № 28(6312). С. 3.
11. Поляков Ю.А. Человек и повседневность // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125–127.
12. Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): автореф. дис. ... канд. истор. наук, Пермь. 2006.
13. Труфанов И.П. Проблемы быта городского населения СССР: моногр. Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1973.

NADEZHDA SEMENTSOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FORMS OF ORGANIZATION OF LEISURE TIME FOR SCHOOLCHILDREN IN VOLGOGRAD (1960S)

The article deals with the main forms of organizing leisure time for schoolchildren in Volgograd, implemented throughout the 1960s and reflected in the pages of the periodical.

Key words: *school, children, leisure, Volgograd, education, upbringing.*

УДК 94(47+571)

А.А. СЕРЁЖНИКОВ
(rdawon2012@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Я.З. ЕРМАН И А.М. КАЛЕДИН В ИСТОРИИ ЦАРИЦЫНА*

Дается оценка роли двух лидеров противоборствующих сторон в период Гражданской войны в истории края (Я.З. Ерман, с именем которого связано установление советской власти в Царицыне, и А.М. Каледин, который в июне 1917 г. был избран Большим войсковым кругом атаманом Войска).

Ключевые слова: Я.З. Ерман, А.М. Каледин, Царицын, революция 1917 г., Гражданская война.

Современная историография, исходя из общих оценок Гражданской войны как «вооруженной борьбы между различными группами населения, имевшей в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия», отказывается от однозначных оценок событий, заменяя понятие «герои» красного и белого движений – участниками, боровшимися каждый за свою политическую программу. Многие историки стремятся, хотя бы в сознании потомков, достигнуть национального примирения. Поэтому, избегая говорить о героях, мы будем говорить о лидерах противоборствующих сторон, сыгравших в их консолидации значительную роль.

С именем Якова Зельмановича Ермана связано установление советской власти в Царицыне. Будучи студентом Петроградского политехнического института, он был направлен для прохождения службы в один из запасных студенческих батальонов, и одновременно перед отъездом, по собственному почину, заручился мандатом представителя ЦК РСДРП в нашем городе.

Яркий оратор, говорящий на языке толпы и от ее имени, Я.З. Ерман быстро приобрел известность. Он выступал почти каждый день, а иногда по 2–3 раза в день на митингах, рабочих и солдатских собраниях. Люди слышали в его выступлениях то, о чем мечтали: «долой войну», «помещичью землю – крестьянам», «фабрики – рабочим». Эти лозунги прочно вживались в их сознание, служили ответом на давно мучившие вопросы.

В своих речах Я.З. Ерман использовал приемы резкой критики своих политических противников, доходившие до эпатажа. Например, на Всероссийском демократическом совещании в ответ на речь председателя временного правительства А.Ф. Керенского он выкрикнул, что Керенский – подлец, и этим одним словом сделал известным свое имя на всю Россию.

Во многом благодаря позиции Я.З. Ермана, поддержавшего ленинский курс на социалистическую революцию, в апреле произошел раскол между большевиками и меньшевиками, составлявшими ранее единый городской комитет РСДРП.

Успехи большевиков в Царицыне привели к тому, что 1 июня 1917 г. Временное правительство обсудило вопрос «О царицынской анархии». На следующий день военный министр Керенский предписал командующему Казанским военным округом установить порядок в гарнизоне Царицына. Центральные и местные газеты писали о том, что город превращен в особую независимую республику большевиков. Из города в срочном порядке стали отправлять распропагандированные полки, кого на фронт, кого в Саратов и разные отдаленные места Саратовской губернии.

В Царицын из Саратова был направлен карательный отряд под руководством полковника А.В. Корвин-Круковского. 26 июля, в день прибытия карательного отряда, город был объявлен на положении чрезвычайной охраны: запрещены стачки, митинги, закрыт печатный орган местных большевиков – газета «Борьба», созданная Ерманым. Отданы приказы об аресте Я.З. Ермана и его соратника С.К. Минина, которых направили в саратовскую тюрьму, подальше от Царицына [5].

* Работа выполнена под руководством Савицкой О.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Во время ареста Я.З. Ерман заявил начальнику караула: «Я скоро вернусь в Царицын. И мое возвращение станет триумфом Советской власти» [5]. Это были пророческие слова. Солдаты царицынского гарнизона, отправленные в Саратов, освободили из местной тюрьмы 28 арестованных большевиков, включая своих лидеров.

Уже 27 августа на вторичных выборах в Городскую думу большевики получили большее количество мест, чем другие партии. Городским главой стал С.К. Минин, председателем – Я.З. Ерман.

Свою новую должность Я.З. Ерман получил всего лишь после четырехмесячного пребывания в городе – поистине головокружительная карьера, возможная только в условиях революционной ломки старой общественно-политической системы, из солдат – в руководители местной исполнительной власти. С начала октября Я.З. Ерман возглавил Царицынский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Корвин-Круковский в своем докладе временному правительству о положении в городе пишет: «Царицын всегда славился какой-нибудь исторической особью: был Илиодор, и вот на его место появился Минин со своими сподвижниками» [3], имея в виду, в первую очередь Я.З. Ерман.

Но в отличие от скандально прославившего наш город в 1907–1912 гг. своей распутинской эпопеей и царицынским сидением мятежного иеромонаха Илиодора, Я.З. Ерман не был простым демагогом, рвавшимся к власти. Его революционные убеждения, насколько можно судить, были искренними. Он мог проявлять и политическую гибкость, заключая временные союзы со своими оппонентами, и дальновидность, и стремление не допустить пролития крови, когда сделал все возможное, чтобы у карателей при их вступлении в Царицын не было повода применить оружие.

4 ноября 1917 г. после выступления Я.З. Ерман, вернувшегося из Петрограда со II съезда Советов, была принята резолюция об установлении в Царицыне Советской власти. И Я.З. Ерман, как председатель исполкома Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов, возглавил эту власть.

Возвращаясь в Царицын в июле 1918 г. после окончания работы V съезда Советов Я.З. Ерман был убит на пристани в Николаевской слободе Астраханской губернии (сейчас – Волгоградская область). Обстоятельства его гибели разнятся в своих описаниях: от случайной пули до преднамеренного убийства. В Царицыне Я.З. Ерман должен был сдать дела, т. к. его избрали в члены Всероссийского Центрального исполнительного комитета. На момент гибели ему было 22 года.

Памятник на могиле Я.З. Ерман и защитников Красного Царицына пережил Сталинградскую битву, став одним из четырех таких довоенных монументов города. Сложенный из груды булыжников – орудия пролетариата в уличных столкновениях с войсками, он по сей день напоминает потомкам о революции и Гражданской войне, которая так ярко полыхнула здесь, на Юге России.

Политическим противником Я.З. Ерман, с которым он столкнулся дважды: в августе 1917 г., когда в Царицыне готовились к защите от отрядов донских казаков, поддержавших выступление генерала Корнилова, и в период восстания на Дону конца 1917-го – начала 1918 г., стал Алексей Максимович Каледин. Он уроженец хутора Каледин ст-цы Усть-Хоперской, ныне х. Блинов Серафимовического р-на Волгоградской обл.

В отличие от Я.З. Ерман, это был человек зрелый, командующий армией в Первую мировую войну, чьи политические убеждения не позволили принять ни Февральскую, ни Октябрьскую революции.

В июне 1917 г. Большим войсковым кругом был избран атаманом Войска Донского, первым после 1709 г., когда выборность атаманов была упразднена Петром I [2].

Осознавая своё положение в условиях общественного раскола, А.М. Каледин писал: «...Я пришёл на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, с проклятиями». И действительно, имя этого человека долгое время использовалось синонимом контрреволюционного мятежа белогоказаков как «каледи́нщина» [1].

25 октября 1917 г. А.М. Каледин объявил захват власти большевиками в Петрограде преступным и принял на себя всю полноту власти в Донской обл. [4]. Его попытка организовать единый фронт всех антибольшевистских сил от монархистов до эсеров на территориях оренбургского, кубанского, донского, уральского и астраханского казачества, и начать поход на Москву и Петроград, как известно,

не удалась. Это восстание стало одним из самых первых локальных выступлений периода Гражданской войны в ноябре 1917-го – феврале 1918 г.

На Царицынском направлении А.М. Каледин стремился захватить железнодорожные станции по линиям Лихая-Царицын и Поворино-Царицын. Со своей стороны 19 ноября 1917 г. Царицынский Совет создал для борьбы с калединскими войсками штаб обороны, город был объявлен на положении усиленной охраны, а при Царицынском совете была создана казачья секция.

Хотя основной удар Красной Армии по войскам А.М. Каледина наносился со стороны Донбасса, царицынское направление тоже считалось важным. И здесь особо отличились отряды Красной гвардии под командованием И.В. Тулака, чей прах покоится в одной братской могиле с Яковом Ерманом.

В конце января 1918 г., признав безвыходность своего положения, генерал А.М. Каледин сложил с себя полномочия и покончил жизнь самоубийством или был убит во время очередного покушения. Самой большой трагедией для него как для атамана стало нежелание вернувшегося с полей Первой мировой войны донского казачества стать, на тот момент, под знамена зарождающегося Белого движения. Время, на наш взгляд, показало правильность многих его оценок разрушительной силы революционной волны, как и того, что другие пути для решения национального кризиса, кроме революционных, в то время были исчерпаны.

Могила А.М. Каледина в Новочеркасске утрачена, а на территории современной Волгоградской обл. есть единственный памятник атаману на его родине, в ст-це Усть-Хоперской, поклонный памятник на месте его родового имения.

Современная Волгоградская область, как самостоятельная административно-территориальная единица, возникла в вихре Гражданской войны решением Северо-Кавказского военного округа, закрепляя зону красного влияния вокруг Царицына, включив в себя три округа бывшей области Войска Донского. Казачий компонент стал неотъемлемой частью истории региона, в котором память и памятники Гражданской войне позволят, возможно, сделать то, что было невозможно в прошлом – признать, что в этой братоубийственной войне нет однозначных победителей и побежденных.

Литература

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты // Очерки: в 6 т. Париж: Поволоцкий и К, 1923. Т. 2. С. 156–167.
2. Рвачева О.В. Казачья государственность Юга России периода Гражданской войны // Очерки истории и культуры казачества Юга России: кол. моногр. / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоград. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 305–323.
3. Советская власть победила [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volgograd-history.ru/history/tsaritsyn/art...> (дата обращения: 22.02.2018).
4. Трут В.П. Казачьи войска юга России в период революций начала XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: кол. моногр. / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоград. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 271–286.
5. Юдин В.Н. Яков Ерман. Волгоград: Нижне-Волжское книж. изд-во, 1965.

ALEXANDER SEREZHNIKOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

YA.Z. ERMAN AND A.M. KALEDIN IN THE HISTORY OF TSARITSYN

The article deals with the assessment of the role of two leaders of warring parties during the Civil war in the history of the province (Ya.Z. Erman, whose name is associated with the establishment of Soviet system in Tsaritsyn, and A.M. Kaledin, who was elected as the Ataman of the Army by the Great Military Circle in June of 1917).

Key words: *Ya.Z. Erman, A.M. Kaledin, Tsaritsyn, the revolution of 1917, the Civil war.*

УДК 908

О.А. СУВОРОВА
(railisola@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1965–1975 ГГ.***

Рассматривается работа учреждений культуры в Волгоградской области в 1965–1975 гг. по формированию марксистско-ленинского мировоззрения, воспитанию высоких морально-политических качеств и коммунистической сознательности граждан.

Ключевые слова: культура, идеология, коммунистическое воспитание, учреждения культуры, Волгоградская область.

Актуальность изучения взаимодействия государства и культуры в современных реалиях диктуется необходимостью поиска действенного механизма управления всеми сферами жизни общества.

Взаимодействие государства и общества в СССР в 1965–1975 гг. выражалось в распространении идеологических установок через деятельность учреждений различного уровня, в том числе и деятельность учреждений культуры.

В ряде отечественных исследований идеологическая работа учреждений культуры рассматривается в контексте их взаимодействия с государством. Это характерно как для работ следующего десятилетия, так и для работ более современных. Исследованиями 1980-х гг. являются работы И.А. Столярова, Е.Я. Самойловой и др. [1, 14].

Отечественным исследователем, Н.В. Белошапкой, в 2012 г. была издана монография, посвященная также данной тематике, в которой освещаются особенности формирования государственной культурной политики и механизм ее реализации во второй половине 60–80-х гг. [2].

В 2016 г. появился труд, рассматривающий деятельность Министерства культуры СССР с 1953 по 1992 г. Это – «Очерки истории Министерства культуры СССР» А.Д. Понько. В данном исследовании рассматривается опыт работы Министерства культуры СССР и основные этапы регулирования культурной политики государства [7].

Деятельность Волгоградских учреждений культуры, как правило, рассматривается в контексте истории самого города.

В 2009 и 2012 гг. защищены диссертации, в которых освещалась деятельность учреждений культуры Сталинграда (Волгограда). Т.Н. Орешкина рассматривала деятельность данных учреждений Сталинграда в восстановительный период. А.В. Липатов в своей диссертации выявил специфику развития учреждений культуры в Сталинграде (Волгограде) в 1953–1964 гг. [4, 6].

Изучалась и деятельность отдельных учреждений культуры. Е.В. Лихоманова в 2014 г. защитила диссертацию, посвященную государственной политике в отношении библиотек Волгоградской области. Автором были охарактеризованы условия формирования библиотечной сети в 60–70-е гг. и определены направления деятельности библиотек, в том числе и их идеологическая работа [5].

Советская культура признавалась средством коммунистического строительства, особый вклад в которое внесла творческая интеллигенция. Еще на XXIII съезде КПСС признавалось, что она руководствуется теми же целями, что и Коммунистическая партия и советский народ в целом.

В резолюции XXIV съезда ЦК КПСС подчеркивалось возрастающее значение пропагандистской и агитмассовой работы партии. Главной задачей являлось, устраняя имеющиеся недостатки, сделать пропаганду коммунистических идеалов более активной и целеустремленной [10, с. 116].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Согласно постановлению Совета Министров от 19 сентября 1969 г. № 759 об утверждении Положения о Министерстве культуры СССР, главной целью являлось удовлетворение культурных и эстетических запросов советского человека и его коммунистическое воспитание. Достижению этих целей должно было способствовать повышение идейно-политического воспитания масс через культурно-просветительную деятельность учреждений культуры [9].

В своей повседневной идеологической работе областной комитет партии опирался на творческие организации: писателей, художников, композиторов, театры [11, с. 6].

Одним из таких объединений художественной интеллигенции являлась областная организация изобразительного искусства. Художники создавали произведения о рабочем классе, колхозном крестьянстве. Для этого организовывались творческие командировки на предприятия, в колхозы и совхозы области.

Например, работа группы художников в совхозе «Белые пруды» Даниловского района, в городах Камышин и Волжский, а также на заводах «Красный Октябрь», алюминиевом, судостроительном [13, с. 1–2].

В коммунистическом воспитании масс принимали участие и библиотеки.

Библиотекам Волгоградской области предлагалось повысить идейно-политический уровень работы, предлагая читателям не только литературу по их запросам, но и общественно-политические и научные издания [3, с. 33].

Например, работники библиотек Дубовского р-на активизировали работу по пропаганде передового опыта, сельскохозяйственных знаний. Они постоянно информировали специалистов о новинках научной литературы [12, с. 26].

Частью культурной жизни страны стало массовое, самодеятельное искусство. Репертуар народных самодеятельных коллективов также являлся средством коммунистического воспитания трудящихся. В нем должны были присутствовать пропаганда социалистического образа жизни, героическая история Коммунистической партии и самого Советского государства, в котором на благо всего общества трудились представители разных слоев населения [8].

Вопросы культурно-просветительной работы постоянно рассматривались на пленумах, бюро обкома, горкомов, райкомов КПСС, заседаниях отдела.

Стало традицией проведение в Волгограде областных совещаний-слетов работников учреждений искусства и культуры, на которых присутствовали также секретари райкомов и горкомов КПСС, заместители председателей рай, горисполкомов Советов депутатов трудящихся, секретари райкомов, горкомов КПСС. На них рассматривались такие вопросы:

- 1) о работе учреждений культуры и искусства по выполнению решений XXIV съезда КПСС (1971 г.);
- 2) о работе учреждений культуры и искусства по воспитанию нового человека - строителя коммунизма (1972 г.);
- 3) об усилении роли учреждений культуры и искусства в мобилизации трудящихся области на успешное выполнение планов 9-й пятилетки (1973 г.).

Кроме того, в ноябре 1971 г. на пленуме обкома КПСС, где обсуждался вопрос «О работе областной партийной организации по повышению поставленных XXIV съездом КПСС задач коммунистического воспитания трудящихся» большое место было отведено вопросам улучшения руководства учреждениями культуры области. В дальнейшем для решения этих вопросов был принят ряд постановлений. Несколько ранее обсуждалась работа райкомов КПСС области с кадрами, их подготовка к знаменательным датам и опыт учреждений культуры в коммунистическом воспитании трудящихся [12, с. 23].

В помощь производству, развертыванию социалистического соревнования были организованы агитационно-пропагандистские и культурно-просветительные циклы мероприятий: «Щедрость земли в твоих руках, хлебоборо», «Животноводство – ударный фронт».

Принимались совместные решения советских, профсоюзных и комсомольских организаций, проводились областные и городские мероприятия, смотры, праздники, семинары работников культуры [12, с. 24].

В деле политического воспитания трудящихся активную роль играли также клубы политической информации, агитпоезда, агитбригады и общественно-политические чтения по материалам XXIV съезда КПСС, последующим постановлением ЦК КПСС и Советского правительства.

Трудовому воспитанию способствовали проведение клубной Ленинианы «Люди Ленинского века»; посвящение в рабочие, хлеборобы, животноводы; чествования семей рабочих династий; праздники первой борозды, первого снопа и т.д.; встречи – рапорты соревнующихся коллективов; циклы массовых мероприятий «Зажги свою звезду»; киноклубы «Новатор» [Там же, с. 25–26].

Парторганизация не только руководила работой учреждений культуры, но и следила за выпускаемой ими продукцией. Будь то музыкальные, литературные, художественные или сценические произведения. Особое внимание партийное руководство уделяло составлению репертуарных планов театров, т. к. именно им отводилась роль мощного фактора формирования коммунистического мировоззрения трудящихся.

Таким образом, идеологическая работа в первую очередь была связана с пропагандой и агитацией коммунистических идей и взглядов, которые являлись основными средствами социального воздействия, применяемыми партийной организацией. Агитационно-пропагандистская работа велась как при стационарных учреждениях культуры, так и при производстве. Она включала в себя и политико-просветительскую работу, направленную на разъяснение решений съездов КПСС. Также ее составной частью, как и на современном этапе, являлось сохранение исторического наследия и патриотического воспитания. Не стоит забывать и о деятельности учреждений культуры и искусства по эстетическому и идейно-художественному воспитанию, которое реализовывалось через деятельность творческих организаций различной направленности. В дополнение ко всему, учреждения культуры вносили значительный вклад в популяризацию научных и профессиональных знаний среди тружеников как города, так и села.

Литература

1. Актуальные направления совершенствования и перестройки управления в сфере культуры: сб. науч. тр. / отв. ред. Родионов В.Г. М.: НИИ культуры, 1988.
2. Белошапка Н.В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева: моногр. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012.
3. Доклад секретаря Волгоградского обкома КПСС А.А. Небензя на областном совещании работников культуры и искусства от 19.03.1968 г. // ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 83. Д. 113. Л. 10–48.
4. Липатов А.В. Деятельность учреждений культуры Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012.
5. Лихоманова Е.В. Развитие библиотек как направление государственной политики в области культуры в 1960-е – 1970-е гг.: на примере Волгоградской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014.
6. Орешкина Т.Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области: 1943 – начало 1950-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.
7. Понько А.Д. Очерки истории Министерства культуры СССР. М.: Человек слова, 2016.
8. Постановление Секретариата ВЦСПС, Коллегии Минкультуры СССР от 15.09.1978 г. № 24–10 «О положении о народных самодеятельных коллективах» [Электронный ресурс] // Libussr.ru: библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_9761.htm (дата обращения: 02.04.2018).
9. Постановление Совмина СССР от 19.09.1969 г. № 759 «Об утверждении Положения о Министерстве культуры СССР» [Электронный ресурс] // Libussr.ru: Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7156.htm (дата обращения: 02.04.2018).
10. Резолюция XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС от 09.04.1971 г. // Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник важнейших решений КПСС. (1965–1972 гг.). М.: Политиздат, 1972. С. 116.
11. Справка отдела пропаганды и агитации Волгоградского обкома КПСС «О партийном руководстве учреждениями культуры и искусства области». 1968 г. // ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 83. Д. 113. Л. 1–9.

12. Справка отдела пропаганды и агитации Волгоградского обкома КПСС «О работе партийных организаций Волгоградской области по руководству учреждениями культуры в свете требований XXIV съезда КПСС» 1974 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 92. Д. 116. Л. 23–26.

13. Справка отдела пропаганды и агитации Волгоградского обкома КПСС «О работе Волгоградской областной организации Союза художников РСФСР по осуществлению задач, поставленных XXIV съездом КПСС в области изобразительного искусства. 10.02.1973 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 89. Д. 100 Л. 1–7.

14. Столяров И.А. Современные методы и средства управления в отраслях культуры и искусства. М.: Экономика, 1983.

OLGA SUVOROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**IDEOLOGICAL WORK OF CULTURAL INSTITUTIONS
OF THE VOLGOGRAD REGION IN 1965–1975**

The article deals with the work of cultural institutions in the Volgograd region in 1965–1975, aimed at the formation of Marxist-Leninist ideology, the upbringing of high moral and political qualities and communist consciousness of citizens.

Key words: *culture, ideology, communist education, cultural institutions, Volgograd region.*

УДК 94(73)

А.С. ТОМОВ
(nice.tomov@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ США*

Рассматриваются проблемы современного положения индейцев США. Изучены вопросы относительно трудовой занятости индейцев, уровня образования, качества оказываемых медицинских услуг, а также возможности карьерного роста для представителей коренного населения Северной Америки.

Ключевые слова: индейцы, коренные жители США, гражданские права, уровень образования, медицинское обслуживание, индейские этносы.

Со второй половины XX в. индейцы стали заявлять о своих правах, которые полтора столетия не соблюдались и до сих пор не соблюдаются американской властью. Представители власти практически не реагировали на все акции и протесты индейцев, которые активизировались во второй половине XX в. Примечательно, что в самом «демократическом» государстве в мире, как позиционируют себя США, индейцы, коренные обитатели американского континента, права гражданства получили только в 20-х гг. XX в., впрочем, реальным полноправием индейцы до сих пор не располагают. «Забота» властей США о «гражданских правах» населения различных стран мира не распространяется на представителей коренного населения американского континента, что и делает обращение к данной теме вполне актуальным.

По итогам переписи населения, которое проводилась в 2009 г. в США, известно то, что в разных штатах страны проживают около 5 млн индейцев, что составляет менее 2% от всего населения страны, а именно 328 млн человек [4].

Самое крупное представительство коренных жителей США представлено в следующих штатах страны:

- Калифорния (около 740 тыс. человек);
- Оклахома (около 415 тыс. человек);
- Аризона (около 366 тыс. человек).

Самым крупным городом страны по числу живущих там индейцев является Лос-Анджелес.

В современных США проживают сотни племен, самые многочисленные насчитывают несколько сотен тысяч:

- Чероки (около 310 тыс. человек, проживают в штатах Северной Каролины и Теннесси, а также в штате Оклахома);
- Навахо (примерно 180 тыс. человек, проживают на северо-востоке штата Аризона, юго-востоке штата Юта и северо-западе штата Нью-Мексико);
- Сиу (115 тыс. человек, проживают на севере штата Небраска, в штате Миннесота, Южной и Северной Дакоте, на северо-востоке штата Монтана);
- Чиппева (113 тыс. человек, проживают в штатах Мичиган, Висконсин, Миннесота, Северная Дакота, Монтана) [Там же].

Изученные нами материалы позволили выяснить, что индейцы сегодня, главным образом, заняты в сельском хозяйстве, в торговле табачными изделиями и алкогольной продукцией, а также привлекаются для развития туристического бизнеса. При этом, индейцы владельцами этого бизнеса не являются, они выступают в качестве «наглядного пособия», что очень сильно оскорбляет их чувство собственного достоинства и этническое самосознание. Власти США постоянно заявляют, что коренные жители

* Работа выполнена под руководством Ленивихиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

могут пользоваться всеми благами цивилизации: своевременное оказание медицинского обслуживания, доступность в получении образования, право занимать важные посты и др. Но на деле ситуация демонстрирует обратный эффект: рост налогов, задержка в выплате аренды за пользование ресурсами индейских территорий со стороны правительства и пр. [6].

Исследования многочисленных социологов демонстрируют, что среднеобразовательную школу закончили приблизительно 71% индейцев, по стране этот показатель равен 80%. Диплом бакалавра (вручается после завершения учебы в университете) имеют только 11% этой этнической группы, тогда как среди остальных граждан США данный показатель выше и составляет 14%. Это связано с тем, что очень мало индейцев могут позволить оплачивать своим детям высшее образование. К примеру, от 65% до 85% навахов (крупное племя индейцев) не умеют читать и писать на английском языке. Поэтому профиль их образования соответствует таким профессиям, как ухаживание за домашними животными, ведение садоводства, скотоводства и огородничества, управление и ремонт сельскохозяйственных машин, строительство и сфера обслуживания. Но и это не все трудности, главная же проблема – это частичная реализация тех знаний, которые они получили, ключевые же навыки в практике им негде и не на чем применить. Поэтому индейцев на должностях топ-менеджеров или генеральных директоров крупных корпораций нет.

Еще одна социальная сфера, являющаяся противоречивой по своей структуре для данной этнической группы, – это медицинское обслуживание. С одной стороны, введена постоянная и обязательная система страхования, на эту программу ежегодно министерством финансов США выделяются большие суммы денежных средств. А также для коренных жителей выдаются государством льготы для медицинского обследования и лечения. Однако, с другой стороны, лечение и обследования, не входящие в медицинский полис, требуют больших затрат, а выделяется на это совсем мало денег. Подсчитано, что в среднем на медицинское обслуживание каждого гражданина США (к примеру, на американца европейского происхождения) выделяется, приблизительно в пять раз больше, чем на индейца. В целом, индейцы получают некачественную медицинскую помощь. Например, очень велико заражение индейцев инфекционными заболеваниями. Одна из вирусных болезней – трахома, около 30% племени наваха заражено ей [7].

В средствах массовой информации (СМИ) США, в том числе и в кино, индейцев представляют, как диких варваров, не знающих самые простые элементы цивилизации. И все же отдельные представители индейцев сумели проявить себя, в связи с чем стали знаменитыми людьми в разных сферах деятельности.

Так в кино, в Голливуде, есть известные актеры, имеющие индейские корни – это Кайова Гордон (потомок племени Hualapai) знаменитая его роль в «Сумерках. Сага. Новолуние» (2009); Грэм Грин (принадлежит к племени онайдо) снялся в фильме принесший ему славу «Танцующий с волками» (1990) [2].

Есть среди индейцев и известные люди, зарекомендовавшие себя в спорте, представленные здесь спортсмены – это игроки американских клубов Национальной хоккейной лиги (НХЛ) (Джордан Нолан (принадлежит к союзному племени оджибве), Вик Меркреди (чистокровный индеец племени кри), Коди Макормик (индеец союзного племени оджибве)) [Там же].

Представлены отдельные индейцы в искусстве и публицистике, например, Сэмпсон Уилл (американский художник и киноактер, представитель племени кри), Ден Джордж (американский писатель, также киноактер, вождь народа цлейл вотут), Велма Уоллис (американская писательница, представительница народа Атабаски) [5]. Но это – уникальные, единичные случаи успеха.

В заключении можно констатировать, что современные индейцы США не просто живут, а балансируют на грани существования. И если ситуация сохранится в таком положении, то через несколько десятков лет индейцев США мы сможем увидеть только на картинках журналов и учебников, а также в голливудских фильмах, снятых о них.

Литература

1. Данчевская О.Е. Ценностные позиции образования в развитии индейских культур США [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-pozitsii-obrazovaniya-v-razvitii-indeyskih-kultur-ssha> (дата обращения: 11.04.1018).
2. Индейцы в НХЛ. Ч. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/buddayes/488648.html> (дата обращения: 01.03.1018).
3. Индейские корни в Голливуде [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/indeyskie_korni_v_gollivude_3401003 (дата обращения: 01.04.1018).
4. Коренные народы США [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.04.1018).
5. Представители индейцев в живописи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4131616/post311051314/> (дата обращения: 13.03.1018).
6. Стельмах В.Г., Тишков В.А., Чешко С.В. Тропой слез и надежд. Книга о современных индейцах США и Канады. Индейское население и рыночная экономика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indiansworld.org/indeyskoe-naselenie-i-rynchnaya-ekonomika.html#.WtTak3--mpo> (дата обращения: 09.04.1018).
7. Стельмах В.Г., Тишков В.А., Чешко С.В. Тропой слез и надежд. Книга о современных индейцах США и Канады. Проблемы здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indiansworld.org/problemy-zdravoohraneniya.html#.WtTR9n--mpo> (дата обращения: 15.03.1018).

ANDREY TOMOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CURRENT SITUATION OF THE INDIANS OF THE USA

The article deals with the issues of the current situation of the Indians in the USA. The questions concerning the employment of the Indians, the education level, the quality of health services and the opportunities of career growth for the delegates of the First Nations are under consideration.

Key words: *the Indians, the indigenous people of the United States, civil rights, education level, health services, Indian ethnic groups.*

УДК 94(47+57)

Д.В. ТРЕТЬЯК

(d.v.tretyak99@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
ВETERANОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1960-Е Г.
(на материалах Волгоградской области)***

Рассмотрены меры социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны в 1960-е г. на государственном и региональном уровнях. Проанализированы постановления Правительства СССР, направленные на расширение льгот и преимуществ, предоставляемых ветеранам Великой Отечественной войны. Изучены архивные документы по работе районных, городских и областного отделов социальной защиты Волгоградской области в 1963–1969 гг.

Ключевые слова: *социальная защита, ветераны Великой Отечественной войны, инвалиды, социальная политика в Волгоградской области.*

Построение гуманного гражданского общества требует, среди прочего, создания эффективной модели социальной защиты граждан, в том числе стоящих на страже государственного суверенитета страны. Для достижения этой цели необходимо учитывать как положительный, так и негативный опыт социальной практики СССР в этом вопросе. В данной работе мы обратимся к истории социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны в 1960-е г. Актуальность данного исследования продиктована, с одной стороны, многоаспектностью самой проблемы социальной защиты населения, её междисциплинарным характером. С другой стороны, указанный исторический период характеризуется рядом существенных изменений в государственной социальной политике в части расширения льгот и преимуществ, предоставленных инвалидам войны как наиболее нуждающимся в помощи. Исследования, выполненные ранее Н.А. Болотовым и О.А. Астафьевой, касались социальной политики Советской власти в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. [2] и Волгоградской области в 1985–1999 гг. [1], соответственно. Вопросы социального обеспечения и культурного обслуживания фронтовиков и семей военнослужащих в конце 1940 – начале 1960-х гг. на примере Сталинграда – Волгограда рассмотрены в работе И.В. Бондаренко и А.В. Липатова [3]. Целью данной работы является изучение мер по обеспечению социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны в 1960-е г. Задачи исследования на данном этапе включают изучение соответствующих законодательных актов, принятых на государственном уровне, и анализ региональной политики в области социальной защиты данной категории граждан.

К середине 1960-х г. Волгоградская область являлась крупным центром промышленности и сельского хозяйства. В ней насчитывалось 430 заводов и фабрик, 130 совхозов, 224 сельскохозяйственных и рыболовецких кооператива. По данным областного отдела социального обеспечения, на 1 января 1965 г. население области составляло 2122000 чел., но из них пенсионеров – 246065 чел.; членов семей умерших кормильцев – 29410; инвалидов из числа военнослужащих – 18651; членов семей военнослужащих, потерявших кормильца – 25631; одиноких и многодетных матерей, получающих пособие – 32776. Таким образом, социальная обременённость области была достаточно высокой. В этих условиях необходимо было прилагать значительные усилия для сохранения здоровья населения и бережного отношения к трудовым ресурсам государства. Совет Министров РСФСР и Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) приняли Постановление «О мерах по снижению инвалидности среди трудящихся и улучшению врачебно-трудовой экспертизы» (от 11.03.1963 № 299). В ходе исполнения поставленных задач, в мае 1964 г. областной отдел социального обеспечения сов-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

местно с областным отделом здравоохранения при участии областного совета профсоюзов и совета народного хозяйства провели массовую проверку условий труда на 148 предприятиях области. Особое внимание было обращено на труд и бытовое устройство инвалидов [5, с. 63].

На 1 января 1965 г в Волгоградской области численность инвалидов Отечественной войны всех групп составляла 18651 человек, из них работало 10301 чел. или 55,2% (60,4% по РСФСР). Из 12640 инвалидов II группы работало 9581 чел. или 75,5%, (79% по РСФСР) [4, с. 53].

Постановлением Совета Министров СССР от 6 марта 1965 г № 140 Советам Министров союзных республик, министерствам и ведомствам СССР поручено устанавливать броню для приема на работу инвалидов Отечественной войны до 2% общей численности рабочих и служащих. На руководителей предприятий, учреждений и организаций возложена обязанность по созданию необходимых условий для работы инвалидов путем организации, где это возможно по условиям производства, специальных цехов и отделений и развития надомного труда.

В июне 1965 г. Управление врачебно-трудовой экспертизы совместно с Управлением трудового и бытового устройства инвалидов Министерства социального обеспечения РСФСР провело проверку работы органов социальной защиты Волгоградской области. В том числе комиссия дала оценку первым результатам работы семи районных и городских отделов социального обеспечения по выполнению Постановления Совета Министров СССР от 6 марта 1965 г. № 140. Проверка проводилась с привлечением работников областного Отдела социального обеспечения, Совета профсоюзов, Отдела здравоохранения и актива из числа пенсионеров. В ходе проверки установлено, что по состоянию на 20 июня 1965 г. в области «мало проявляется заботы об улучшении условий труда инвалидов на предприятиях. Не принято мер руководителями предприятий, организаций и управлений к выполнению постановления Совета Министров РСФСР от 22 августа 1961 г. в части создания необходимых условий для инвалидов [Там же, с. 55]». Указывалось, что «не все еще руководители проникли чувством заботы об инвалидах Отечественной войны. Только этим можно объяснить, что Постановление Совета Министров СССР от 6 марта 1965 г. № 140 в области реализуется медленно [Там же, с. 59]». Среди прочих недостатков, члены комиссии обратили внимание на тот факт, что в большинстве районов и городов области (Волжский, Дубовский, Михайловский, Среднеахтубинский, Урюпинский и др.) на 20 июня 1965 г. не были выданы удостоверения на право бесплатного проезда на всех видах городского транспорта. Отдельно отмечено, что исполком Волжского Совета депутатов трудящихся даже не рассмотрел на заседании исполкома и не наметил мероприятий по реализации указанных постановлений правительства. Кроме того, в Дубовском районе не были приняты меры по предоставлению инвалидам войны льгот на получение лекарств по рецептам врачей со скидкой 80%. Областной отдел здравоохранения не обязал руководителей лечебно-профилактических учреждений выполнить Постановления правительства по предоставлению инвалидам войны льгот и преимуществ.

Особо необходимо отметить выводы комиссии о недостаточной осведомленности инвалидов войны о предоставленных им преимуществах и льготах при трудоустройстве (с неполным рабочим днем и оплатой труда по фактически выработанному времени) [Там же, с. 60]. По мнению членов комиссии, перечисленные недостатки являются следствием того, что исполкомы советов депутатов трудящихся и отделы социального обеспечения не принимают действенных мер к лицам, не выполняющим постановления правительства. По итогам проверки проведено совещание работников областного и районных отделов социального обеспечения, представителей областного и городского отделов здравоохранения, областного Совета профсоюзов, врачей врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК) Волгограда. О результатах работы комиссии доложено исполкому областного Совета депутатов трудящихся и обкому КПСС.

Анализируя возможные причины негативной оценки работы органов социального обеспечения области, нужно, прежде всего, обратить внимание на короткий промежуток времени между принятием Постановления (6 марта 1965 г.) и проведением проверки (июнь 1965 г.). В ответ на решение комиссии

областным отделом социального обеспечения (облсо) подготовлены отчёты о выполнении постановлений Правительства, в которых перечислены следующие меры социальной защиты инвалидов войны:

- всем инвалидам Отечественной войны, проживающим в Волгограде, выданы удостоверения на право бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (задержка выдачи удостоверений инвалидам, проживающим в сельских районах области, была устранена – на 28.06.1965 г. удостоверения были изготовлены и высланы в районы области);
- проведена работа по перерасчёту минимальных размеров пенсий инвалидам войны;
- планируется добиться создания специальных цехов и участков на Волгоградском тракторном заводе на 90 чел., на Волгоградском инструментальном заводе – на 50 чел., на заводе «Красный Октябрь» – на 60 чел., на мебельно-деревобрабатывающем комбинате им. Ерманна – на 70 чел. [5, с. 82–85];
- за полугодие выдано 42 автомобиля «Запорожец» (годовой план – 90), 58 мотоциклов (годовой план – 70);
- сектор трудоустройства облсо предоставил справку о состоянии трудоустройства инвалидов войны за период с 1961 по 1965 г. (табл. 1);

Таблица 1

**Показатели трудового устройства инвалидов войны
в Волгоградской области по состоянию на 01.07.65 в сравнении с данными за 1961–1964 гг. [6, с. 244]**

	01.01.61	01.01.62	01.01.63	01.01.64	01.01.65	Среднее по РСФСР
Всего	20582	20168	19660	19226	18651	18399
Из них работающих	10775	10597	10597	10506	10301	9695
I группа	845	851	929	808	780	785
Из них работающих	26	23	19	14	11	15
II группа	5028	5154	5214	5241	5231	5339
Из них работающих	778	634	636	804	709	578
III группа	14709	14163	13523	13177	12640	12275
Из них работающих	9971	9920	9851	9821	9581	9102

- предоставлены данные о выдаче удостоверений на бесплатный проезд и обеспеченности жильём (табл. 2).

Таблица 2

**Данные о нуждающихся в жилой площади
инвалидах Отечественной войны по состоянию на 01.07.65 [6, с. 250]**

	Удостоверений на бесплатный проезд	Состояли в очереди для получения квартир инвалиды отечественной войны	Выдано квартир за 5 месяцев в 1965	Выдано ссуд в тыс. руб.
Кировский	524	51	26	–
Красноармейский	268	59	14	–
Краснооктябрьский	250	56	13	700
Советский	583	160	13	–
Тракторозаводский	300	10	1	–
Центральный	390	77	25	1400
Итого	2315	413	92	2100
Всего по области	7315	458	116	15430

Таким образом, 1960-е г. отмечены расширением мер социальной защиты в отношении участников Великой Отечественной войны и членов их семей. Это во многом обусловлено успехом в экономическом развитии СССР, позволившем выделять больше средств на нужды социальной сферы. Отметим и тот факт, что 1965 – год 20-летия Победы в Великой Отечественной войне. Руководство страны не могло не обратить внимания на нужды участников войны и людей, так или иначе пострадавших от войны. Однако в указанный период льготы и привилегии были предоставлены в основном инвалидам войны. Вертикаль власти от Министерства социального обеспечения СССР до районных и городских отделов социального обеспечения позволяла строго контролировать реализацию постановлений правительства страны на региональном уровне, что характерно для патерналистской модели системы социальной защиты.

Литература

1. Астафьева О.А. Социальная политика в Волгоградской области: 1985–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005.
2. Болотов Н. А. Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы: моногр. Волгоград: Перемена, 2004.
3. Бондаренко И.В., Липатов А.В. Социальное обеспечение и культурное обслуживание фронтовиков и семей военнослужащих в конце 1940-х – начале 1960-х гг.: на примере Сталинграда – Волгограда // Война в судьбах народа: сб. материалов молодежной конференции / сост. В.А. Носов, С.А. Пищулин. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 93–97.
4. Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО). Ф.Р. 4650. Оп. 1, Ед. хр. 216, Л. 53.
5. ГАВО. Ф.Р. 4650. Оп. 1, Ед. хр. 216, Л. 82–85.
6. ГАВО. Ф.Р. 4650, Оп. 1, Ед. хр 231, Л. 244.

DARIA TRETYAK

Volgograd State Socio-Pedagogical University

REGIONAL POLICY IN THE SPHERE OF SOCIAL PROTECTION OF THE VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE 1960S (based on the materials of the Volgograd region)

The article deals with the measures of social protection of the veterans of the Great Patriotic war in the 1960s at the state and regional levels. The resolutions of the USSR Government aimed at the expansion of benefits and advantages, provided to the veterans of the Great Patriotic war, are analyzed. The archival documents considering the activity of municipal and regional departments of social protection of the Volgograd region in 1963–1969 are studied

Key words: *social protection, the veterans of the Great Patriotic War, the disabled, the social policy in the Volgograd region.*

УДК 908(470+571)

Р.М. УРАЗГАЛИЕВ
(rus.urazgaliev@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРОТЕСТАНТЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Проанализировано положение Евангелическо-лютеранской церкви в Нижнем Поволжье во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрен правовой статус протестантов, а также их численность и места культовых сооружений.

Ключевые слова: *Евангелическо-лютеранская церковь, конфессиональная политика, немецкие колонии, пастор, протестант, Нижнее Поволжье.*

Опыт поколений показывает, что религия занимает существенное место в жизни как отдельной личности, так государства в целом. Разработка продуманной политики, учитывающей ошибки прошлого, является необходимым условием для того, чтобы избежать возможных проблем в этой сфере. Конфессиональная политика зависит от политической обстановки в государстве или конкретном регионе. Нижнее Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. является примером сравнительно мирного взаимодействия различных народов и конфессий. Для данного этапа, выделяемого в качестве самостоятельного и в истории Православной церкви, было характерно утверждение нового стиля взаимоотношений церкви и государства. Начальная дата связана с основной волной массовой миграции протестантских колонистов в Нижнее Поволжье, конечная дата – с падением монархии и Октябрьской революцией 1917 г.

Религиозная жизнь последователей протестантизма в Нижнем Поволжье изучена в работах дореволюционных историков А.А. Клауса [8], Г.Г. Писаревского [15], Б. Бонвеча [2], Я.Е. Дитца [6], И.Р. Плеве [16]. Советскими историками в силу атеистической идеологии и репрессивной политики в отношении немцев деятельность протестантской конфессии почти не исследовалась. Все же стоит выделить работу саратовского историка А.А. Германа [4], изучавшего жизнь поволжских немцев, включая и религиозный аспект. Со второй половины 1980-х гг. политика гласности оживила исследование истории российских немцев и их конфессиональной принадлежности. Несомненная заслуга в изучении истории протестантов принадлежит О.В. Курило [10]. Видным исследователем западно-христианских церквей в России является профессор О.А. Лиценбергер [11], которая в своих исследованиях основной акцент делает на освещении истории лютеранства в Поволжье и на северо-западе России.

Православная церковь во второй половине XIX в. являлась «господствующей и первенствующей» в России религией. Одновременно с ней присутствовали и другие христианские конфессии. Жители Нижнего Поволжья были представителями разных конфессий, но в основном они исповедовали православие (по переписи 1897 г. – 74%) [14]. Столь высокий процент объясняется колонизацией региона преимущественно русским населением, особенно в последней четверти XVIII в., когда многие знатные помещики, получившие здесь огромные имения, как, например, Нарышкины, Разумовские, Куракины, Голицыны, стали переводить сюда своих крестьян [12, с. 65]. Помимо прочего, проводилась большая работа по христианизации жителей бывшего Астраханского ханства (преимущественно мусульман), присоединенного к Российскому государству в 1556 г., и колонизации его русским населением уже в 80-е гг. XVI в. Организованная православная церковь в Нижнем Поволжье обозначила принадлежность региона к русскому государству и не только для мусульманского мира, но и для приволжской вольницы, «особенно усилившейся здесь с половины XVI века, сюда бежали все недовольные Москвой, пережившей жестокие времена Грозного» [1, с. 29].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Протестанты появились в регионе с 60-х гг. XVIII в. после известных манифестов Екатерины II, приглашавших иностранцев к освоению российских земель и предоставлявших им, наряду с другими привилегиями, право «иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно» [7, с. 910–913].

подавляющую массу иностранных переселенцев в Поволжье составляли немцы, и нет ничего удивительного в том, что протестантская диаспора здесь приобрели преимущественно мононациональный немецкий состав, сохранявшийся и в последующий период.

Протестантская конфессия Нижнего Поволжья была неоднородной. В 1897 г. насчитывалось 101609 лютеран, 37848 реформатов, 316 баптистов, 8 менонитов, 11 англикан [14, с. 167]. Во второй половине XIX в. в Нижнем Поволжье получили распространение протестантские секты: штундисты, баптисты, адвентисты.

Несмотря на то, что протестанты являлись христианами, их правовой статус в Российской империи сильно различался с православным населением. Во-первых, действовал запрет на приобщение к протестантизму христиан и иноверцев, во-вторых, существовала строгая государственная регламентация деятельности. В целом, к протестантам российские власти были достаточно лояльны, т. к. протестантизм не имел фундаментальной догматической базы, строгой церковной иерархии и давней традиции в распространении своего учения, в сравнении с католицизмом, и, поэтому представлял меньшую угрозу для православия.

Деятельность Евангелическо-лютеранской церкви регламентировалась второй книгой Свода Законов Российской империи, которая называлась «Об управлении духовных дел христиан протестантского исповедания». Основной единицей организации был церковный приход или община. Все приходы подразделялись на две группы: к первым относились приходы, в которых пастора назначал сам император, ко вторым – приходы, где выбор пастора отдавался на откуп самим прихожанам, а правитель лишь утверждал его. Высшая власть здесь принадлежала общему собранию прихожан, которое избирало церковный совет – постоянный исполнительный орган, во главе которого стояло светское лицо – президент. Пастор был обязательным членом совета. Церковные советы ежегодно предоставляли Генеральной консистории отчеты о своей деятельности и финансовом положении, кроме того проповедникам полагалось вести метрические книги, записывать рождавшихся, крещеных, женившихся, умерших и в целом все важные события, произошедшие в общине. Такие черты организации протестантских церквей как совещательность, автономия, определяющая роль мирян в управлении, выборность руководства выгодно выделяли их среди других конфессий.

Духовным центром протестантов Нижнего Поволжья был Саратовский приход, а именно Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии. Причиной этому был тот факт, что в 1819 г. в Саратове указом Александра I была учреждена евангелическая консистория, объединяющая протестантов Саратовской, Астраханской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Оренбургской губерний. После перевода ее в Москву именно Саратовский приход стал здесь неофициальным органом центрального управления.

К началу XX в. кирха была в каждой протестантской колонии и в городах, где проживало протестантское население. Новые каменные кирхи были построены в Камышине (1869 г.), Царицыне (1892–1893 гг.) и Вольске, Астрахани (1892 г.); перестроена церковь Св. Марии (1879 г.).

При этом темпы строительства церквей в Нижнем Поволжье сильно отставали от темпов роста численности протестантского населения, что приводило к существенному возрастанию паствы каждой церкви (в среднем на 1119 человек). В Саратове была лишь одна лютеранская церковь и 6009 прихожан [5, с. 7]. В то же время необходимо принимать во внимание, что церковное сооружение для духовной жизни протестантов, полагавших основным хранение личной веры, было менее важно, чем для православных и католиков. Для проповедей зачастую использовались школьно-молитвенные дома. Несмотря на это, участие в церковном строительстве являлось престижным и колонисты жертвовали круглые суммы денег на постройку кирх. Так, в 1873 г. Георг Гува по духовному завещанию пере-

дал 16 тыс. руб. на реконструкцию церкви в Саратове [10, с. 89]. В Астрахани за 67 лет (1821–1888 гг.) было собрано 12 тыс. руб. на постройку каменной лютеранской кирхи и после начала строительства было пожертвовано еще 15 тыс. руб., что и позволило завершить строительство [17, с. 76].

Еще одним недостатком была малочисленность духовенства. Приход обслуживался, в основном, одним священником, и, соответственно, один пастор приходился в 1862 г. более чем на 8 тыс. протестантов, в 1897 г. – почти на 9 тыс., а в 1903 г. – на 12 тыс. В 1885 г. в 12 лютеранских приходах с 38 церквями служило только 11 пасторов [16, с. 123]. В начале 90-х гг. XIX в. четверть всех приходов находилась без пастора. Вместе с тем необходимо учитывать, что для протестантизма был характерен упрощенный культ, что определенно снимало часть проблемы.

Должности епископа в Нижнем Поволжье, как правило, занимали выпускники богословского факультета Императорского Дерптского университета. Более того, для немецких колоний намеренно приглашались пасторы из-за границы (Швеции, Голландии, Пруссии, Саксонии). Различия этнического состава периодически были препятствием в общении между духовенством и паствой.

В финансовом плане протестантское духовенство было обеспечено намного лучше православного и католического. В приходы, куда пасторов назначало государство – оно же платило им жалование из казны, в тех, где избирала община – она же брала на себя их содержание. Первоначально определенное государством жалование – в 180 руб., в последующем было увеличено до 500–600 руб. в год. Пастор Саратовского прихода до 1881 г. получал от общины 460 руб., впоследствии его зарплата составила 1200 руб. [11, с. 54]. Жители Сарепты при образовании лютеранского прихода в 1892 г. обязались ежегодно выплачивать пастору по 1500 руб. [15, с. 43]. Помимо этого пасторам отводились земельные участки от 60 до 120 дес., предоставлялись квартиры с отоплением [10, с. 65]. Прихожане должны были содержать их усадьбы и огороды, обеспечивать топливом и зерном. Для поездок пасторов в общинах собирались деньги на разъезды или транспортные средства. Также духовенство пользовалось значительными привилегиями от государства. К таковым можно причислить право на получение титула, право на награждение золотыми наперсными крестами, освобождение от уплаты весовых денег при отправке почты, освобождение от телесных наказаний, распространявшееся на членов семьи духовных лиц. Кроме того, вдовы пасторов имели ряд льгот, так за ними оставались все привилегии на протяжении года после смерти мужа. Кроме жалованья от государства, пасторам разрешалось принимать всевозможные даяния за совершение треб – священнодействий. Доходы пасторов не могли быть сокращены по желанию прихожан.

Трудолюбие и предприимчивость колонистов Нижнего Поволжья сделали их поселения процветающими хозяйствами. Нередко такой успех вызывал зависть у менее обеспеченных слоев населения. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война усугубила и обострила давно наметившиеся противоречия. Антинемецкие настроения сводились к конфискации немецких землевладений. Колонистов стали воспринимать не иначе как вероломных захватчиков, проникших в страну для продвижения интересов Германии. Если не солдатами в рядах вражеской армии, то, по крайней мере, проводниками по необъятным просторам Российской империи должны были стать жители немецких колоний в глазах «патриотически» настроенных шпиономанов. Несмотря на такой шквал недоверия и критики, многие яркие представители российских немцев: члены Государственной думы, крупные предприниматели, ученые, деятели культуры сразу же объявили о желании оказать всяческую помощь для достижения победы в этом военном конфликте.

Заявления стали не пустыми обещаниями, но и сопровождались реальными мерами. Так, в Саратове российскими немцами был открыт госпиталь для раненных русских солдат. Жители немецких колоний активно участвовали в сборе средств на нужды армии, брали под свою опеку лазареты и госпитали, оказывая им большую материальную помощь. Все эти меры неправильно рассматривать как шаг, продиктованный только антинемецкой кампанией и желанием протестантов обезопасить себя. Несмотря на, в некоторой степени, изоляцию и стремление сохранить свой традиционный образ жизни, колонисты относились к России как к своей Родине.

Случаев массового дезертирства российских немцев из армии не отмечалось. Большое число немцев Нижнего Поволжья приняло участие в войне. Немецкие солдаты в русской армии отличились такой же доблестью и патриотизмом, что и русские солдаты, с честью выполнили свой долг. В списках потерь по Саратовской, Астраханской губернии также много представителей лютеранского вероисповедания (в этих документах фиксировалась не национальность, а религиозная принадлежность) [13].

В годы Первой мировой войны протестанты Нижнего Поволжья пережили один из сложнейших эпизодов в истории их пребывания в России. В государстве, где проживало уже далеко не первое поколение немцев-колонистов, где ими были организованы развитые колонии и внесен значительный вклад в социально-культурное и хозяйственное развитие региона, протестантов начали воспринимать как врагов, а их достижения в различных областях рассматривать как «засилье», угрожающее интересам России.

Таким образом, протестантское население рассматриваемого региона, по воле своих предков переселившееся в Российскую империю, не учитывая определенное давление, все-таки имело свои церкви, священство, обрядность, т. е. прекрасные возможности для удовлетворения религиозных нужд. Протестанты жили в новом для себя окружении, в маленьком приходском мире, который поддерживали традиционные опоры общества: семья, церковь и община. Церковь была для прихожанина тем уголком, который объединял его с братьями по вере. Вера оставалась этнической спецификой немцев, элементом их национальной самобытности. К началу XX в. протестанты Нижнего Поволжья являли собой менее обособленные, чем раньше, но все же уединенные этноконфессиональные группы.

Литература

1. Арсеньева Г.В. Государство и церковь во второй половине XVI – первой четверти XVIII вв.: Историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
2. Бонвеч Б., Галактионов Ю.В. История Германии: в 3-х т. // Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. М.: Изд-во «КДУ», 2008.
3. Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья, 1764–1917 гг. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998.
4. Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996.
5. Давыдова М.Ю. Протестантская и католическая конфессии в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник архивиста, 2015. № 1. С. 177–192.
6. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 1997.
7. Законодательство Екатерины II: в 2-х т. / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 2000. Т. 1.
8. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб: Типография В.В. Нусвальта, 1869. [Электронный ресурс]. URL: <http://wolgadeutsche.net/bibliothek/klaus.php> (дата обращения: 29.01.2018).
9. Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII–XX вв.: исторический справочник. СПб., 2001.
10. Курило О.В. Лютеране в России XVI–XX вв. М.: Фонд «Лютеранское Наследие», 2002.
11. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Св. Марии в Саратове (1770–1935) / под ред. И.Р. Плеве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995.
12. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libfox.ru/474384-matvey-lyubavskiy-istoricheskaya-geografiya-rossii-v-svyazi-s-kolonizatsiey.html> (дата обращения: 04.02.2018).
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1897–1905. [Электронный ресурс] // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibrary.ru/nodes/12632> (дата обращения: 25.01.2018).
14. Первая мировая война, 1914–1918 гг. Алфавитные списки потерь нижних чинов [Электронный ресурс] // Союз Возрождения Родословных Традиций. URL: <http://www.svrt.ru/1914/1914.htm> (дата обращения: 25.01.2018).
15. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М.: Книга по Требованию, 2013.
16. Плеве И.Р. Сарепта. Саратов: Изд-во СГУ, 1995.
17. Статистика Российской империи. Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. СПб., 1887. [Электронный ресурс] // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibrary.ru/nodes/23822-za-1887-god-1891-statistika-rossiyskoj-imperii-vyp-18#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 25.01.2018).
18. Хлыщев Е.В. Астраханский регион как модель мультикультурного общества. Астрахань: Астраханский университет, 2007.

RUSLAN URAZGALIEV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**PROTESTANTS OF LOWER VOLGA REGION IN THE SECOND HALF
OF XIX – EARLY XX CENTURIES**

The article deals with the analysis of the position of Evangelical Lutheran Church in Lower Volga region in the second half of XIX– early XX centuries. The legal status of Protestants, their quantity and places of religious buildings are under consideration.

Key words: *Evangelical Lutheran Church, confessional politics, German colonies, pastor, Protestant, Lower Volga region.*

УДК 94(47).081

А.Ю. ФОКИН
(fokin.1962@inbox.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1861 Г. И РЕАКЦИЯ КРЕСТЬЯН САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ*

*Анализируются основные положения крестьянской реформы 1861 г. по законодательным актам Российской империи.
Рассматриваются основные нормативно-правовые акты реформы 1861 г., а также её характер.
Выявляются основные формы протеста крестьян в рассматриваемый период.*

Ключевые слова: *крестьянская реформа 1861 г., нормативно-правовой акт, Саратовская губерния, формы протеста крестьян.*

Проект крестьянской реформы был, наконец-то, готов. Император Александр II присутствовал на последнем заседании Главного комитета по крестьянскому вопросу и назначил 15 февраля 1861 г. последним сроком окончания рассмотрения проекта реформы, чтобы успеть к началу полевых работ. К 17 февраля было завершено рассмотрение проекта реформы уже в Государственном совете. Императору было нелегко, т. к. иногда приходилось поддерживать мнение меньшинства, дабы поддержать решения редакционных комиссий. Спустя два дня после завершения обсуждения проекта реформы в Государственном совете, Александр II утвердил все законодательные акты, которых было всего 17, и обратился к народу с «Манифестом 19 февраля 1861 г.» [8] об отмене крепостного права.

Манифест вышел малопонятным для простого народа, как, впрочем, и все остальные законодательные акты. Кроме «Манифеста» 5 марта 1861 г. были также опубликованы три других документа: «Общее положение», «Местные положения» и «Дополнительные правила» [11, с. 97–306]. Самым важным из них было «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». В нем излагались основные условия, на которых крестьяне будут освобождены от крепостного права.

Актуальность темы объясняется тем, что процесс реакции крестьян на манифест 19 февраля 1861 г. в Саратовской губернии изучен не полностью.

Таким образом, крестьянская реформа сводилась к следующим основным положениям.

Конечно же, во-первых, крестьяне получили личную свободу и гражданские права. Отныне они сами могли распоряжаться всем своим имуществом. Помещики потеряли право вмешиваться в жизнь крестьян и распоряжаться ими, как было раньше. За помещиком сохранялись лишь некоторые права по надзору за поведением вышедших из крепостной зависимости крестьян. Разумеется, для начала нужно было решить вопрос о наделении крестьян землей. Опыт освобождения крестьян в Прибалтике в 1816–1819 гг. показал, что нецелесообразно и даже опасно оставлять их полностью без земли. Поэтому при подготовке реформы было принято решение о том, что освобожденных крестьян необходимо наделить землей. Однако, как правильно отмечает известный советский историк П.А. Зайончковский, автор восьми монографий по реформам Александра II, в том числе подробно исследовавший крестьянскую реформу 1861 г., носившей помещичий характер. Ведь по положениям помещики сохраняли собственность на все принадлежащие им земли, а за пользование помещичьей землей крестьянин обязан был отрабатывать барщину или платить оброк. Помещик предоставлял крестьянину усадьбу с участком и полевой надел, от которого крестьянин отказаться не мог (поначалу в первые девять лет) [2, с. 124].

Также на помещичий характер реформы указывает и еще один факт. Размеры надела и повинности фиксировались в уставных грамотах, которые должны были быть составлены до 1863 г. Их составление возлагалось на помещиков, а проверка – на специально назначенных из местных дворян мировых посредников. Таким образом, посредниками между крестьянами и помещиками выступали те же помещики.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Уставные грамоты заключались не просто с отдельным крестьянином, а с крестьянской сельской общиной. Повинности взымались со всей общины крестьян. Поэтому крестьянин не мог просто так уйти из крестьянского общества, все зависело непосредственно от решения общины. Право выкупа усадьбы крестьянам предоставлялось, а вот выкуп надела зависел от воли помещика.

Следующим документом, определяющим размер земельных наделов, а также вопрос о платежах и повинностях за пользование этими наделами, были «Местные положения». Их было четыре.

I. «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: великороссийских, новороссийских и белорусских», распространявшееся на 29 великороссийских губерний (в том числе на Саратовскую губернию), 3 новороссийских, 2 белорусских и часть Харьковской губернии.

II. «Малороссийское местное положение». Оно было издано отдельно только потому, что на Украине общины не существовало. Поэтому П.А. Зайончковский отмечает, что «землей крестьян наделили подворно, в зависимости от наличия тягловой силы» [2, с. 127]. «Малороссийское местное положение» распространялось на Левобережную Украину, а именно: на Черниговскую, Полтавскую и остальную часть Харьковской губернии.

Особые «Местные положения» устанавливались для Правобережной Украины (Киевская, Подольская и Волынская губернии), а также для Литвы и оставшейся части Белоруссии. Это сделано было потому, что помещиками здесь было польское дворянство.

Отдельным документом и с большим опозданием (в феврале 1864 г.) вышел именной указ «Об устройстве крестьян Царства Польского», по которому крестьяне также получили землю за выкуп, но этот указ распространялся лишь на сельские гмины. Также в Царстве Польском создавались специальные Ликвидационные комиссии с целью «финансовых операций, связанных с вознаграждением владельцев» [10, с. 118].

Таковыми были основные документы по крестьянской реформе 1861 г. Правительство понимало, что реформа носит грабительский характер и опасалось крестьянских волнений. Тем более, подобный пример уже был, когда была проведена попытка отмены крепостного права в Царстве Польском, которая обернулась немалой волной протестов. Поэтому правительство постаралось обеспечить безопасность и спокойную обстановку в губерниях. В связи с чем, в Саратовскую губернию было направлено 45 стрелковых рот, которые находились в состоянии полной боевой готовности.

Также в марте 1861 г. губернатором Саратовской губернии Алексеем Дмитриевичем Игнатьевым и губернским предводителем дворянства Владимиром Алексеевичем Щербатовым было проведено специальное совещание, на котором было оговорены все аспекты реформы и были даны указания, предусматривающие план действия в случае недовольства крестьян и возникновения беспорядков. Также Саратовскому архиепископу Афанасию было дано указание донести до саратовских священнослужителей следующее: они должны внушать крестьянам, что Манифест является «великой жертвой» дворян и «великой милостью» царя своему народу.

Наконец, после тщательной подготовки 13 марта 1861 г., в присутствии губернатора, других высших чинов и значительного количества полиции, Манифест был зачитан в Александрово-Невском кафедральном соборе Саратова. Далее Манифест был зачитан по уездам и волостям [13].

После объявления Манифеста начался подъем крестьянского движения. Многие не верили в подлинность данного документа, считая что царь дал полную свободу, а чиновники и дворяне специально подменили его указ. Многочисленны были и попытки истолковать «Положения» с точки зрения крестьянских интересов.

Рассматривая реакцию крестьян в Саратовской губернии, то можно отметить, что недовольство аспектами крестьянской реформы 1861 г. проявлялось в двух формах. Во-первых, конечно же, это открыто проявлявшееся недовольство. Саратовская губерния была одной из восьми губерний, где крестьянские выступления весной 1861 г. получили наибольший размах. В апреле – мае произошли крупные выступления в селах Аткарского уезда в вотчине графа Гурьева, где крестьяне отказались выполнять указания помещика и были усмирены только с помощью солдат, а также в имении графа Ор-

лова в Вольском уезде, где крестьяне отказались повиноваться помещику, даже несмотря на некоторые облегчения в уплате оброка [7, с. 125].

Крестьяне из с. Меловатки Камышинского уезда отказались вносить выкупные платежи в знак протеста против уменьшения их земельных наделов, которое проводилось в соответствии с царским манифестом 19 февраля 1861 г. На подавление волнений были высланы три роты солдат, а также полиция, однако волнения удалось подавить с трудом, т. к. бунтующих крестьян поддержал весь сельский сход [9, с. 25].

Также не редкостью были отказ от выполнения барщины и уплаты оброка. По статистическим сведениям, собранным П.А. Зайончковским, в марте 1861 г. серьезных выступлений в Саратовской губернии не наблюдалось [2, с. 125], кроме волнений в Руднянской области Камышинского уезда в имении князей Четвертинских, которые начались 18 марта. Они отказывались исполнять требования помещика и не шли ни на какие уговорки. Ежедневные сельские сходы также не смогли убедить их. Подавить данное выступление удалось только при помощи нескольких батальонов пехоты. По данным на 1973 г., в волнениях участвовало около 6 тыс. крестьян [9, с. 24]. По данным известного историка М.В. Булычева, которые приведены в сборнике «История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 г.», указано, что в этих волнениях участвовало свыше 9 тыс. человек [6, с. 195]. Но это далеко не самое масштабное крестьянское волнение. Массовые крестьянские выступления в нашей губернии начались в апреле и получили свое развитие преимущественно в мае 1861 г.

В августе 1861 г. вспыхнули новые волнения в имении князей Четвертинских. Как следует из записки канцелярии Саратовского губернатора о волнениях в губернии, составленной в сентябре, подавить восстание в имении и во всем Камышинском уезде удалось только 27 августа с помощью восьми батальонов, которые разместились во многих волостях уезда [4, с. 106].

Данные события также отражены в различных документах, как в источниках личного происхождения, так и в делопроизводственных документах. Данные события в Саратовской губернии даже были отражены в художественной литературе. В автобиографическом романе «Быль» саратовского старожилы Виктора Антоновича Шомпулева (1830–1913), где в качестве главного героя выступает сам автор, приводятся достоверные описания тех событий: «19 февраля 1861 года, положив конец крепостному праву помещиков, доставило много хлопот... к тому же, в отдалённом Кузьминском уезде начались и крестьянские беспорядки» [13].

Настроение крестьян Саратовской губернии после отмены крепостного права можно рассмотреть, опираясь и на источники личного происхождения. Так, например, из письма помещицы Камышинского уезда Силкиной уездному предводителю дворянства, написанной в июле 1861 г., следует, что «крестьяне... имеют злодейские намерения в отношении меня» [5, с. 97]. Говоря о крестьянских волнениях, помещица отмечает, что «выступления крестьян... были стихийными, неорганизованными», однако «крестьяне сохранили веру в “доброе” царя и боролись лишь за улучшение своего экономического положения» [Там же, с. 97].

Большое количество делопроизводственных документов указывают на большое количество крестьянских волнений в губернии. Например, в записках канцелярии саратовского губернатора о волнении крестьян в связи с объявлением манифеста 19 февраля 1861 г. отмечается, что крестьяне «неправильно истолковывая свои права на помещичьи угодья, оказали сопротивление полиции» [4, с. 106]. Министр внутренних дел Пётр Александрович Валуев указывал, что крестьяне Аткарского и Камышинского уездов «отказывались вспахивать и обсеменять свои поля» [3, с. 127].

По данным Б.И. Казакова в «Страницах летописи Саратова», в период с лета 1861 до начала 1864 г., правительственные войска для подавления выступлений крестьян в губернии использовались 62 раза [7, с. 126]. П.А. Зайончковский в своем труде «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.», опираясь на данные Департамента Генерального штаба по участию войск в подавлении крестьянских волнений с июня 1861 г. по декабрь 1863 г. включительно, приводит аналогичную цифру – 62 волнения по губернии было подавлено правительственными войсками [3, с. 132–133].

Также стоит отметить, что в Саратовской губернии лишь однажды отмечен случай неповиновения приказу командиру, связанного с подавлением крестьянского волнения. Произошло это в июле 1861 г. в селе Широкий Коромыш Аткарского уезда, когда фельдфебель Иван Федоров не подчинился приказу командира 8-го Бутырского пехотного полка, отметив, что «крестьян наказывать не следует» [3, с. 79].

Недовольство положениями реформы проявлялось и в другой форме протеста – бегстве. Так, после оглашения манифеста, бежали крестьяне помещика Лятошинского Царицынского уезда. Большинство бежало в Бессарабию, откуда писали оставшимся, чтобы те следовали их примеру. Остановить их удалось лишь в последний момент. Делали попытку бежать в Бессарабию и крестьяне других помещиков – Ловчикова, Данилова и других [12, с. 147].

В делах мирового посредника третьего участка по Саратовской губернии содержится информация о том, что 2 октября 1863 года крестьянин помещика Владыкина, следивший за табуном его лошадей, пытался сбежать, поймать его удалось лишь в погоне на лошадях. Здесь же отмечается, что у данного помещика в бегах находятся «крестьяне в количестве 4 семей, около 20 душ», часть из которых сбежала еще до объявления манифеста 19 февраля 1861 г. [1, с. 25].

Таким образом, реформа 1861 г. была осуществлена в угоду помещикам и интересы крестьян практически не отражала, что естественно вызвало у них большое недовольство. Оно вылилось в повсеместное выступление, которое к лету 1861 г. охватило 32 российских губернии. Саратовская губерния не стала исключением. В ней крестьянские выступления проходили достаточно активно, но никаким успехом не увенчались и были подавлены регулярными войсками. К середине 1864 г. выступления в Саратовской губернии фактически прекратились, а после 1865 г. и вовсе сошли на нет.

Литература

1. Дела мирового посредника третьего участка // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния / Сарат. губ. уч. арх. ком. Саратов: Тип. Союза печат. дел. 1911.
2. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., доп. М.: Просвещение, 1968.
3. Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М.: Соцэкгиз, 1958.
4. Из записки канцелярии Саратовского губернатора о волнении крестьян в связи с объявлением манифеста 19 февраля 1861 г. // Хрестоматия по истории родного края / под общ. ред. Шепелева И.С. Волгоград, 1970.
5. Из письма помещицы Камышинского уезда Силкиной уездному предводителю дворянства о настроении крестьян // Хрестоматия по истории родного края / под общ. ред. Шепелева И.С. Волгоград, 1970.
6. История Саратовского края: с древнейших времен до 1917 года / под общ. ред. В.П. Тотфалушина. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Регионал. Приволж. изд-во «Детская книга», 2000.
7. Казаков Б.И., Казакова Г.Д., Любомирова Л.Н. Страницы летописи Саратова. Саратов, 1987.
8. Манифест 19 февраля 1861 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1989. Т. 7.
9. Наш край: Хроника истории Волгограда и области. Волгоград: Ниж.-Волж. кн.изд-во, 1973.
10. Ставский Б.И. Гражданские законы губерний Царства Польского, разъясненные по решениям бывшего Варшавского IX департамента (1842–1875) и Гражданского кассационного департамента (1876–1904) Правительствующего сената, со всеми позднейшими изменениями и дополнениями: в 2-х т. 3-е изд., испр. и доп. Варшава: Изд. тип., 1905. Т. 1.
11. Томсинов В.А. Крестьянская реформа 1861 года в России. М.: Зерцало, 2012.
12. Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928) / под ред. М.М. Загорюлько, И.О. Тюменцева. Волгоград: Издатель, 2010.
13. Шомпулев В.А. Записки старого помещика. М.: Новое литератур. обозрение, 2012.

ALEXANDER FOKIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

LEGISLATION OF 1861 AND THE REACTION OF THE PEASANTS OF SARATOV PROVINCE

*This article deals with the basic provisions of the Emancipation Reform of 1861 based on the legislative acts of the Russian Empire. The regulatory acts of the reform and its nature are under consideration.
The main forms of the peasants' protest in the period are revealed.*

Key words: the Emancipation Reform of 1861, regulatory act, Saratov province, the forms of the peasants' protest.

УДК 904

И.А. ХОМИЦЕВИЧ
(ivanka.93@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА МОНЕТАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СИМВОЛ ИЛИ АТРИБУТ МАГИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ?*

Представлены результаты исследования проблемы использования некоторых символов и изображений в золотоордынском монетном деле XIII–XIV вв. Рассмотрено их значение как государственного символа и атрибута магических и религиозных верований.

Ключевые слова: Золотая Орда, монета, символ, идеология, ислам, пентаграмма.

В Золотой Орде с середины XIII-го до конца XV в. существовало биметаллическое монетное дело – чеканились серебряные и медные монеты, которые в настоящее время являются важным историческим источником, способствующим датировке исследуемых памятников. Анализируя монеты Золотой Орды можно узнать имена золотоордынских ханов, хронологию их правления, места чеканки монет.

Денежное дело Золотой Орды изучается уже более 150 лет. Этому аспекту посвящен не один десяток работ выдающихся исследователей, поскольку монеты – богатейший и многогранный источник для историков, археологов, нумизматов.

При анализе золотоордынских монет, изучении научной литературы и нумизматических каталогов нельзя не заметить наличие большого количества знаков, символов и сюжетов, чеканенных на монетах Золотой Орды.

Изображения характерны для медных монет, и при их изучении встречаются пулы с чеканкой пятиконечной звезды, сокола, двуглавого орла, льва и солнца, цветка в форме розетки и многих других. По монетам такого типа можно установить имена ханов, при которых они чеканились, а, следовательно, год чеканки, что очень важно при датировке исследуемого памятника.

Разнообразие изображений на монетах Золотой Орды привлекает внимание исследователей и вызывает ряд вопросов: какова же семантика изображений; с чем связано их широкое разнообразие; каково значение чеканки изображений на монетах? Цель данного исследования – найти ответы на поставленные вопросы. Для этого необходимо обратиться к трудам нумизматов и археологов, занимавшихся изучением Золотой Орды.

Например, А.З. Сингатуллина, автор исследования «Джучидские монеты поволжских городов XIII века», говорит о том, что разнообразие изображений на монетах чекана монетного двора Булгара «удивляет и радует глаз, но нельзя не учесть, что многочисленные монетные сюжеты вовсе не являются плодом фантазии или прихоти резчиков штемпелей. С давних времён, монетные изображения несли большую смысловую нагрузку, являясь проводниками идей, необходимых к распространению среди широких народных масс, большей частью неграмотных. Некоторые сюжеты отождествляются со знаками зодиака. Изображения животных и даже человека – показатель неокрепшего ислама или недостаточно серьёзного отношения к этой религии со стороны джучидских ханов XIII века» [6]. Поэтому с помощью понятных народу символических изображений на деньгах власть распространяла идеи общегосударственного значения, транслировала религиозные, политические, идеологические предпочтения правящей элиты. В связи с этим, нужно понимать, что многочисленные нумизматические сюжеты не являются плодом фантазии или прихоти резчиков штемпелей.

Один из наиболее авторитетных специалистов по нумизматике Золотой Орды – Г.А. Фёдоров-Давыдов – выделяя в своих трудах основные типы монет, указывал на религиозный характер изображе-

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ний на некоторых из них. При этом такие изображения на пулах, как солнце в клешнях рака, лев и солнце, по его мнению, имеют зодиакальный смысл [8].

На многих медных монетах над спиной зверя изображено солнце с человеческим лицом. Царь зверей – самое сильное животное, с которым человек был вынужден считаться, был достойным того, чтобы нести на себе верховное небесное светило. В совокупности Лев и Солнце представляли воплощение небесной силы, всемогущество и сущность небесной власти на земле.

В зоне сложения и жизни тюркоязычных народов львы не водились, зато их нишу (в природе и в представлениях о системе мира) с успехом занимали барсы. Поэтому и на джучидских монетах, скорее всего, изображен именно барс. Поднятая вперед лапа – символ благопожелания, приветствия. Также зверь изображен на тюркских монетах VII–VIII вв. Вся композиция может толковаться как: «Высшая власть желает добра и приветствует держателя монеты с таким изображением» [1].

Изображение двуглавого орла на монетах Золотой Орды встречается с конца XIII-го по вторую половину XIV в. Убедительного объяснения появления двуглавого орла на монетах Золотой Орды нет. Однако наиболее доказательной является версия, согласно которой происхождение золотоордынского двуглавого орла уходит корнями на восток. Авторами данной версии являются ученые Р. Фасмер, Б. Кене, А. Орешников [8]. Согласно их гипотезе, в монетной чеканке мусульманских государств востока изображение двуглавого орла встречается еще с конца XII в. Обращает на себя внимание тот факт, что символику в виде двуглавой птицы можно встретить сначала на монетах Исаки, а затем на монетах Крыма, т. е. на территории тех регионов, в которых присутствовало сельджукское влияние.

В подтверждение данной гипотезы стоит отметить, что двуглавый орел появляется на ордынских монетах при хане Узбеке, который насильственно проводил политику исламизации Орды. Для продвижения идей мусульманства хану были необходимы определенные идейные символы. Одним из них стал двуглавый орел – подражание символике сельджуков, которые были родственны большей части тюркских этносов Орды и имели древние традиции мусульманской государственности.

При анализе изображений животных на монетах Золотой Орды необходимо упомянуть о календарном значении некоторых из них. Золотоордынцы пользовались параллельно двумя календарными системами: циклической (двенадцатилетним животным циклом) и исторической (мусульманской хиджрой). Первый – один из древнейших календарей, по которому определялся такой порядок лет: годы Мыши, Быка, Тигра, Зайца, Дракона, Змеи, Лошади, Овцы, Обезьяны, Собаки, Курицы, Свиньи, был принят многими тюркоязычными народами. В мусульманских странах издавна сложилась традиция чеканить новые монеты к Новому году хиджры для праздничной раздачи. Например, основатель османского государства Осман I (1299–1325) выбил медные монеты с изображением зайца в 1315 г. к началу Нового года по тюркскому циклическому календарю [4]. Однако Г.А. Фёдоров-Давыдов считает, что мысль о календарном значении изображений на монетах Золотой Орды согласно животному циклу – не более чем гипотеза [8].

Кроме животных на медных и серебряных монетах золотоордынского государства чеканили различные символы, среди которых пятиконечная звезда.

Пентаграмма (от греч. *penta gramma* – пять линий) – «один из самых древних и многозначных символов, несущий колоссальную смысловую нагрузку и подчас соединяющий в себе несколько значений» [13].

Впервые на монетах джучидов пентаграмма появляется на дирхемах Булгара и пулах Крыма в период правления хана Токты или двух его предшественников. В годы правления хана Узбека подобные изображения встречаются гораздо чаще, но уже на медных пулах чекана Булгара и Сарая. В этот период пентаграмма изображается как вершиной вверх, так и перевернутой. Относительно широкое распространение пятиконечной звезды на монетах Узбека способствовало ее перенесению на предметы быта, посуду и украшения, что свидетельствует о доступности знаковой символики пентаграммы для основной массы жителей государства.

Возможно, относительное разнообразие монет с пентаграммой в период правления Узбека связано с пропагандой символики новой государственной религии – ислама. Однако впервые монеты подобного вида чеканились в годы правления ханов, являвшихся приверженцами тенгрианства (Туда-Менгу, Тула-Буга) или буддизма (Токта), что определенно не вносит ясности в этот вопрос. К сожалению, на сегодняшний день невозможно дать однозначного ответа на вопрос о том, какое значение вкладывали ханы в чеканку пентаграммы на своих монетах. Но с уверенностью можно утверждать, что этот символ был популярен среди населения. А это говорит о том, что люди через призму своего архаичного мировоззрения видели в нем не столько политический символ государственного значения, сколько близкий и понятный ему атрибут магически-бытовых домусульманских верований [13].

Вызывают интерес у исследователей золотоордынские монеты с чеканкой символов, относимых к древнеиндийской и буддистской традициям. На серебряных и медных монетах встречается изображение «виньеток» различной формы, которые известны под разными названиями: «узел счастья», «узел вечности», «узел бесконечности». Данный символ в тибетской мифологии означает бесконечную мудрость. Поскольку узел не имеет ни начала, ни конца он также символизирует переменчивый характер времени, непостоянство и взаимосвязь всех вещей, а также единство сострадания и мудрости.

Появление «узла бесконечности» на монетах Золотой Орды в первую очередь связывается с религиозными предпочтениями первых монгольских правителей и «уйгурской» чиновной знати Улуса Джучи.

Таким образом, на монетах Золотой Орды изображалось большое количество разнообразных символов. Обращение к анализу лишь некоторых из них уже позволяет сделать вывод, что семантика этих изображений и цель их чеканки на монетах были различны, подвести все изображения к общему смысловому значению и предназначению не представляется возможным. Это связано с тем, что символы на монетах являлись отражением культурно-религиозной особенности золотоордынской цивилизации, в рамках которой перемешались разные этносы и религии. На монетах Золотой Орды, происходящих из разных регионов и центров чекана, присутствует традиционная тюркская и китайская, исламская, буддистская, христианская, а также тенгрианская и иудейская символика.

В связи с тем, что монеты имели хождение на территории всего государства и находились в руках населения, правящая власть в лице хана могла с их помощью распространять официальную идеологию. Например, в чеканке дирхемов преобладала официальная государственная доктрина и позиционирование Улуса Джучи как сугубо мусульманского государства. Для этого использовались Символ веры, имена праведных халифов и религиозные лозунги. Изображения на медных монетах, более активно обращавшихся в народной среде, на рынках, кроме прикладного значения (различие эмиссий) имели декларативный характер. Многие мифологические концепции со своей символикой существовали в народной форме ислама. Поэтому, в XIV–XV вв. именно пулы являлись одним из способов внедрения основной идеи, пропагандируемой ханской или местной администрацией среди населения страны.

Литература

1. Гончаров Е.Ю. Джучидские монеты в контексте тюркской и мусульманской культур [Электронный ресурс] // Сайт города Кунград. URL: <http://kungrad.com/history/st/moneti/html> (дата обращения: 30.03.2018).
2. Козубовский Г.А. Джучидские монеты XIV в. в денежном обращении Южной Руси // Третья ВНК в г. Владимире. 17–21 апреля 1995 г.: тез. докл. М., 1995.
3. Лапшин А.С. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией на Водянском городище у г. Дубовки Волгоградской области в 2010–2016 гг. Волгоград, 2017.
4. Лебедев В.П. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинёв, 1990, С. 139–156.
5. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983.
6. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы из каталога) // Татарская археология. 1998. № 1(2). С. 52–88.

7. Сингатуллина А.З. О болгарских монетах с именами великих каанов // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 1987.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.: Изд-во МГУ, 1981.
11. Хомицевич И.А. Надчекан Адиль на пулах Водянского городища // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XI Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов (г. Ростов-на-Дону, 7–9 ноября 2016 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. С. 241–243.
12. Хомицевич И.А. Становление и развитие денежной системы Золотой Орды // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2017. № 3(14). С. 67–70. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/2-17/Downloads/1496831057.pdf (дата обращения: 30.03.2018).
13. Шереметьев А.Г. Пентаграмма на джучидских монетах: связь официальной идеологии с бытовой магией // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2012. Вып. 3. С. 79–83.

IVAN KHOMITCEVICH

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**IMAGES ON THE COINS OF THE GOLDEN HORDE: STATE SYMBOL
OR ATTRIBUTE OF MAGIC FAITHS?**

The article deals with the results of studying the issue of using some symbols and images in the Golden Horde coinage of the 13-14th centuries. Their significance as a state symbol and attribute of magical and religious faiths is under consideration.

Key words: the Golden Horde, coin, symbol, ideology, Islam, pentagram.

УДК 93

В.С. ХРИЩАТЫЙ

(vladislav.hrischatiy@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ 90-Х ГОДОВ И СМИ*

*Рассматривается роль СМИ в освещении событий Чеченского конфликта
(Первой чеченской войны).*

*Ключевые слова: СМИ, Первая чеченская кампания, ЧРИ,
межнациональный конфликт, Российская газета.*

За последнюю четверть века средства массовой информации (СМИ) превратились в реальную силу, что заставляет не только считаться с ними, но и предъявлять им серьёзные требования. Как показывает анализ средств массовой информации, в условиях межэтнической напряженности они могут служить как консолидирующей, сплачивающей силой, так и разъединяющим, усугубляющим фактором. Отображение вооруженных столкновений в СМИ относится к разряду наиболее острых общественно-политических вопросов, которые с каждым годом привлекают все большее внимание со стороны историков, социологов, политологов. Интерес к данному вопросу определен тем, что средства массовой информации считаются одним из методов инициирования либо, наоборот, урегулирования столкновений. Но данное регулирование носит крайне двойственный характер: СМИ имеют все шансы усугублять, либо смягчать процесс формирования столкновений, содействовать эскалации напряженности, либо принимать участие в ходе умиротворения и общественного восстановления уже после окончания конфликта. Другими словами, средства массовой информации начали выступать в качестве важного орудия в управлении вооруженными столкновениями, что и определяет актуальность обращения к теме изучения роли СМИ в межэтнических конфликтах.

Первая чеченская кампания 1994–1996 гг. сегодня определяется как «внутрироссийский вооруженный конфликт между федеральными войсками (силами) и вооруженными формированиями Чеченской Республики Ичкерии (ЧРИ), созданными в нарушение законодательства Российской Федерации» [4].

Условия, оказывающие существенное воздействие на полноценный труд СМИ, особенно наглядно обнаружили именно во время данного конфликта.

Желание ЧРИ сформировать независимое государство определило ту опасность, которая грозила территориальному единству Российской Федерации. Как раз данный факт составляет отличительную черту вооруженного столкновения в Чечне: он совершается на территории Российской Федерации и юридически никак не считается интернациональным, однако в него втянуты международные силы.

Многие отечественные СМИ при освещении данного конфликта выбрали метод провокаций. При изучении статей в печатных изданиях «Московский комсомолец» и «Известия» можно прийти к выводу, что только в одном из четырех использованных материалов упоминалась либо раскрывалась позиция уполномоченных представителей Российской армии о военных действиях, остальные материалы были посвящены Чеченской армии, или «ужасам войны», виновными в которых признавались в первую очередь «русские, нарушившие мирную жизнь чеченской республики». Опросы общественного мнения, проводимые общероссийским телеканалом НТВ, показывали, что с каждым месяцем для среднего зрителя данного канала своя собственная армия становится всё более «чужой», тогда как цели чеченских, дудаевских боевиков – всё более «близкими и понятными». Вместо помощи и защиты своей же армии шла неизменная её дискредитация.

СМИ преднамеренно стремились уничтожить столетиями сформировавшееся доброжелательное отношение россиян к российскому ратнику, солдату, офицеру. Большая часть репортажей была за-

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

полнена описаниями трупов российских солдат, уничтоженной техники, однако практически не указывались потери среди дудаевских боевиков. Та часть изданий, которая поддерживала те или иные действия правительства, подверглась со стороны «демократических» СМИ травле и осмеянию. Одним из таких изданий являлась «Российская газета», подвергшаяся осуждению лишь за то, что в ней печатались статьи, выдержанные, преимущественно, в официальном русле. Главами так называемых «демократических» СМИ («Московский комсомолец», «Новая газета», «Общая газета» и др.) было составлено множество заявлений к изданиям, поддерживающих действия властей. Так, в одном из них заявлялось: «Мы прекрасно понимаем, что не дело средств массовой информации организовывать акции гражданского протеста. Но все обычные способы вразумления власти, которыми располагали СМИ, уже использованы. О варварстве и бесперспективности этой войны сказано и написано все, что можно, а конвейер человекоубийства работает как ни в чем не бывало» [5, с. 241].

Правительственные средства массовой информации предпринимали меры по противодействию данной тенденции. Например, «Российская газета» на момент проведения первой чеченской кампании обнародовала открытое письмо коллективам редакций, которые критиковали её деятельность и её последователей. Прочитируем некоторые отрывки из данного письма: «Да, мы скорбим, как и все нормальные люди, скорбим по погибшим на Северном Кавказе. И слезы матерей разрывают наши сердца. Газета не раз выступала и выступает с резкой критикой того, как была организована операция. Но мы не можем печатать так называемых правозащитников, которые призывают военных к дезертирству, призывают русских собирать деньги на оружие для чеченских боевиков, которые зовут натовские самолеты бомбить Москву. Считаем подобную защиту человеческих прав изуверством и патологией... А мы живем в России и умрем на Родине. Нам бежать некуда. Мы любим нашу Родину и не будем ее продавать... И, защищая все, что нам дорого, мы печатаем правду о сотнях тысяч изгнанных из Чечни россиян, о леденящих душу фактах изуверства, когда бандиты кастрируют раненых, насилюют детей. И это факты не только сегодняшнего дня, это – три года ужасов». Сотрудники газеты подчеркивали, что они выступают за права «людей», а не «бандитов», в отличие от тех газет, теле- и радиоканалов, которые «почему-то на стороне боевиков» [3, с. 1].

Данный конфликт в западных СМИ представлен как народный – «русские против чеченцев» и как имперский – вся мощь России против крохотного горского народа. Никого не интересовал ни национальный состав республики, ни традиции сосуществования народов на Кавказе. Сергей Георгиевич Кара-Мурза, советский и российский учёный, говорил о том, что чеченская катастрофа России, согласно западным изданиям, – «хорошо разыгранный спектакль. Актеры – Ельцин и Дудаев, Шахрай и Ковалевы, Клинтон и Ле Карре – вроде бы не связаны друг с другом, каждый играет свою роль. Но следуют одной невидимой нам дирижерской палочке» [1, с. 3].

С.Г. Кара-Мурза провел сравнительный анализ публикаций из различных изданий западной прессы на предмет того, что же пишут за рубежом о Чеченской республике, и пришел к заключению: «Судя по масштабу всей кампании прессы, война в Чечне занимает в глобальной политике гораздо более важное место, чем мы думаем у себя дома. Видно, ее предполагают превратить в добывающий Россию удар... Чечне с первых же чисел декабря отводят по целой странице в ведущих газетах – вещь необычная. Важный факт: демократическая пресса и ТВ в Москве умалчивают о той роли, какую придает Чечне западная пропаганда» [Там же, с. 3]. В соответствии с выводами ученого, преобладающая часть западных СМИ неоспоримо занимает сторону Дудаева, печатные издания отождествляют Чеченскую республику с ареной, на которой идет борьба между христианами и мусульманами, и, что самое, возможно, удивительное, создавая идеал в образе Дудаева, пресса фальсифицирует факты, говоря, к примеру, что «Дудаев победил на выборах 27 октября 1991 г., получив 90,1% голосов... но Москва не признала первых демократических выборов в Чечне» [Там же, с. 3].

Отклик жителей России на чеченский конфликт, характерные черты его отображения в СМИ послужили началом для создания предмета исследований, проделанных в 1995 г. Всероссийским институтом прессы и общественной данных. Благодаря результатам данных исследований было выясне-

но о «провале информационно-пропагандистского освещения чеченских событий». Причинами этого провала явились следующие два факта: во-первых, вполне предсказуемое снижения уровня интереса населения к политике в целом. Так, по сообщению социологов, около 57% москвичей заявили, что мало внимания уделяют событиям в Чечне. Во-вторых, в средствах массовой информации отсутствовали аналитические материалы, которые помогли бы раскрыть и без того сложную ситуацию в Чеченской республике и необходимость разрешения данного конфликта. Отсюда заключалось, что общество было не готово к принятию такого рода информации, и начало военной кампании стало полнейшей неожиданностью для большинства жителей нашей страны.

Чеченские события продемонстрировали российскому обществу, что «четвертая власть» в нашей стране стала серьезным соперником и исполнительной, и законодательной, и судебной власти. СМИ вместо «объективного отражения общественного мнения взяли за решительное и массированное его формирование и в очередной раз доказали, что телевидение, радио и пресса – это самостоятельная политическая сила, диктующая стране не только концепцию государственного строительства, но и формы, методы его осуществления» [2, с. 1].

В условиях чеченских событий конца XX в. сложилось целое поколение «журналистов», ради «горячей информации» способных не только на неосторожные высказывания и на размещение непроверенной информации, но и сознательно фальсифицирующих факты, позволяющих оскорбительные высказывания (т. н. «язык вражды»), что часто приводило к обострению ситуации.

Исследование всего комплекса информации по проблемам межэтнических столкновений позволяет определить задачи и миссию СМИ в деле их предотвращения, управления действиями по урегулированию столкновений. От просветительной работы СМИ и от мастерства, объективности и ответственности корреспондентов в огромнейшей степени зависит поддержание в России гражданского мира.

В современном мире СМИ безусловно играют большую роль, с их помощью люди со всего мира реализуют свое право на получение информации, но только от самих журналистов зависит, насколько они будут профессионально выполнять свою «миссию». Необходим долгий труд по пересмотру сложившихся представлений и культурных установок. Важную роль в данном процессе могут сыграть и СМИ. При условии, что сами корреспонденты станут овладевать новой профессиональной культурой, которая отвечала бы сегодняшнему этапу развития РФ. Ясно одно: современная журналистика, не обладающая четкими понятиями этики и морали, не может быть достойным помощником в процессе воспитания толерантности.

Литература

1. Кара-Мурза С. Форрестол и Фатима // Советская Россия. 1995. 14 фев.
2. Легенды и мифы второй древнейшей // Российская газета. 1995. 21 янв.
3. О позиции «Российской газеты» // Российская газета. 1995. 21 янв.
4. Первая чеченская кампания 1994–1996 годов [Электронный ресурс] // РИА Новости. Россия сегодня. URL: <https://ria.ru/spravka/20141211/1037221201.html> (дата обращения: 01.04.2018).
5. Только так мы можем остановить войну: заявление руководителей СМИ // Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики: в 2-х т. М.: Издание Союза журналистов России, 1998. Т. 2.

VLADISLAV KHRISHCHATYI
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE FIRST CHECHEN CAMPAIGN OF THE 1990-S AND MASS MEDIA

*The article deals with the role of mass media in covering the events
of the Chechen conflict (the First Chechen War).*

Key words: mass media, the First Chechen campaign,
CRI, ethnic conflict, “Russian newspaper”.

УДК 94(481).081

А.А. ШОМАХОВА
(egy-2011@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

МУСУЛЬМАНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Рассматривается проблема участия мусульманского населения Российской империи в Первой мировой войне. Уделяется внимание вопросу патриотического подъёма российских мусульман в начале войны и изменения их отношения к войне и царскому правительству.

Ключевые слова: *Первая мировая война, ислам, мусульмане, мусульманский вопрос, пантюркизм, панисламизм.*

Первая мировая война – это первый военный конфликт мирового масштаба, втянувший в себя огромное количество народов. Из 59 независимых государств, существовавших в то время, в войне участвовало 39. Эта война явилась водораздельным хребтом в судьбах стран и народов, испытывая их на прочность. Российская империя и её народы, к сожалению, не стали исключением. Начало войны в России, как и в других странах Европы, вызвало бурный всплеск патриотических чувств народов, входящих в её состав и волеизъявления «верности императору». Мусульманское население империи тоже не осталось в стороне.

К концу XIX в. в Российской империи насчитывалось около 14 млн мусульман. Ислам стал второй по многочисленности приверженцев конфессией после православия. Мусульмане составляли свыше 11% населения империи [10, с. 324–326]. К 1912 г. по данным Департамента духовных дел насчитывалось 16,2 млн мусульман, проживающих в Российской империи. По данным неофициальных источников и информации мусульманских депутатов Государственной Думы численность мусульман России достигала до 20–25 млн человек [9, с. 211].

Мусульманская фракция Государственной Думы начавшуюся войну в 1914 г. встретила в патриотическом лагере. 26 июля 1914 г. была собрана экстренная сессия Государственной Думы, главной ее задачей было показать единство народа и власти перед врагом. Все фракции Думы (за исключением социал-демократической) выступили на стороне правительства, высказали свою поддержку в войне и стремление дойти до победного конца. Все нерусские депутаты и мусульманские в частности показали себя как истинные патриоты России. Лидерами Мусульманской фракции было сделано заявление, в котором говорилось, что, осознавая свой долг перед Родиной, «мусульмане готовы на всякие жертвы и в полном единстве со всеми русскими гражданами до конца будут бороться и защищать честь и целостность России» [8, с. 102].

27 января 1915 г. К.Б. Тевкелеев выступил в Думе с заявлением, в котором выражал отношение Мусульманской фракции, да и всего мусульманского населения империи к Первой мировой войне [4, с. 256–257]. В заявлении К.Б. Тевкелеев говорил о том, что мусульманское население, как и прежде, готово исполнять свои обязанности перед Родиной и готовы неуклонно нести свой долг перед Отечеством наравне с русским населением империи, и что мусульманское население готово оказать всяческую поддержку правительству. «Мусульмане Российской империи считали и считают себя русскими гражданами не только тогда, когда они добиваются прав, но и тогда, когда им приходится исполнять обязанности перед Родиной <...> Мусульмане неуклонно и честно исполняют свой долг перед Отечеством, защищая и честь, и достоинство его от всяких посягательств извне. <...> как в прежние войны, так и теперь, мусульмане бесприкословно представляют Российскому государству своих отцов, сынов, братьев <...> для борьбы с его внешними врагами. <...> Основание для определения отноше-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ния мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с коренным русским населением. Точно также и теперь, <...> когда опасность угрожает целостности Российского государства и благополучию всех его граждан, чувства и мысли мусульман не могут быть настроены иначе...» [4, с. 256–257].

В начале XX в. для нерусских народов одним из важных являлся вопрос о воинской повинности. Согласно закону о воинской повинности 1874 г. не все мусульманские народы империи несли данную повинность. В армию и на флот призывались только мусульмане европейской части России и Сибири (примерно 1/3 часть российских мусульман), мусульманское население Кавказа и Средней Азии были освобождены от обязательной воинской службы и не подлежали призыву. В царской армии служили татары и башкиры. Осетины-мусульмане получили право отбывать повинность наравне с осетинами-христианами. Другие представители мусульман империи служили на добровольных основах [1].

По данным Министерства иностранных дел (МИД), в августе 1914 г. в регулярных сухопутных войсках Российской империи проходило службу следующее количество мусульман – 39,283 «нижних чина», 287 обер-офицеров, 56 штаб-офицеров и 9 генералов [2, с. 43]. После начала войны количество военнотружущих мусульман возросло. Историки С. Исаков и Р.Г. Ланда приводят следующие цифры: за период 1914–1917 гг. мусульман было призвано от 800 тыс. до 1,5 млн человек [7, с. 113]. В свою очередь Д.Ю. Арапов оспаривает эти цифры, утверждая, что «число призывников-мусульман вряд ли могло превышать четверть миллиона человек» [1]. Стоит также учитывать существование мусульманской части, которая формировалась на добровольческих началах и денежном найме (Кавказская туземная (Дикая) дивизия, Текинский полк и др.).

В начале войны возникла необходимость в формировании военных частей из «воинственных кавказских народов». Николаю II поступило предложение от главнокомандующего войсками Кавказского военного округа графа И. Воронцова-Дашкова использовать «воинственные кавказские народы» и сформировать из них войсковые части. 27 июля 1914 г. с разрешения императора последовал высочайший указ сформировать из горцев Кавказа на время военных действий Кавказскую туземную дивизию. Состояла дивизия из шести конных полков, собранных по этнически-географическому признаку: Черкесский, Кабардинский, Чеченский, Татарский (состоявший из азербайджанцев), Ингушский, 2-й Дагестанский, а также Аджарский пеший батальон.

Помимо воинской службы, мусульманская общественность и религиозные структуры занимались благотворительной деятельностью. Мусульманское духовенство массово устраивало богослужения о военных успехах Российской армии. Пожертвования шли на нужды войны, организацию лазаретов и Красный Крест. Мусульмане Крыма ходатайствовали об открытии лазарета на вакуфные суммы мечетей и медресе. Ими же был создан комитет для сбора пожертвований теплыми вещами. Ставропольские мусульмане содержали за свой счет подвижный госпиталь. В Петрограде в декабре 1914 г. прошел съезд представителей всех мусульманских благотворительных обществ, на котором было решено открыть госпитали и организовать сборы белья и теплых вещей [2, с. 42–43]. Так же съездом был создан «Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям».

Населением Туркестана с начала войны до февраля 1917 г. было пожертвовано 2400 тыс. руб., на нужды фронта было отправлено 70 тыс. лошадей, 40899244 пуд. хлопка, 299 тыс. пуд. мыла и т. д. [8, с. 102]. Правительства Бухарского и Хивинского ханств оказывали русским властям содействие в распоряжениях, касающихся снабжения армии всем необходимым и её мобилизации. Бухарский Эмир оборудовал лазарет в Ялте на личные средства и пожертвовал 100000 руб. на нужды Красного Креста, 1000000 для распределения на нужды военного времени по Высочайшему усмотрению и 100000 в пользу семей призванных запасных. Хивинский Хан пожертвовал 100000 рублей деньгами и 1000 тулупов, другие теплые вещи в большом количестве [2, с. 42].

Положение мусульман было затруднено и изменило отношение к войне мусульманских солдат и мусульманской общественности Российской империи то, что в октябре 1914 г. на стороне Тройственного союза в войну вступила Османская империя, а её шейх-уль-ислам призвал всех мусульман стран Антанты объявить «священную войну» своим правительствам. В ответ на это муфтий Султанов обратился к мусульманам Российской империи, призывая их выступить в войне против единоверной Турции [7, с. 111]. У российских мусульман возникает проблема, как относиться к этой войне, в которой одной из противниц Российской империи становится османский халиф, который являлся для них сакральной фигурой. Перед ними встает выбор, гражданский долг (т. к. ислам учил, что мусульманин «должен быть верен своему Отечеству», должен любить его, следуя славам пророка Мухаммеда: «любовь к Отечеству равна вере в Аллаха» [Там же, с. 115] или религиозное братство (которое было не менее важно в их вероучении).

Стоит отметить, что Германия отводила важную роль в реализации своих планов Турции, которая стала её военным, стратегическим и экономическим союзником. Германия знала и надеялась, что вступление Турции в войну подорвет стабильность взаимоотношений и взаимодействия мусульманского населения и правительств стран Антанты. По плану военных действий, задача турецкой армии заключалась в том, чтобы во время ведения войны, наступая входить во взаимодействие с мусульманским населением Африки и Азии. Предусматривалось два основных направления: кавказское и египетское. На Кавказе Турция имела цель одновременно реализовать пантюркские и панисламистские идеи в виде завоевания Средней Азии, Кавказа и Поволжья. Наступательные операции турецких войск должны были быть поддержаны организованными в тылу противника волнениями и восстаниями [8, с. 104]. Турция тоже имела свои планы, эту войну она объявила джихадом и призвала к объединению всех мусульман мира. Мусульманам Азербайджана, в случае поддержки Турции в войне, она обещала отдать Бакинскую и часть Елизаветпольской губернии, часть Северного Кавказа вместе с Дагестаном [3, с. 35].

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами, мусульmanoфобия, исходившая из антитурецких настроений, привела к тому, что в российском обществе и правительстве мусульман России стали подозревать в сепаратистских настроениях и поддержке панисламистских и пантюркских идей. Это стало вызывать большую тревогу среди мусульманской общественности. В стенах Государственной Думы депутат от Мусульманской фракции выступил с заявлением о творящихся бесчинствах над мусульманским населением, о происходящем в тылу Кавказского фронта. Он сообщил: «Под шум войны над мирным мусульманским населением творились и продолжают твориться ужасы. <...> Вымогательство, грабежи и убийства мусульман сделались обычным делом. Об указанных беззакониях были поставлены в известность местные и центральные высшие власти. Но это, <...> не изменило положения мусульман» [5, Стб.153–154]. Так же стали известны и события в Батумской и Карской областях, где в основном проживали исповедующие ислам турки, лазы и аджарцы. В этих областях число убитых мирных жителей исчислялись сотнями, были разграблены селения, в Батумской области – 160, а в Карской – 320 [9, с. 216]. Чиновничество и участковые начальники вымогали у мусульман взятки, угрожая объявить их изменниками [Там же, с. 216]. Депутат А.И. Чкинели сообщал, что многих невинных мусульман сослали в Сибирь и во внутренние губернии администрацией, якобы по причине измены государству [Там же, с. 217]. К.Б. Тевкелеев заявил, что «мусульмане отправили на фронт “своих отцов, сыновей, братьев”, но в этот драматический момент правительство наносит очень чувствительный удар их религиозному и национальному чувству» [Там же].

Стоит отметить, что данные настроения и действия российской общественности и правительства, тоже были небезосновательны. У правительства все же были причины подозревать российских мусульман в содействии Турции. В 1915 г. под руководством азербайджанцев А. Агаева, А. Гусейн-заде и татар Ю. Ачкурин, А. Ибрагимова, являвшихся представителями мусульманской общественности, уехавшей в Европу после революционных событий 1905–1907 гг., в Стамбуле был создан специальный

Комитет по защите прав тюркских и мусульманских народов Российской империи. Члены Комитета желали представить европейской общественности, в каком положении находятся эти народы в Российской империи и их требования. Делегаты Комитета в течение 1915–1916 гг. посетили правительства Австрии, Венгрии, Болгарии, где они представляли «Меморандум Комитета защиты прав мусульманских тюрко-татарских народов России». Этот документ содержал в себе требования восстановления государственности этих народов, которые оказались в составе Российской империи; требование о восстановлении независимости Хивинского и Бухарского ханств, с возвратом их территорий отошедших в состав Туркестана; восстановление Казанского и Крымского ханств; предоставить административную автономию казахам проживающих на территории от Уральских гор до Туркестана [6, с. 29]. В январе–феврале 1916 г. Комитет встречался с премьер-министрами Германии и Болгарии. От них делегаты получили заверения, что в случае победы Тройственного союза, Германия и Австро-Венгрия готовы оказать помощь российским мусульманам после завершения войны. Членов данной делегации в современной историографии характеризуют как провокаторов и сепаратистов [Там же].

Так же стоит обратить внимание на положение военнопленных-мусульман из Российской империи. По отношению к ним Германия реализовывала политику «привилегированного содержания». Они объявлялись гостями кайзера. В документах германского МИДа, эта политика объясняется следующим образом: «чтобы подтвердить и выразить дружественное отношение Германской империи к мусульманским народам, <...> с целью того, чтобы убедить в своей дружбе всех последователей ислама, сражающихся на стороне врага, всем военнопленным из враждебных армий, исповедующим ислам, предоставлен привилегированный статус. Под руководством подготовленных офицеров и солдат они получают максимально возможные свободы» [8, с. 105]. В целом же, политика носила пропагандистский характер.

Обстоятельства подогревались событиями лета 1916 г., произошедших в Туркестане и Степном крае, когда Николай II подписал Указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений...». Документ должен был обеспечить рабочей силой, а также расширить возможность призыва на фронт русских рабочих, заменив их инородцами. Начало работ совпало с Рамаданом, священным для мусульман месяцем. Кроме того, местная администрация не смогла подготовить мероприятия по трудовой мобилизации, что привело к масштабным нарушениям. Всё это воспринялось местным населением как покушение на их права и отказ правительства от данных обязательств, т. к. после присоединения Средней Азии имперская власть гарантировала местным народам и их представителям, что они освобождаются от воинской повинности. Всё это привело к массовым восстаниям в Туркестане и Степном Крае. Этот конфликт вывел местных мусульман за предел правового поля и делал их «чужими», враждебными.

В вышеизложенных событиях царское правительство стало усматривать проявление сепаратизма и панисламизма. Но, несмотря на все эти обстоятельства, большинство мусульманского населения продолжало поддерживать Российское правительство в войне. Мусульмане были готовы вести войну против Германии, но сражаться против Турции было для них затруднительно, они оказались в двойственном положении. Как говорил депутат С. Максудов: «Вы не должны удивляться, что мусульмане, живущие в пределах России, питают симпатии к туркам и не желают окончательного её разгромления. Ведь и вы вступили в войну из-за симпатии к Сербии» [6, с. 32]. Мусульманским лидерам удалось удерживать патриотический дух мусульманского населения и солдат-мусульман. Даже в 1917 г. солдаты-мусульмане были готовы продолжать воевать до «победного конца», но уже не на стороне царского правительства, а в поддержку Временного правительства. Вступая в войну, российские мусульмане считали её «освободительной», они верили, что, если докажут свою преданность Царю, он пойдет на правовые и социокультурные уступки мусульманскому населению. А вышло всё совсем наоборот, условия, в которых оказались мусульмане в годы Первой мировой войны, привели к изменению отношения мусульманских народов к правительству и к чувству отчужденности от российского общества.

Литература

1. Арапов Д.Ю. Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. ст. Казань: Изд-во КФУ, 2014. С. 418–425. [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/111108/MUSLIMS_IN_RUSSIA_DURING_WORLD_WAR_2013_418_425.pdf?sequence=-1&isAllowed=y (дата обращения: 12.02.2018).
2. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 144 «Персидский стол». Оп. 490/з. Д. 45в. Л. 23–26. // «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» (публ. Д.Ю. Арапова) // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 42–44.
3. Багирова И.С. Общественно-политические процессы в Азербайджане и отражение их в деятельности депутатов Государственной Думы в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная Дума: материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, 17–18 октяб. 2014 г.). М.: Издание Государственной Думы, 2015. С. 35–43.
4. Выступление депутата К.Б. Тевкелева с заявлением мусульманской фракции об отношении к мировой войне (27 январ. 1915 г.) // Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг.: сб. документов и материалов / сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 256–257.
5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг. 1916. Стб 153–154.
6. Исхаков С.М. Мировая война и мусульманская общественность в России // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2014. № 4. С. 23–37.
7. Исхаков С.М. Отношение российских мусульман к Первой мировой войне // Российская история. 2014. № 5. С. 109–121.
8. Котюткова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 97–112.
9. Циунчук Р.А. Мусульманская фракция IV Государственной Думы накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная Дума: материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, 17–18 октяб. 2014 г.). М.: Издание Государственной Думы, 2015. С. 211–220.
10. Численность мусульман в Российской империи (по данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г.) // Ислам в Российской империи: законодат. акты, описания, статистика / Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 324–326.

ALYONA SHOMANOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

MUSLIMS OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR

The article deals with the problem of the participation of the Muslim population of the Russian Empire in the First World War. The issues of the patriotic uplift of Russian Muslims at the beginning of the war and the changing of their attitude towards the war and the tsarist government are under consideration.

Key words: *First World War, Islam, Muslims, the Muslim question, Pan-Turkism, Pan-Islamism.*